ЛЕНИН
ОГОНЁК
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА», МОСКВА
№ 38 СЕНТЯБРЬ 1981

В НАСТУПЛЕНИ

Отличники боевой и политической подготовки гвардии сержанты В. Курига и В. Дмитриев.

Кандидатом в члены КПСС единогласно принят механик-водитель Александр Уляхин.

На трибуне во время смотра войск, принимавших участие в учениях «Запад-81». Фото Л. Якутина

Морской десант.

Танковая атака при поддержке вертолетов.

Б. СОПЕЛЬНЯК,
фото А. НАГРАЛЬЯНА,
специальные корреспонденты «Огонька»

При умелой организации атаки, при правильно рассчитанном огневом налете, при тщательно продуманном маневрировании частями и подразделениями любую оборону взломать можно. Опыт Великой Отечественной войны — прекрасное тому подтверждение. Вспомним хотя бы Орловско-Курскую, Корсунь-Шевченковскую, Львовско-Сандомирскую и другие операции.

На учениях «Запад-81» оборона «южных» готовилась не один день. Разведка «северных» установила, что силы примерно рав-

См. стр. 8.

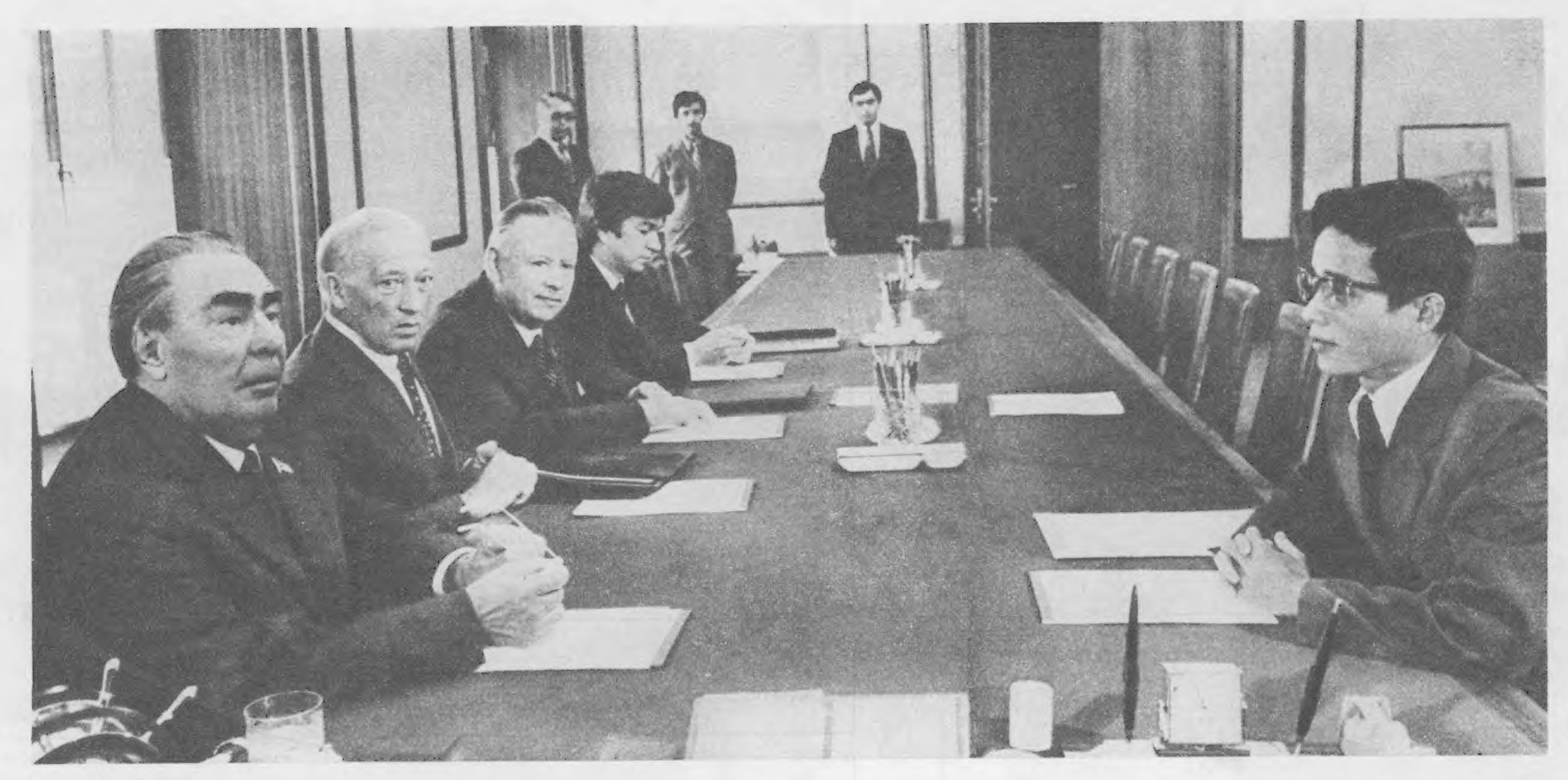
Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Основан 1 апреля 1923 года

№ 38 (2827)

19 СЕНТЯБРЯ 1981



Во время встречи. Фото В. Мусаэльяна (ТАСС)

ВСТРЕЧА Л. И. БРЕЖНЕВА с ПЕН СОВАНОМ

9 сентября в Кремле состоялась дружеская встреча Генерального секретаря ЦК КПСС, Председателя Президиума Верховного Совета СССР Л. И. Брежнева с Генеральным секретарем ЦК Народно-революционной партии Кампучии, Председателем Совета Министров Народной Республики Кампучии Пен Сованом, находящимся на отдыхе в Советском Союзе.

Между товарищами Л. И. Брежневым и Пен Сованом состоялся обмен мнениями по вопросам положения в Юго-Восточной Азии.

Состоялся обмен мнениями о перспективных направлениях дальнейшего развития советско-кампучийского сотрудничества.

Встреча Л. И. Брежнева и Пен Сована прошла в дружественной, сердечной атмосфере и характеризовалась полным единством взглядов.

Во встрече приняли участие: первый заместитель заведующего Международным отделом ЦК КПСС В. В. Загладин, помощник Генерального секретаря ЦК КПСС А. И. Блатов, помощник Генерального секретаря ЦК НРПК Пен Симан.

В СЕРДЕЧНОЙ, БРАТСКОЙ ОБСТАНОВКЕ

14 сентября в Кремле состоялась дружеская встреча Генерального секретаря ЦК КПСС, Председателя Президиума Верховного Совета СССР Л. И. Брежнева с Генеральным секретарем ЦК Народно-революционной партии Лаоса, премьер-министром Лаосской Народно-Демократической Республики Кейсоном Фомвиханом, находящимся в Советском Союзе на отдыхе.

Встреча прошла в сердечной, братской обстановке и подтвердила полное единство взглядов сторон.

Во встрече приняли участие первый заместитель заведующего отделом ЦК КПСС О. Б. Рахманин, помощник Генерального секретаря ЦК КПСС А. И. Блатов, заместитель заведующего отделом ЦК НРПЛ Б. Чаленсук, помощник Генерального секретаря ЦК НРПЛ И. Суринпхуми.

Во время встречи. Фото В. Мусаэльяна и Э. Песова (ТАСС)

Во время награждения.

Фото В. Мусаэльяна и Э. Песова (ТАСС)

ВРУЧЕНИЕ НАГРАДЫ

Генеральный секретарь ЦК КПСС, Председатель Президиума Верховного Совета СССР Л. И. Брежнев вручил 14 сентября в Кремле орден Ленина Генеральному секретарю ЦК НРПЛ, премьер-министру ЛНДР Кейсону Фомвихану. Этой награды он удостоен за выдающиеся заслуги в деле укрепления братской дружбы и сотрудничества между советским и лаосским народами.

При вручении награды выступили товарищи Л. И. Брежнев и Кейсон Фомвихан.

Товарища Кейсона Фомвихана тепло поздравил член Политбюро ЦК КПСС, секретарь ЦК КПСС М. А. Суслов.

На вручении награды также присутствовали: с советской стороны — секретарь Президиума Верховного Совета СССР М. П. Георгадзе, первые заместители заведующих отделами ЦК КПСС К. М. Боголюбов, О. Б. Рахманин, помощник Генерального секретаря ЦК КПСС А. И. Блатов, заместитель министра иностранных дел СССР Н. П. Фирюбин; с лаосской стороны — Б. Чаленсук, И. Суринпхуми, другие официальные лица.

ВРУЧЕНИЕ СОВЕТСКИХ НАГРАД

Генеральный секретарь ЦК КПСС, Председатель Президиума Верховного Совета СССР Л. И. Брежнев вручил 15 сентября в Кремле советские ордена министру национальной обороны ГДР генералу армии Г. Гофману и министру Революционных вооруженных сил Республики Куба генералу армии Р. Кастро Рус.

При вручении наград выступил тов. Л. И. Брежнев.

С ответным словом выступили тов. Г. Гофман и тов. Р. Кастро Рус.

Награжденных тепло поздравил член Политбюро ЦК КПСС, министр обороны СССР Маршал Советского Союза Д. Ф. Устинов.

На вручении наград также присутствовали: секретарь Президиума Верховного Совета СССР М. П. Георгадзе, первый заместитель заведующего отделом ЦК КПСС О. Б. Рахманин, помощник Генерального секретаря ЦК КПСС А. И. Блатов, заместители министра и другие члены коллегии Министерства обороны СССР, временные поверенные в делах: ГДР в СССР — В. Грабовски, Республики Куба в СССР — Л. Фелиппе Васкес.

Во время награждения.

Фото В. Мусаэльяна и Э. Песова (ТАСС)

КОЛОНКА МЕЖДУНАРОДНОГО ПУБЛИЦИСТА

ТЕРРОР—ОРУДИЕ ИМПЕРИАЛИЗМА

Юрий КОРНИЛОВ

Это произошло недавно в Нью-Йорке. На одной из центральных улиц города, у входа в книжный магазин «Четыре континента», где в числе других продаются и произведения советских авторов, грянул взрыв. Только по счастливой случайности никто из прохожих и работников магазина не пострадал. А вскоре информационные агентства оповестили: террористическая акция подготовлена и осуществлена группой воинствующих сионистов...

Взрыв у магазина «Четыре континента» — лишь один из многих фактов, показывающих, как открыто и нагло орудуют в США бандиты и террористы. Не бывает, пожалуй, месяца, когда бы нам не приходилось с чувством возмущения и протеста читать очередное сообщение о том, что в Нью-Йорке некие «неизвестные» пытались подложить взрывное устройство под машину советского дипломата, затеяли бесчинства у миссии революционной Кубы, совершили налет на представителей той или иной арабской страны и т. п. Кто организует эти преступные акции, секрета не составляет: это штурмовики из сионистской шайки, именующей себя «лигой защиты евреев», контрреволюционные группки вроде небезызвестной «Омега-7», разного рода подрывные центры, под крышами которых гнездится эмигрантское охвостье. Но, хотя адреса штаб-квартир налетчиков и террористов известны, американские власти упорно продолжают закрывать глаза на их преступную деятельность, поощряя их к новым провокациям.

Культ насилия — неотъемлемая черта пресловутого «американского образа жизни». Разгул насилия в США столь велик, что пули террористов бьют подчас и по тем, кто находится на вершине государственной пирамиды; напомним в этой связи, что Р. Рейган стал девятым по счету американским президентом, подвергшимся вооруженному нападению. Но, разумеется, главная мишень террористов иная — под предлогом «борьбы с терроризмом» правящие круги США развертывают все более ожесточенные атаки против прогрессивных сил страны и антивоенных движений, усиливают полицейские репрессии против «инакомыслящих», наступление на демократические права трудящихся. Вспомним злодейское убийство выдающегося борца за права американских негров Мартина Лютера Кинга, трагическую судьбу негритянской организации «Черные пантеры» или, скажем, судьбу «уилмингтонской десятки». Вспомним май 1980 года, когда страну потрясли события в Майами, где вооруженные до зубов каратели буквально потопили в крови выступления негритянского населения...

Ставка на силу, культ «большой дубинки», эти неотъемлемые слагаемые американского образа жизни, являются и стержнем всей внешнеполитической деятельности США. Стремясь любой ценой переломить в свою пользу ход событий на международной арене, завоевать империалистическую гегемонию в мировых делах, Вашингтон продолжает курс на безудержное взвинчивание гонки вооружений, сознательно поощряет акты открытой агрессии и международного бандитизма. Не будем углубляться в историю, которая свидетельствует, что за период с 1945 по 1977 год США и другие страны НАТО совершили 115 вооруженных провокаций, 22 из которых — после 1970 года. Но вот факты сегодняшнего дня: именно США, действуя заодно с Пекином, развязали и продолжают необъявленную войну против суверенного Афганистана, забрасывая в эту страну банды диверсантов и террористов. Американский империализм финансирует и снабжает оружием израильских налетчиков, которые бомбят мирные арабские города в Ливане, Ираке. Вашингтон стоит за спиной южноафриканских расистов, которые огнем и мечом пытаются поставить на колени свободолюбивый народ Анголы. Империалистическая реакция всячески стремится подорвать основы общественного строя в странах социалистического содружества, о чем свидетельствуют, в частности, постоянные попытки Запада вмешиваться в события в Польше. А разве не Вашингтон и его спецслужбы насаждают, поощряют и подкармливают всюду, где только возможно, самые кровавые, реакционные, антинародные режимы, которые, как это имеет место, скажем, в Южной Корее, удерживаются у власти лишь с помощью американских штыков и вся внутриполитическая «деятельность» которых сводится, по существу, к террору против собственного народа?

Империалистическая стратегия «мирового жандарма» — это стратегия насилия и шантажа, произвола и терроризма. В последний период времени мир облетели сообщения об убийствах президента, премьер-министра, а затем и генерального прокурора Ирана. Кто инициатор этих преступных акций? «Их гибель — плод деятельности преступных кругов США»,— заявляет созданный в Иране временный президентский совет. И разве это — исключение, единичный факт? Национальный герой Конго П. Лумумба, выдающийся кубинский революционер Че Гевара, президент Народной Республики Конго М. Нгуаби — вот далеко не полный список жертв так называемых «специальных операций», осуществленных ЦРУ США или его наемниками.

Пытаясь оправдать собственные агрессивные, гегемонистские планы и акции в различных регионах мира, а одновременно изобрести предлог для еще более грубого, беззастенчивого вмешательства в дела независимых государств, правящие круги США продолжают развертывать очередную клеветническую кампанию, цель которой — попытаться поставить знак равенства между «международным терроризмом» и национально-освободительной борьбой. Что сказать по этому поводу? За годы, истекшие после второй мировой войны, более двух миллиардов человек сбросили иго колониализма; две трети государств в сегодняшнем мире — это страны, освободившиеся от колониальной и империалистической зависимости. Утверждать, будто возникновение этих суверенных государств не результат воли народов и закономерностей истории, а итог чьей-то «подрывной деятельности» извне, «плод терроризма»,— значит бессовестно и злонамеренно извращать факты, глумиться над устремлениями и чаяниями миллионов борцов за свободу. Подобные утверждения — прямая идеологическая диверсия, орудие агрессивной интервенционистской и колонизаторской политики Вашингтона.

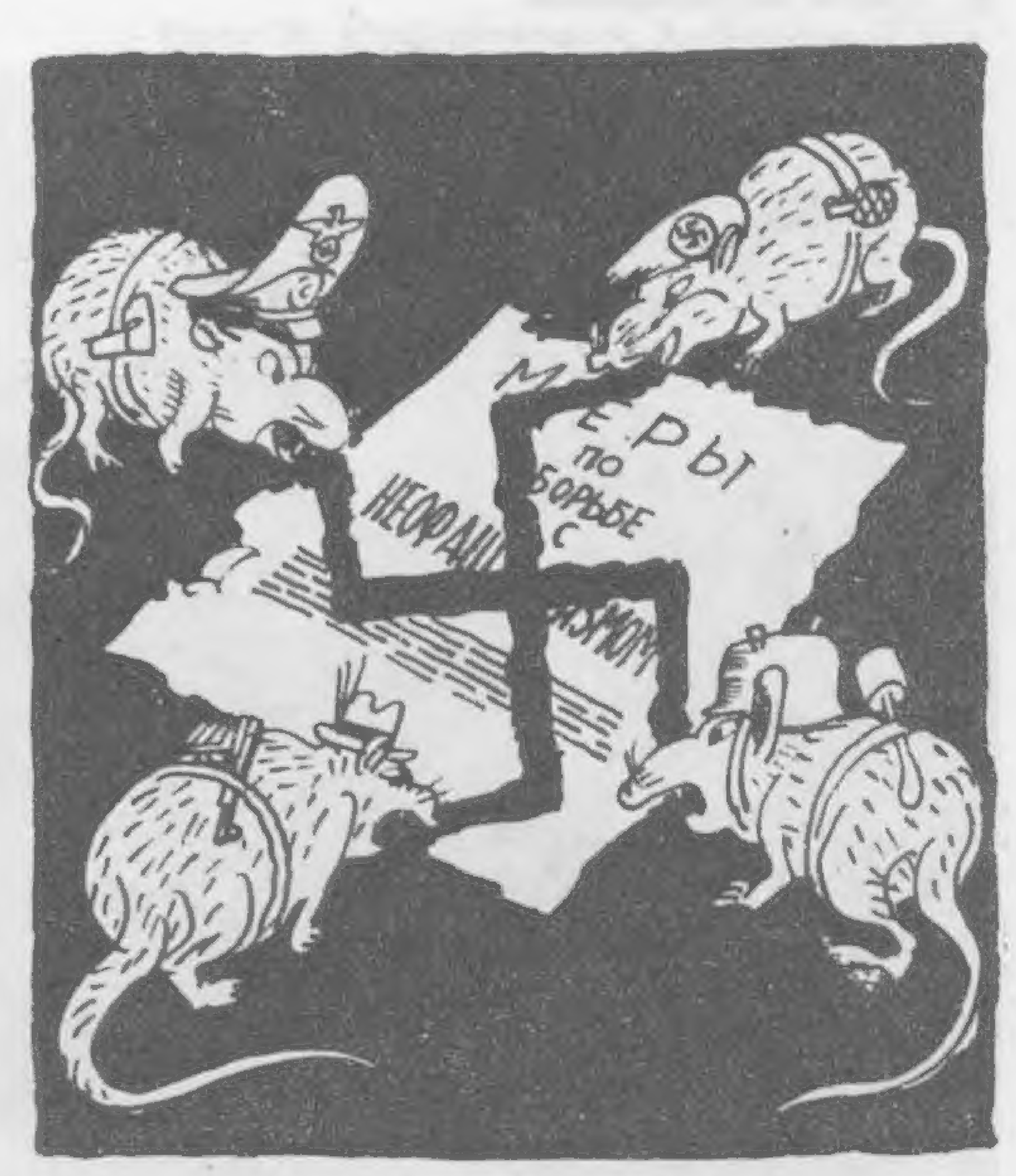
Империализм США — вот главный рассадник, организатор и покровитель международного терроризма!

В МИРЕ ХИЩНЫХ ЖИВОТНЫХ

Рисунки Ю. ЧЕРЕПАНОВА

Нейтронный волк в овечьей шкуре.

Гадюка ЦРУ.



Крысы неофашистские.

«огонек» в оренбуржье

Атмосфера праздника царила в Доме культуры «Экспресс» в Оренбурге. Здесь состоялось торжественное собрание представителей коллективов ордена Ленина Всесоюзного промышленного объединения — ВПО — «Оренбурггазпром», посвященное Дню работников нефтяной и газовой промышленности. Выступая с докладом, начальник ВПО Герой Социалистического Труда Ю. Ф. Вышеславцев привел впечатляющие цифры: за восемь месяцев с начала года добыто и переработано сверх плана полтора миллиарда кубометров газа, произведено три тысячи тонн серы. Двадцать семь кварталов подряд коллектив объединения, вновь занесенный на Всесоюзную Доску почета на ВДНХ СССР, удерживает первенство в социалистическом соревновании предприятий отрасли, завоевывает переходящее Красное знамя своего министерства и ЦК профсоюза.

На собрании приняты повышенные социалистические обязательства. Оренбургские газовики наметили добыть в сентябре — декабре первого года пятилетки 700 миллионов, а за весь год — 2 миллиарда 150 миллионов сверхплановых кубометров газа, реализовать сверх плана на сорок миллионов рублей продукции.

К профессиональному дню подведены итоги социалистического соревнования оренбургских газовиков на приз журнала «Огонек» под девизом «Эффективность и качество», начатого осенью 1978 года.

премии Ленинского комсомола В. П. Лашкова участник ввода в строй первой очереди завода В. С. Климкин. Здесь трудится и другой лауреат премии Ленинского комсомола — оператор Ю. В. Воробьев. Новаторский дух молодого коллектива, четкая технологическая и трудовая дисциплина позволили газовикам намного улучшить качество перерабатываемой продукции.

Вторая премия — переходящий вымпел «Огонька» и Почетная грамота администрации и профкома объединения вручены коллективу цеха «Новосков» Оренбургского линейного производственного управления производственного объединения «Оренбургтрансгаз». Обладателями третьей премии — Почетной грамоты администрации и профкома объединения стали газодобытчики первой оперативно-производственной службы производственного объединения «Оренбурггаздобыча».

Вручить награды победителям приехала творческая группа «Огонька» — член редколлегии журнала, редактор международного отдела Ю. Попов, специальный корреспондент «Огонька» Г. Кулиновская, корреспондент журнала «Огонек» Н. Алексеева, писатели Алексей Меньков и Людмила Овсянникова.

Затем артистами, прибывшими в составе творческой группы «Огонька», был дан концерт. Зрители тепло приняли выступления солистов Московской филармонии Татьяны Виноградовой и Вадима

ПРИЗ У ПЕРЕРАБОТЧИКОВ ГАЗА

Они завоевали приз «Огонька». Фото А. Филиппова.

Первую премию, переходящий приз — знакомый собравшимся хрустальный кубок дятьковских стеклодувов, принимает исполняющий обязанности начальника технологической установки У-09 производственного объединения «Оренбурггаззаводы» Ахмет Ахметович Мазитов. Газопереработчики впервые завоевывают первенство в соревновании. Два года назад эту установку, где получают стабильный конденсат, широкую фракцию легких углеводородов и топливный газ, принял у лауреата

Федоровцева; солистов Москонцерта Юрия Хабарова и лауреата конкурса имени В. Андреева Владимира Дубовицкого; студентов Московского циркового училища Аллы Кабановой и Геннадия Бабенко.

Огоньковцы встретились также с учащимися станкостроительного техникума, работниками торговли Оренбурга, учащимися ПТУ Саракташского района и хлеборобами колхоза «Заря».

В. КУЗНЕЦОВ
Контрольный пост «Огонька»

АЛЕКСАНДР ПАВЛОВИЧ ОГНИВЦЕВ

Советская культура понесла тяжелую утрату. На 62-м году жизни скончался выдающийся певец, народный артист СССР, лауреат Государственной премии СССР Александр Павлович Огнивцев.

А. П. Огнивцев внес большой вклад в развитие советского оперного искусства. В его ярком, самобытном творчестве нашли продолжение и развитие великие традиции отечественной музыкально-исполнительской культуры. На оперной сцене им были созданы образы глубокого идейно-художественного содержания, проникнутые духом советского патриотизма.

А. П. Огнивцев родился 27 августа 1920 г. в селе Петровском Ворошиловградской области в семье рабочего-железнодорожника. Свою трудовую деятельность начал электромонтером, по этой специальности работал в Приморском крае, на Украине, в Молдавии.

В 1945 году А. П. Огнивцев поступил в Кишиневскую консерваторию. Незаурядные способности молодого певца сразу же привлекли к себе внимание, и в 1949 году он был приглашен солистом Большого театра СССР. В этом прославленном коллективе А. П. Огнивцев проработал более 30 лет.

Одаренный от природы музыкальностью и артистизмом, А. П. Огнивцев непрестанно совершенствовал свое мастерство, раскрывал все новые грани в характерах созданных им образов. Особенно ярко творческая индивидуальность А. П. Огнивцева проявилась в монументальных спектаклях русской классики — операх «Хованщина» и «Борис Годунов» М. Мусоргского, «Псковитянка» и «Садко» Н. Римского-Корсакова, «Князь Игорь» А. Бородина, «Евгений Онегин» П. Чайковского и других.

Богатством художественных красок, точностью социальных характеристик, глубоким проникновением в психологию героев отмечены работы А. П. Огнивцева над ролями в операх советских композиторов С. Прокофьева, Ю. Шапорина, А. Холминова.

Пропаганде лучших произведений отечественного и мирового музыкального искусства, русской народной песни была посвящена и многогранная концертная деятельность А. П. Огнивцева, его творческие встречи с рабочими коллективами, тружениками села, воинами Советской Армии, с молодежью. А. П. Огнивцев делился своим богатым опытом с молодыми артистами Большого театра СССР, вел преподавательскую деятельность в ГИТИСе имени А. В. Луначарского.

Коммунистическая партия и Советское правительство высоко оценили творческие заслуги А. П. Огнивцева: он награжден двумя орденами Ленина, орденом Трудового Красного Знамени, орденом «Знак Почета», удостоен Государственной премии СССР, почетного звания народного артиста СССР.

Светлая память об Александре Павловиче Огнивцеве — замечательном художнике, выдающемся певце, щедро отдавшем свой большой талант служению советскому народу, навсегда останется в сердцах миллионов любителей музыки.

Л. И. Брежнев, В. В. Гришин, А. П. Кириленко, М. А. Суслов, Н. А. Тихонов, К. У. Черненко, П. Н. Демичев, М. С. Соломенцев, М. В. Зимянин, В. Н. Макеев, Е. М. Тяжельников, В. Ф. Шауро, З. М. Круглова, С. Г. Лапин, Н. А. Щелоков, В. И. Кочемасов, А. М. Роганов, В. Ф. Промыслов, Т. Н. Хренников, И. К. Архипова, В. А. Атлантов, А. Ф. Ведерников, Ю. Н. Григорович, Ю. А. Гуляев, Н. Н. Золотарев, Г. А. Иванов, И. С. Козловский, В. Ф. Кухарский, С. А. Лушин, Ю. А. Мазурок, Ю. С. Мелентьев, Т. А. Милашкина, Е. Е. Нестеренко, Е. В. Образцова, М. В. Пашков, Б. А. Покровский, М. О. Рейзен, А. В. Романов, Б. А. Руденко, А. В. Рыбнов, Ю. И. Симонов, З. Л. Соткилава, З. П. Туманова, А. А. Эйзен, М. И. Царев.

В ГОСТЯХ У

Муамар Каддафи.

Три светлые легковые машины, возглавляемые четвертой, черной, мчались по центральной улице Триполи, которая какой-то отрезок тянется вдоль моря. Машины мчались по осевой линии, навстречу плотному потоку, идущему слева.

Десять участников международной конференции солидарности с Ливийской Джамахирией ехали в резиденцию лидера ливийской революции Муамара Каддафи.

Вчера, 29 августа, во Дворце народов открылась эта, вторая по счету конференция накануне теперь уже 12-й годовщины славной революции 1 сентября, исторического дня народа Ливии.

Вчера на открытии конференции со страстной речью выступил лидер ливийской революции М. Каддафи. Участники конференции горячо приняли его речь, в которой он, в частности, сказал:

«В последнее время американские правящие круги развернули против народа Ливийской Джамахирии и ее руководства широкую враждебную кампанию, к которой активно подключились пособники неоколониалистской политики США на Ближнем Востоке и африканском континенте».

Как проявление международного терроризма, осуществляемого администрацией Рейгана в отношении арабских стран, М. Каддафи охарактеризовал недавнее пиратское нападение американских истребителей на самолеты Ливии у берегов этого суверенного государства. Проводимый Соединенными Штатами курс на подавление национально-освободительной борьбы арабских народов, сохранение взрывоопасного очага напряженности на Ближнем Востоке и усиление в этом регионе своего военно-политического присутствия является составным элементом глобальной стратегии наиболее оголтелых реакционных милитаристских кругов США. Цель этой стратегии — подрыв процесса разрядки международной напряженности, ослабление единства сил мира и свободы, усиление гонки вооружений и военной опасности.

...Несколько дорожных поворотов, и мы очутились возле здания, где с автоматами, в красных беретах ходили часовые.

...В белой длинной одежде, приветливо улыбаясь, в широком арабском шатре стоял Каддафи. Тепло поздоровавшись с каждым из приехавших, Каддафи пригласил гостей занять места на мягких широких диванах.

— Мы сегодня встретились с сравнительно небольшим количеством гостей: философами, учеными, писателями — для того, чтобы обменяться мнениями по поводу проходящей конференции, которая открылась вчера. Мне хочется поблагодарить вас за участие в этой встрече и в конференции. Надеюсь, вы еще не успели утомиться? Я лично был рад выступить на таком представительном, многонациональном форуме. Мне сообщили, что в нем участвует более восьмидесяти стран, четыреста с лишним организаций. Последние годы благодаря последовательной борьбе ливийского народа с империализмом, неоколониализмом и сионизмом Ливия становится центром национально-освободительных движений. Конечно, наша солидарность не заканчивается с окончанием конференции. Солидарность борющихся народов должна проникать в души людей, сопутствовать всем, кто борется за свободу народов и за справедливость. Вы сами понимаете, что империалисты не оставят в покое борющиеся народы. Тем более что у них есть такие пособники, как предатель Садат...

В это время издалека сюда, под мягкие своды широкого шатра, по радио донесся протяжный голос вечерней молитвы. Каддафи остановился, сбросил обувь и сказал:

— Я должен помолиться.

Он отошел в глубь шатра, опустился на колени. К нему присоединились еще несколько человек. Наступила тишина. Вскоре молитва закончилась. Каддафи и другие вернулись на свои места. Продолжилось обсуждение вопросов, связанных с солидарностью борющейся Ливии.

Уже около двух часов длилась встреча с Каддафи. Выступили почти все присутствующие на этой беседе. От имени делегации советской общественности, участвующей на конференции солидарности с Ливийской Джамахирией, мы передали сердечный привет и добрые пожелания от советского руководства и лично от товарища Леонида Ильича Брежнева.

Каддафи внимательно слушал наше выступление, а затем сказал:

— Сердечно благодарю вас за теплые чувства, за дружбу народов Советского Союза. Прошу вас передать наше спасибо за поддержку, помощь и взаимную дружбу, какие существуют между Ливией и Советским Союзом.— И, уже обращаясь ко всем участникам встречи, Каддафи произнес: — Сила ливийской революции в правде, а правду не сломит никто. И как бы ни старались предатели типа Садата реставрировать неоколониализм, уничтоженный в Египте Гамаль Абдель Насером, у них это не получится никогда! Ливийский народ, другие революционные народы арабских стран, народы Африки всегда начеку!

— Американский империализм применяет все методы подавления борющихся народов,— сказал политический эмигрант Махмуд Амин, живущий в настоящее время во Франции.— Атомная бомба, нейтронное оружие — все пускается в ход. Неоколониализм и американский империализм не могут сидеть спокойно. Последнее преступление США — нейтронная бомба... Но где бы мы ни находились сейчас, мы говорим: Каир Насера — Триполи Каддафи.

Гости поднимались с диванов, подходили прощаться с Каддафи.

Мой старый друг, египетский поэт, лауреат международной Ленинской премии «За укрепление мира между народами» аль-Хамиси задержал меня.

— Погоди. Мы еще немного поговорим с Каддафи.

— Неудобно...

— Я вчера просил его об этом.

Мы вышли из шатра в темноту вечера, а через несколько минут вернулись в шатер. Каддафи пригласил нас присесть.

Аль-Хамиси, как бы продолжая уже закончившуюся беседу, спросил:

— И все же можно ли сказать: последняя агрессия США против Ливии во время маневров 6-го американского флота, здесь, у ваших берегов, была успешной или потерпела поражение, восстановив против США все народы мира?

Каддафи на мгновение задумался, потом сказал:

— Рейган будет предпринимать попытки ис-

١٩٨١/٨/٢٩

أسجل تقديري وتثميني
للصداقة التاريخية .. [illegible]
التي تربط شعوب الاتحاد السوفيتي
وشعوب الأمة العربية .
والتي أسس لها [illegible]
الزعيم الراحل جمال عبد الناصر
الذي نسير على خطه ونحفظ
تراثه [illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible]

Автограф приветствия М. Каддафи читателям «Огонька».

КАДДАФИ

кать слабые места, чтобы оказывать на эти места, на эти страны военное давление. Американцы думают сейчас о том, чтобы создать «новый Вьетнам», использовать все возможное, направленное против Советского Союза, который всегда находится на стороне борющихся за свою независимость народов и помогает этим народам отстаивать свои права. Впрочем,— это уже не ново — американский империализм неустанно ищет слабые места. Поэтому мы считаем, что Ливия должна быть всегда боеспособна.

Каддафи серьезно посмотрел на нас с Хамиси, показывая, что наша беседа подходит к концу. Я вытащил из кармана блокнот:

— Последняя просьба... Напишите несколько слов, обращенных к советскому народу, к читателям журнала, в котором я работаю...

Каддафи улыбнулся:

— Хорошо, давайте.

Я передал ему блокнот.

Мы с Хамиси замолчали. Каддафи писал на блокнотном листе. Вот эти слова:

«Я высоко и по достоинству ценю историческую и стратегическую дружбу, которая связывает народы Советского Союза и народы арабских стран. Со стороны арабов основы этой дружбы заложил покойный президент Гамаль Абдель Насер. Мы идем по его пути и храним его наследие, важнейшая часть которого в плане международном — арабо-советская дружба.

Выражаю благодарность журналу «Огонек» за то, что он дал мне возможность сказать эти слова».

— Еще вчера, на открытии конференции, мой старый друг Хамиси попросил меня о том, чтобы я нашел время для встречи с вами... Я постарался выполнить его просьбу.

Мы попрощались с Муамаром Каддафи. Было десять часов вечера. В домике, расположенном неподалеку от шатра, кто-то еще ожидал встречи с Каддафи.

...1 сентября на Зеленой площади в Триполи состоялся мощный военный парад, продолжавшийся более трех часов.

Вечером на этой же площади перед народом выступил Каддафи. В своей речи он говорил:

— Американский империализм ведет открытое наступление против арабских народов, против мусульман, против всей исламской нации. Он развернул широкий крестовый поход против мусульман, борющихся за светлое будущее и национальную независимость. Одновременно США пытаются рядиться в маску защитника ислама, защищая на деле лишь интересы своих пособников в регионе, защищая тем самым ислам реакции и мракобесия, так как американскую администрацию устраивает лишь тот ислам, который служит в первую очередь интересам самих США. Поэтому мы будем и дальше выступать против крестового похода США, направленного против арабской нации, против американских агентов и марионеток.

Необходимо сплочение в деле отпора опасным планам США, широкой солидарности мировой общественности с борьбой народов за свою независимость, против диктата США, где бы эта борьба ни проходила — в Ливане, Палестине, Никарагуа, Сальвадоре, Гватемале, Анголе или Намибии.

Каддафи осудил измышления президента США Рейгана о якобы имеющем место экспансионизме Ливии и ее стремлении расширить свои территории до Нила. Ливийский лидер охарактеризовал эти злобные утверждения как провокационные и безответственные, заявив, что суть проблемы состоит не в вопросе о территориальных водах в заливе Сидра, а в гегемонистских устремлениях США установить свое господство в мире, поработить народы развивающихся стран, против чего Ливия всегда выступала и будет выступать и впредь вместе со всеми прогрессивными силами.

Политика, проводимая США, является политикой агрессии и международного терроризма. Американский империализм постоянно угрожает интересам других народов, проводя непрерывные маневры за тысячи миль от своих берегов, совершая провокацию за провокацией против независимых суверенных государств, как это было недавно в заливе Сидра. Поэтому Ливия борется против происков США, против вмешательства американского империализма во внутренние дела других народов, за ликвидацию военного присутствия США в регионе.

Каддафи призвал к широкой международной солидарности со всеми силами, борющимися против американского империализма, сионизма и реакции во всех частях света.

А. СОФРОНОВ

Ливия, Триполи.

Празднование XII годовщины ливийской революции.

Набережная в Триполи.

Начало см. на 2-й стр. обложки.

ны, а это значит, что прорвать оборону будет очень трудно — ведь потери наступающих гораздо больше.

В штабах шла напряженная работа. Командир Рогачевской дивизии полковник Чумаков еще и еще раз изучал разведданные. Оказалось, что «южные» прекрасно знают время «Ч» — час начала наступления. Значит, ни о какой внезапности не может быть и речи. Правда, разведчики обнаружили слабо защищенные места на стыках двух полков. Но там непроходимые болота. Александр Петрович хорошо помнил, что во время проведения операции «Багратион» солдаты Белорусского фронта делали из прутьев что-то вроде коротких лыж и на них преодолевали болота. Допустим, он сделает то же. Но как переправить танки, артиллерию, боевые машины пехоты? Выход один: гатить болота. Значит, стук топоров и визг пил. «Противник» тут же поймет, в чем дело. А что, если шум сделать союзником?! В одном месте с грохотом и стуком делать ложную дорогу, а в другом, потихоньку, настоящую.

Комдив и начальник штаба склонились над картой. Они говорят на понятном им одним языке, что-то чертят, прикидывают, сколько понадобится леса, гвоздей и другого строительного материала. Военная хитрость лишь тогда дает результат, когда о ней никто не знает. Поэтому полковник Чумаков отдает приказ в короткие сроки построить две дороги. Вскоре застучали топоры...

До начала наступления уже меньше суток. От мотострелков мы едем к танкистам. Дивизия, которой командует полковник Аношин, должна наступать вместе с мотострелками. В штабе нам дали провожатого и направили в один из батальонов.

Танкисты получали боекомплект, приводили в порядок оружие, осматривали двигатели. На башне одного танка я заметил надпись: «Экипаж борется за звание экипажа имени Героя Советского Союза А. С. Мишина». А на стволе орудия — четыре звездочки.

— В войну такие звездочки означали количество подбитых танков. А теперь? — спросил я у командира роты капитана А. Москаленко.

— Примерно то же,— ответил он, тщательно начищая сапоги.— Только звезды вручаются не за подбитые танки, а за умелые и самоотверженные действия экипажа, которые можно приравнять к подбитым танкам. Ну, скажем, танк угодил в болото, а экипаж без посторонней помощи его вытащил. Стремительное форсирование водной преграды в обстановке, приближенной к боевой, тоже стоит такой звезды. Я уж не говорю о боевых стрельбах. Короче говоря, чтобы носить почетное звание экипажа имени Героя Советского Союза А. С. Мишина — а он в боях на Курской дуге повторил подвиг Александра Матросова,—нужно завоевать шесть звезд. Впереди наступление и форсирование реки, так что шансы у нас есть.

— Почему вы говорите «у нас»?

— Потому что я командир этого танка.

— А можно познакомиться с экипажем?

— Сейчас нет. Через десять минут батальонное партсобрание. Моего механика-водителя будут принимать кандидатом в члены КПСС.

— Где же он сам-то?

— Да вон он, под сосной.

И тут мы увидели ладно скроенного, стройного парня, который аккуратно пришивал подворотничок. Он так этим увлекся, что не замечал ничего на свете. Это надо было видеть. Вокруг деловитая суета, все куда-то бегут, что-то несут, а на снарядном ящике, кстати, не пустом, сидит механик-водитель и ловко орудует иглой. Мы подождали, пока он пришьет подворотничок, а потом и наскоро побреется, и только после этого подошли к танкисту.

— Рядовой Уляхин. Старший механик-водитель роты,— представился он.

— А как тебя зовут?

— Саня... То есть Александр,— густо покраснел он.

— Что значит — старший механик-водитель? — поинтересовался я.

— Значит, лучший в роте, и все остальные практически его ученики,— ответил за Сашу командир.

Саша еще больше покраснел... Потом мы присели на те же ящики, и я попросил рассказать, чем он занимался до армии.

— Работал на шахте. Я из Донецка. Так что и дед и отец — все шахтеры. Пошел по их стопам и я. Почти три года был забойщиком на шахте имени Ленина.

— А почему в армии решил стать танкистом?

— Потому что к технике привычен... Извините, но мне пора,— поднялся Саша.— На партсобрание, да еще первое в жизни, опаздывать нельзя!

На поляне, прямо у замаскированных танков, собрались коммунисты батальона. Секретарь парторганизации старший лейтенант А. Протасов объявил, что в повестке дня два вопроса: задачи коммунистов батальона в предстоящем наступлении и прием в кандидаты в члены КПСС. По первому вопросу выступил командир батальона. Он был предельно краток. «Во все времена, на всех войнах и учениях коммунисты были впереди,— сказал он.— Нам предстоит нелегкий день и еще более трудная ночь. Боевые стрельбы, форсирование Западной Двины, ночной бой, а в случае успеха — марш в кромешной тьме с задачей выйти в тыл «противника». Как вы понимаете, в этих условиях всякое может случиться. Поэтому в критических ситуациях мы должны действовать, как наши отцы и деды: «Коммунисты, вперед!».

Потом командир роты и начальник штаба батальона, которые давали партийные характеристики Александру Уляхину, рассказали о лучшем механике-водителе роты, о его собранности, принципиальности, готовности прийти на помощь... Как и положено, Саше задавали вопросы по Уставу партии, международному положению, истории Советской Армии и т. п. Проголосовали единогласно! Поздравляя молодого кандидата в члены КПСС, заместитель командира полка по политической части сказал:

— Завтра в бой! Я не оговорился, именно в бой! Ничего нет почетнее, чем влиться в семью коммунистов накануне боя. Так было в гражданскую, Отечественную, так будет всегда. Мы наступаем в первом эшелоне, и в авангарде рота капитана Москаленко. Танк командира роты будет впереди, и поведет этот танк рядовой Уляхин. Помни об этом, Саша. Пройдешь ты — пройдут и остальные. Помни и о славном прошлом наших гвардейцев-однополчан, которые бились под Москвой, на Курской дуге, освобождали Белоруссию и Польшу. Все, товарищи! До встречи на левом берегу Западной Двины.

Чем ближе время «Ч», тем чаще я слышал слово «форсирование», тем яснее становилось, что самым трудным в этом наступлении является переправа на левый берег Западной Двины. Форсирование водных преград во все времена считалось одной из самых сложных операций. Не случайно во время Великой Отечественной войны почти все преодолевшие Днепр, Вислу, Одер и другие крупные реки получали ордена и медали. Времена, конечно, не те, средства и способы преодоления водных преград стали совершеннее, но все равно на водной глади и техника и люди не защищены от губительного огня обороняющихся.

Истекала последняя ночь перед началом наступления. Не знаю, у кого переняли солдаты эту традицию, ведь их командирам по тридцать — сорок лет и в войне они не участвовали,— но все хотели идти в бой чистыми, в тщательно пригнанном обмундировании. Поэтому там и сям разбивались походные бани, к ним кипами свозили свежее белье, а повара готовили сытный и вкусный ужин, не забывая и о калорийном сухом пайке.

И вот настало то утро, ради которого маршалы и генералы бессонными ночами вычерчивали на картах стрелы, ради которого молодые комдивы месяцами не давали покоя своим комбатам, ради которого солдаты на полигонах и в учебных центрах до седьмого пота бегали в атаки, стреляли по макетам и мишеням,— короче говоря, настало утро генеральной проверки ратного мастерства всех, от маршала до рядового.

Когда-то мне довелось пережить несколько землетрясений. Так вот, первое, о чем я подумал, когда раздался отдаленный гул и мелко задрожала земля: не началось ли землетрясение? Шла артподготовка! Причем не учебная, а настоящая: все, что могло стрелять, стреляло боевыми снарядами. Разумеется, огонь велся по макетам и мишеням.

К концу дня «северные» прорвали оборону «противника» и устремились к Западной Двине. Их авангардные батальоны пытались на плечах «южных» форсировать реку, но те, умело маневрируя, сдерживали натиск мотострелковой и танковой дивизий «северных». Мы стояли на вышке, сооруженной на самом берегу, и хорошо видели всю картину боя. Вот в небе появились самолеты «южных». Они наносят удары по наступающим частям «противника», но их тут же атакуют истребители «северных». Командующий войсками «южных» решает организованно отойти на левый берег реки и не дать «северным» с ходу форсировать Западную Двину.

Передовые подразделения «северных» пытаются рывком преодолеть реку, но «южные» открыли такой бешеный огонь, что в какой-то момент я даже засомневался, учебные ли рвутся заряды: огонь, грохот, летящие комья земли, вспененные всплески воды...

«Северным» пришлось отступить. Причем несколько боевых машин пехоты они «потеряли» — те так и остались полузатопленными. Экипажи покинули их и перебрались на другие БМП.

Вскоре полковник Чумаков понял, что сразу форсировать реку не удастся, и решил это сделать после соответствующей подготовки. В дело вступили артиллерия и бомбардировочная авиация «северных». А потом в небе стало черно от вертолетов: «северные» задумали высадить большой воздушный десант. Как только десантники захватили узкую полоску берега, к реке снова устремился авангардный батальон «северных», а за ним и остальные. Боевые машины пехоты выскочили на левый берег и завязали бой. Тут же к реке вышли танки. Одни на паромах, а другие своим ходом прямо под водой преодолевают реку. Тридцать семь лет назад во время Витебско-Оршанской операции именно в этом месте Западную Двину форсировали войска 6-й гвардейской армии...

Тем временем «северные» захватили довольно большой плацдарм. Для переправы вторых эшелонов и тяжелой техники принято решение навести мост. Это поручено понтонерам, которыми командует капитан Шевелев. Я познакомился с Владимиром Шевелевым накануне учений. Тогда он рассказывал, как часто приезжают к ним ветераны, с каким восхищением слушают их солдаты и офицеры, с какой завистью прошедшие огонь и воду седовласые саперы смотрят, как и с какой техникой работают их внуки.

Через несколько минут первые танки вышли на мост. Норматив перекрыт в два раза! Потом понтонеры навели второй мост, и техника пошла непрерывным потоком.

Казалось, исход сражения решен. Но «южные» ввели в бой резервы: во фланг дивизии Чумакова ударил танковый полк. Нелегко пришлось бы мотострелкам, если б не подошли танки полковника Аношина. Где-то за разрывами промелькнул знакомый танк с четырьмя звездами на стволе и пропал в гуще боя.

Постепенно канонада отодвигалась все дальше и дальше. Наступили сумерки, а потом и ночь. Но бой продолжался до самого утра. «Южные» сопротивлялись так упорно, что «северные» время от времени теряли инициативу. Тогда командующий войсками «северных» принял решение высадить в тылу «южных» два десанта: воздушный и морской. Я видел, как с неба на парашютах опускались боевые машины и тут же шли в бой, как десантники проявляли мужество и героизм, если так можно выразиться, не предусмотренные учениями: один десантник запутался в стропах и, безусловно, мог бы разбиться, но другой его подхватил, и они благополучно приземлились вдвоем на одном парашюте. Я видел, как из морской пучины выходила морская пехота и вступала в отчаянную рукопашную. Я видел встречный танковый бой, когда танки шли лоб в лоб, лишь в самый последний момент сворачивая в сторону.

А потом был смотр. На огромном плацу «северные» и «южные» стояли рядом. Вчерашние «противники», пропыленные, усталые, но гордые и счастливые оттого, что славно поработали, поздравляли друг друга с победой. Да, побежденных в этих учениях не было, ибо победило наше оружие, наш воинский дух, наш советский солдат, готовый по первому зову стать на защиту Родины.

Выступая перед участниками учений, министр обороны СССР, Маршал Советского Союза Д. Ф. Устинов, в частности, сказал:

— Личный состав, принимавший участие в учениях, самоотверженно выполнил свой воинский долг, проявил мужество, инициативу, умение действовать и применять свое оружие в бою, показал высокую политическую зрелость и волевые качества, готовность надежно защищать наше социалистическое Отечество, наших друзей и союзников.

КОНСТАНТИН УСТИНОВИЧ ЧЕРНЕНКО

К 70-летию со дня рождения

Фото И. Филатова

А. Васнецов. 1856—1933. КРАСНАЯ ПЛОЩАДЬ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XVII ВЕКА. 1925.

Музей истории и реконструкции Москвы.

Микола НАГНИБЕДА

МУДРОСТЬ ВЕЧЕРНЕЙ ПОРЫ

Известному украинскому советскому поэту, лауреату Государственных премий СССР и Украинской ССР имени Т. Г. Шевченко Николаю Львовичу НАГНИБЕДЕ исполняется 70 лет.
Редакция «Огонька» сердечно поздравляет поэта со знаменательной датой и публикует его новые стихи.

СЕГОДНЯ ДЕНЬ ТАКОЙ

Сегодня день такой...
Я памятью живу,
Шуршит листами жизни моей книжка...
Под парусом вдоль Хортицы плыву,
Еще беспечный, бронзовый мальчишка.
Сегодня день такой...
И парус мой звенит,
И пенятся глубины за кормою.
Земля, река, сверкающий зенит—
Ликует все во мне и надо мною.
Сегодня день такой...
Я вечен с этих пор,
И счастье жить — я верю — бесконечно.
Не ставит сердцу ум еще в укор,
Что искренне оно и так беспечно.
Сегодня день такой...
Мой парус на ветрах
Наполнился свободою и риском.
Я сам как ветер — мне неведом страх,
Лечу навстречу бурунам и брызгам.

Сегодня день такой...
На Хортице стою,
Смотрю на скалы в сполохах зарницы...
Мой дерзкий парус — молодость мою —
Уже поднял мой внук бронзоволицый.

ПРИВЕТСТВИЕ ЗАПОРОЖЬЮ

Выйди навстречу из дымки рассветной,
Вслушайся в сердце,
Встань предо мной...
Может, в последний раз,—
Нет, не в последний,—
Мы повстречались, город родной.
Высвети профиль свой ласковым солнцем,
Выплесни пригоршни голубизны.
Город, ты помнишь ребят-комсомольцев,
Первых из первой нашей весны?
Ты созови на свиданье аллеи,
Всех соловьев, тополя и цветы,
Юных товарищей — храбрых Антеев,
Что сотворили тебя из мечты.
Мне покажись из белых туманов,
Сильные крылья расправь на ветрах...
Слышу в мартенах рокот вулканов,
Вижу тепло золотое в садах.
Все как и было...
В бескрайней лазури —
Искренность, щедрость, открытость твоя,
Словно войны смертоносные бури
Здесь не гуляли в кровавых боях.
Словно она не рвала эстакады,
Сталь не сжигала, не сеяла дым...
Нет палачам в моем сердце пощады,
Нет и не будет прощения им!
Им никогда-никогда не простится —
Помнят и внуки, и наши сыны:
Стонут в архивах седые страницы,
Гневом и горем народным полны.
Стонет в них, стонет каждое слово,
Даты и цифры от боли кричат...
Память, замолкни!
Мне хочется снова
Видеть, как прежде, мой Днепроград.
Город родной мой,
Друг и товарищ!
Слава тебе, твоим добрым рукам!
Смог ты подняться из пепла пожарищ,
Словно корабль, ты плывешь по степям.
Вот и сегодня пронзили туманы
Мачты стальные — твои тополя.
Как вдоль бетона ликуют тюльпаны,
Как медоносно дышит земля!
Как виноградник обвил твои арки,
Как в твоих окнах лучится добро!
Вижу —
От Хортицы и до Татарки
Солнце в ладонях колышет Днепро.
Все как и было...
Весна молодая
Годы мои растопила, как лед...
Друг моей юности, парень с Валдая,
В имени площади снова живет.
В имени улицы... на монументе,
Все — однокашники, братья, друзья...
Крутит событий былых киноленту
Прямо сквозь сердце юность моя.
Сердце, спокойнее,
Все ведь с тобою,
Непреходяще, навеки твое:
Видишь, на круче, как из прибоя,
Парк сталеваров из дымки встает.
Первые плавки бушующей стали,
Первые парки —
Друзей имена -
В камень и в бронзу годы вписали...
Выйди навстречу, моя сторона!
Выйди ко мне из дымки рассветной,
Вслушайся в сердце,
Встань предо мной...
Может, в последний раз,—
Нет, не в последний,—
Мы повстречались, город родной!

●

Красивы, грустны Беларуси озера
В объятьях дремучих боров.
На водных равнинах покоятся зори,
И тучи, и сонмы ветров.
На водных равнинах — аистов перья,
Огни пароходов ночных на волне,
К кувшинкам прильнув, задремали поверья
И шепчутся тихо во сне.
На зорьке туманы ватагою тесной
Над гладью плывут голубой...
И утро звенит партизанскою песней,
С которой ходили мы в бой.
Послышится вёски проснувшейся голос,
Прокатится стук топоров,
И солнечный луч, золотой, будто колос,
Ударит в глубины боров.

СКАЗКА САМЕДА ВУРГУНА

В семье моей Самед Вургун бывал...
Впервые посетив наш край днепровский,
Он, как его частичку, прижимал
К груди мою дочурку по-отцовски.
И дочка ясноглазая моя
Прониклась к гостю верою пречистой
И, чувств своих по-детски не тая,
В ручонках принесла букет росистый.
Счастливую слезу укрыл под вежды
И начал сказку дивную мой друг,
Добра людского и людской надежды...
И все умолкло, слушая, вокруг.
Плескался в сказке Каспий голубой,
Сбегали к морю белые кварталы,
И стайки снежно-белых голубей
В бакинском синем небе трепетали.
И вот в квартиру сказка привела
Сады и вышки, сказочные виды,
И золотистость южного тепла,
Серебряного хлопка пирамиды.
И, очарованный наплывом этих див,
Позвал поэт дитя с собой в просторы
И на спину оленю посадил.
За повод солнечный повел оленя в горы,
Где вечный ткач живую пряжу ткет
И в мир пускает светлыми ручьями,
Где до небес вершина достает
И звезды можно брать с нее руками;
Где снежным башлыком одет Казбек,
Привязанный ветрами к скалам синим,
Из неба вытекают сотни рек,
Лазурью растекаясь по долинам...
Когда Самед весь край свой облетал,
Закончив сказку мудрым наставленьем,
Цвела в очах ребенка доброта
С восторженным и милым удивленьем...
Прошли года с тех пор, когда Самед
Был в первый раз у нас на Украине,
Но чудо-сказки негасимый свет
В глазах у дочки светится и ныне.

СНОВА СВИДАНИЕ...

Шумят боры ночные в дали,
Шумят, приветствуют весну,
И свод небесный раскачали,
Стремясь ветвями в вышину.
Вот-вот поднимутся на крыла,
Навстречу первым журавлям...

Спасибо, что ты навестила,
И прошлое вспомнилось нам.
Спасибо тебе...
Нет счастливей
Меня — ты приходишь ко мне,
Как всеосвежающий ливень,
Как грома раскат по весне.
Садись, побеседуем вволю
Про годы минувшие вновь,
Про славную, трудную долю
И первую нашу любовь.
Садись, моя молодость, рядом —
С тобою на сердце легко,—
Учебу мы вспомним, бригаду,
И то, что уже далеко,
А все же приходит так часто
Ко мне, будто с юга тепло,
Высокое, светлое счастье,
Что было и что не прошло.
Осталось навеки со мною,
Как мудрость вечерней поры...
Повеяло с юга весною,
И шепчутся где-то боры.

●

Самолеты мои,
В час рождения дня
Раньше утренних птиц
вы стремитесь в полеты...
О как жаль,
О как жаль —
Доктора не пускают меня
В небеса снова с вами, пилоты.
Да простит меня этот
Строжайший приказ —
Покориться ему я не в силах:
Разбежавшись на киевских кручах, не раз
Я взлетаю душою
На утренних крыльях.
И лечу и лечу в неоглядную даль —
Степь за степью, гора за горою...
Ветер странствий гудит,
Отгоняя печаль,
Что тревожила сердце порою.
Торжествую, лечу,
Знаю: братья-друзья
Ждут меня на зеленой планете.
Знаю:
В мире без крепкого братства нельзя,
Без друзей одиноко на свете.
Торжествую,
Лечу по пути своему,
Вдохновенный и вольный, как птица...
Как тепло,
Как прекрасно в жизни тому,
Кому есть куда сердцем стремиться...

Перевел с украинского
Евгений КРИЖЕВИЧ.

Михаил АЛЕКСЕЕВ

РОМАН

Рисунки П. ПИНКИСЕВИЧА

ДРАЧУНЫ

XIV

Первый дом, куда заглянула Косая за своей поживой, был дом моего непочетовского дружка Кольки Полякова. Как бы для того, чтобы убедить людей, что она пришла к ним с самыми серьезными намерениями, смерть начала сразу же с главы семейства. Кроткий и тихий Николай Федорович Поляков, Колькин папанька, раз и два повстречавшись с голодными глазами детей, присел у раскрытого зева голландки и принялся подкармливать ее жгутами смятой соломы. Разъярясь, огонь то и дело высовывал длинный язык наружу, минутами доставал до клинышка редкой седой бороды мужика, но тот не обращал на это никакого внимания: не тем был озабочен. Не слышал, казалось, и голоса жены, звавшей его к ужину: на столе курилась половинка пареной тыквы, и дети, не спускавшие с нее глаз, ждали только, когда к столу подойдет отец и подаст команду к еде. Семья — жена, два сына и три дочери — не знала, что Николай Федорович успел обойти с пустым мешком под мышкой всю Непочетовку и вернулся ни с чем: у одних соседей, таких, скажем, как Архиповы, хоть и был еще хлебец, но далеко не в излишестве; другие, прослышав, что Воронин не нынче, так завтра пошлет отряд активистов по дворам за этими самыми «излишками», поспешили упрятать «пашеничку» или «ржицу» и упрятали так далеко и глубоко, что сами не решались притронуться к ней, откопать и жили, как все, впроголодь; бо́льшая же часть домов так же, как и дом Поляковых, налегла на картошку, тыкву и свеклу, пока они еще были. К масленице вышли и овощи. У Поляковых, например, в погребе оставалось с десяток свекольных корней, а под полом, куда Николай Федорович заглянул нынешним утром, лежали три тыквы, да и те не все целые: одну наполовину, до «кишок», источили своими острыми зубами кролики (теперь и кроликов не было, прошлым воскресеньем порешили последнего).

Горчайшее из горьких открытий сделал Поляков-старший, когда вернулся с пустым своим мешком под мышкой к себе во двор и спустился в погребицу, где висела треть бараньей тушки, от которой жена срезала по тонкому ломтику, чтобы как-то сдобрить щи хотя б по праздникам. Теперь и эта треть исчезла, кто-то из домашних забыл запереть дверь в погребице, и этим сейчас же воспользовались голодные псы, которых объявилось несть числа и которые рыскали по всем дворам. То, что это было дело собачьей предприимчивости, не вызывало ни малейших сомнений: овладевши куском мяса, собака оставила визитную карточку в виде отпечатков своих лап на свежем снегу, выпавшем незадолго до ее, собачьего, «визита».

Ни жена и никто другой из членов семьи покамест еще не знали о такой напасти, а глава почему-то не решался сказать им об этом и сейчас страдал от одной мысли, что сообщить о беде все-таки придется, а заодно и о том, что не раздобыл ни зернинки, что, кроме щепотки самодельного табаку, никто ничего другого не мог предложить ему.

Последним двором, на какой заглянул Николай Федорович, выйдя за пределы Непочетовки, был двор Федота Михайловича Ефремова, но там еще раньше побывал Степашо́к, Мишки Тверскова батька, встретившийся Полякову на дороге, прижавши локтем левой руки крапивный мешочишко, так и оставшийся порожним: Федот не угостил бедолагу даже своей знаменитой «золотой жилкой», потому что Степашок был некурящим. Зато Николай Федорович накурился до тумана в очах, до тошноты: глубоко втягиваемый табачный дым прошелся, видать, не только по легким, но и по всем пустым кишкам, отчего голова закружилась и все вокруг погрузилось в некую муть. Мешок свой Поляков-старший упрятал за пазуху тотчас же после встречи со Степашком и не показывал его Федоту: ни к чему! Тем не менее Федот спросил:

— Ржицы, небось, собирался одолжить у меня? Так, что ли?

— Собирался,— вздохнул Николай Федорович.

— Ты третий за один только нынешний день. Степашка-то встретил, чай?

— Встретил.

— А до него были Гришка Жучкин да Музыкина Татьяна. К вечеру, глядишь, заявится и Катерина Дубовка, это уж как пить дать. Да ты кури, Миколай, кури!.. Этого-то добра у меня сколько угодно. Известное дело: у разумного человека водятся деньжата, а у дурака махорка. Кури, кум, на здоровье!

— Не могу боле. В глазах штой-то застит.

— Ну, передохни маненько. Покалякаем. На пустое брюхо ничего другого человеку не остается. Призна́юсь тебе: хлебецто от позапрошлогодних трудодней у меня остался, и, скажу по совести, немалый. Но еще осенью, пронюхав — земля слухом полнится! — пронюхав, значит, что на нынешние трудодни мы ни хренинушки не получим, вывез я его куды подале и схоронил. А теперича вот туда по таким сугробам и не доберешься, да и нельзя. Воронин в один момент выследит — и пропал Федотка Ефремов! Упрячут в каталажку, и смоли там свою «золоту жилку»!.. Он уж, Воронин то есть, пополудни, как раз перед Степашком, наведывался ко мне. Припожаловал с какой-то железной палкой, тыкал ею во все углы — и в погреб, и под печку, и под пол лазил, по всем хлевам шарил, искал, вишь, излишки, да ушел несолоно хлебавши!

Федот рассказывал правду. Его двор оказался как бы первым полигоном, где председатель решил испытать им же придуманное оружие, с помощью которого надеялся обнаруживать припрятанный хлеб. Сам ли Воронин, другой ли кто, но быстро нашел для этого изобретения и удивительно точное название: щуп. Все гениальное просто, изрек какой-то философ. Воронинское детище окончательно утвердило бы его в такой мысли. Представьте себе длинную, похожую на барскую трость, толщиною с мизинец, проволоку, свернутую в кольцо на одном конце и заостренную на другом. Повыше жала с помощью пробоя или какого иного инструмента (это уж дело кузнеца Климова) выщерблена наискосок маленькая, величиною с самый крохотный наперсток выемка,— она-то и была наихитрейшей и наиковарнейшей частью невинной с виду железяки. Погруженный в землю, мякину или солому и затем выдернутый, щуп зачерпнет своей выемкой несколько зернинок, и хозяин припрятанного хлеба может навсегда распроститься с ним, а в придачу получить еще и суровое наказание за укрывательство пшеницы или ржи.

Но на Федотовом дворе председателев щуп, как видим, ничего не нащупал, к немалому торжеству обладателя «золотой жилки».

— Потыкай,— кричу Воронину вдогонку,— в мою задницу, можа, что отыщешь! — закончил свой рассказ веселый Федот Михайлович.

— Не нашел, значит?

— Не нашел,— сказал с тихой гордостью Ефремов,— и не найдет. Погодь до весны, Федорыч. Подсохнет — я сам откопаю хлебушко и поделюсь с тобой.

— До весны-то надо ищо дожить, Михалыч. Брюхо ждать не умеет.

— Доживем как-нибудь. Советская власть не даст помереть с голоду. Она ить до последней кровинки, до последней косточки [redacted].

— Как сказать, Михалыч... До бога высоко, до Москвы далеко, а Воронин, а братцы Зубановы — вот они, рядом. Счас у них один щуп, а назавтра будет тыща. Пойдут с ними по всем дворам, как солдаты с винтовкою наперевес...

— Найдется же и на них управа. Я так думаю.

— Думаю так и я. И все так думают. Но когда это будет? Покуда то да се...

— Поживем — увидим.

— Легко сказать — поживем! — Николай Федорович вздохнул так-то уж тяжко и прерывисто, что Федот Михайлович надолго задержал на нем свой взгляд, покачал головой:

— А ведь ты, кум, совсем плох. Что же ты не наведался к Никитке Рубцову? Тот, небось, приберег зернецо про черный день: мужик добычной, запасливый.

— Да ты никак надсмехаешься надо мною, Михалыч?.. У Никитки летошнего снегу не выпросишь.

— Вы же дружки с ним. Вместе и под Перемышлем, а потом, кажись, и под Царицыном...

— Взял бы ты, Федотка, себе этого дружка! Мы с ним так: зад об зад — и кто дальше прыгнет!.. Вот какие мы друзья-приятели!

Федот рассмеялся. Но, обнаружив, что гость не только не поддержал его смеха, но еще больше прихмурился и почернел лицом, поспешил исправить свою промашку:

— Да ты, кум, ел хоть что-нибудь нынче?

— Ни нынче, ни вчера, ни позавчера... Четвертые сутки, Михалыч, крошки во рту не было. А куревом сыт не будешь...

Услышав такое, Федот заторопился:

— Да что же ты молчал, кум?! Как же ты?.. Разве ж так можно? Оставишь детишек сиротами... И я, дурак, потчую тебя глупыми своими речами. Сейчас что ни то придумаем... Мать, а мать! — покликал он жену из передней комнаты.— Загляни-ка,

---

Продолжение. См. «Огонек» №№ 21—37.

мать, в печку, не найдется ли что похлебать мужику. Глянь на него — хоть во гроб укладывай. Ну и ну! До чего себя довел!.. Раздевайся, кум, да к столу!

— Нет, нет, что ты! — отчаянно замахал руками Кольки Полякова отец.— Неколи мне угощаться, Михалыч! Дома ждут не дождутся меня шесть голодных ртов, так что побегу... может, подфартится где... Спаси тебя Христос, Михалыч, за восчувствие моей беде!.. Другой раз как-нибудь загляну, тогда и накалякаемся и наугощаемся. А теперича недосуг.— И Поляков-старший неловко, спотыкаясь через порог сперва избы, затем сеней, почти выбежал на улицу.

Теперь он сидел у раскрытой дверцы голландки, подбрасывал в нее солому, поддерживал таким образом огонек жизни и, услышав наконец, что его зовут к столу, попытался было оторвать ослабевшее вдруг тело от земляного пола, но не смог. Подергал правою рукой в сторону стола, как бы прося подмоги, но никто, похоже, не заметил этого движения. Беспомощно, виновато поморщился, неловко запрокинулся сперва назад, потом качнулся вперед, как бы стараясь отлепить себя от пола; опять упал навзничь, и только теперь домашние увидели, как задергалась уставившаяся в потолок его жидкая козлиная бородка, а голубые глаза расширились до пугающего размера и застыли в немом удивлении, первыми, знать, распознав приблизившийся вплотную смертный час.

Хоронили Колькиного отца еще по-старому, по-христиански. Дашуха Архипова и другие соседки помогли жене покойного обмыть длинное сухое тело, облачить его во все «смертное», припасенное загодя и хранившееся на дне большого семейного сундука, а мужики уложили его в гроб, сколоченный моим дедом из досок, припасенных было для себя. Даже кое-что собрали по дворам для поминок. Правда, за поминальный стол были посажены лишь одни могильщики, страшно умаявшиеся при вскрытии промерзлой на полсажени глинистой земли. Мы, ребятишки, привыкшие к тому, что и про нас обычно не забывали в таких случаях, хоть в последнюю очередь, но угощали все-таки наваристыми, пахнущими лавровым листом щами и белоснежной кутьею, в которой попадались коричневые, невозможно сладкие изюминки,— мы и сейчас вертелись у Колькиного дома, но никто нас не покликал.

Смерть Николая Федоровича Полякова не только осиротила большую семью, но и напугала нас, Колькиных товарищей, испытавших к тому же нечто похожее на угрызение совести, будто провинились в чем и перед Колькой, и перед его братом и сестрами, и перед Колькиной матерью, особенно убивавшейся при таком несчастье. Не сговариваясь, мы решили помочь Поляковым чем только могли. Сразу же после похорон я вернулся домой, прошмыгнул мимо возившейся во дворе матери в избу, отхватил полкраюхи ржаного хлеба, «отдыхавшего» под утиральником на судной лавке, еще горячего и оттого пахучего, и в несколько минут оказался вновь на Колькином подворье. «На, Колька, ешь!» — выпалил я, задыхаясь и от бега и от захлестнувшей меня радости. Минька Архипов принес в ученической сумке немного муки, и не какой-нибудь там еще, а пшеничной. «Эт вам на пышки»,— тихо пробормотал он, высыпая содержимое сумки прямо на обеденный стол, не смея поднять своих глаз на Колькину мать. Даже Янька Рубцов, и тот не остался в стороне, и он объявился в доме Поляковых, обрушив на стол тяжеленную, смахивающую на надгробную, плиту колоба, на которую сейчас же набросилась не только семья Поляковых, но и все мы, оказавшиеся на ту минуту в избе нашего осиротевшего товарища.

Но больше всех меня, например, удивил не Янька, хотя с его стороны это был, несомненно, подвиг неслыханный, а Ванька Жуков, у которого в доме (это мы все хорошо знали) шаром покати: Ванькина мать, тетенька Веруха, скрывая это от мужа и детей, уже прошлась по соседним деревням с сумой, а Григорий Яковлевич, видя, что ничем не может помочь семье, впал в угрюмое, ничего хорошего не предвещавшее равнодушие и безразличие ко всему и вся, и часами просиживал на лавке, тупо уставившись глазами на молчаливую печь, давно уж не опахивавшую жилище теплым духом хлеба,— несмотря на все это, Ванька тоже пришел к Поляковым не с пустыми руками. Отыскав Польку, Колькину сестру, с которой в школе сидел за одной партой, поманил ее пальцем, вывел в сени и, вывернув карман драного полушубка, вытряхнул прямо в Полькин подол несколько картофелин. Пробормотал смущенно: «Бери, Поль!» — и, видя, что она колеблется, покрылась краскою стыда, поспешил заверить: «Бери, бери, у меня дома еще есть!»

Дома у Жуковых ничего не было, не было и картошки, но она еще водилась в кое-каких чужих погребах, где и промышлял теперь отважный, никого и ничего не боявшийся мой приятель. Не далее, как позавчера Ванька рассказал мне, что в одном погребе его прихватил хозяин, оказавшийся Яковом Соловьем, прихлопнул тяжелую крышку, запер на замок и продержал там трое суток и только потом выпустил, пригрозив похоронить заживо, ежели малый попадется во второй раз. Ванька, разумеется, сделал для себя соответствующий вывод, во второй раз не рискнул наведаться на Соловьево подворье, благо было еще немало других погребов, в какие Ванька еще не заглядывал. Я отговаривал Ваньку, просил, умолял, чтобы он оставил это занятие, предупреждал, что рано или поздно, но его промысел по чужим погребам и амбарам окончится для него худо. На мои увещевания и предупреждения Ванька говорил одно и то же:

— Так и так умирать. Хорошо тебе говорить: у вас вон полон дом тыкв, а мы с нашего огорода сняли десяток — и все.

Услышав раз и два такое, я пристрастился потаскивать из дому для Жуковых каждую ночь по одной маленькой тыкве. Правду сказать, у нас этих тыкв уродилось в прошлое лето пропасть. Заливной огород, на который по весне полая вода наносила метровый слой ноздристого, похожего на черный сыр ила, давал богатый урожай и тыкв, и свеклы, кормовой и столовой, и огурцов, и моркови, и капусты. Особенно хороши были белые тыквы, называвшиеся русскими потому, что промеж них мать вкрапливала, как бы для красоты, тыквы-американки, пестро-оранжевые, делавшие в сочетании с молочно-белым цветом русских тыкв весь огород празднично-нарядным, веселым, так что никто из проезжавших мимо не удерживался, чтобы не вымолвить с завидчивым, ласкающим и радующим наше ухо придыханием: «Батюшки, красотища-то какая!» Белые тыквы иногда вырастали таких размеров, что были неподъемны для одного мужика, будь он силач из силачей. В пору их снятия с огорода обычно собиралась «помочь», заканчивавшаяся, как водится, веселой попойкой. Для нее отец придумал свой ритуал: самая большая тыква подымалась на средину стола, на нее ставилась четверть самогону, провозглашалась здравица всевышнему, не поскупившемуся на такой урожай, стаканы сводились вытянутыми руками воедино, чокались, и вслед сейчас же отзывалось согласным, сочным кряканьем. Рожи угощавшихся слегка морщились и уж не слегка, а до неузнаваемости искажались в кривых зеркалах покатых, разделенных на ровные, лоснящиеся валы крутых боков тыквы.

Этой осенью «помочь» не собиралась, хотя овощей на нашем огороде было ничуть не меньше, чем в предыдущие годы: не было хозяина, главного затейника, без которого сборище мужиков и баб не вылилось бы в праздник, да и трудно было бы заманить кого-либо, когда у каждого в доме своих забот столько, что от них голова шла кругом. С тыквами управились сами, коренником в семейной упряжке, главной двигательной силой был дед Михаил, давно уж заколотивший свой дом и перекочевавший на постоянное жительство к среднему брату Николаю, то есть к нам. Самой надежной его помощницей была, конечно, наша мать; материнским, всегда настороженным, всегда нацелившимся на возможную опасность для ее детей сердцем она первой почуяла надвигающуюся беду и, деятельная, делала все для того, чтобы последствия этой беды были менее грозными и губительными для нашей семьи.

Где-то посреди лета она уговорила свекра разбросать во дворе большим кругом старую навозную кучу, с его помощью вычерпала на этот круг воду из колодца до последней капли, заставила (точнее бы сказать, уговорила добрым, ласковым своим голосом) нашу Рыжонку исполнить Карюхины обязанности, походить по размоченному навозу, размять, взмесить его так, чтобы его потом можно было уложить в станок и превратить в кизяки,— ежели в прежние годы кизяки эти были лишь подспорьем к дровам, то зимою тридцать второго и тридцать третьего годов они оказались единственным топливом: лес был наглухо, напрочно закрыт для жителей села, да и не было тягла, чтобы привезти его оттуда, а на себе, на салазках, много ли привезешь?! Другие, не озаботясь вовремя изготовлением кизяков летом, жестоко поплатились за это голодной и лютой зимою.

Кизяки сохранили тепло в нашей избе, а тыквы и другие овощи — жизнь. Что касается хлеба, то он кончился у нас где-то в конце апреля, перед самой пасхой: правда, у матери под «семью замками» (мы, дети, и не знали, где эти «замки») хоронилась горстка пшена на самый-самый, знать, черный день, но она к нему не притрагивалась: не без основания надеялась продержать семью хотя бы до мая на овощах. Нам говорила:

— Потерпите, ребятишки, маненько. Скоро отелится Рыжонка — молочко будет. Проживем как-нибудь. У других и того нету. Глядишь, отец мучицы подбросит пудика два-три. Вот только бы этого окаянного поскорее убрали от нас!..

Под «окаянным» мать разумела, конечно, Воронина: ходили слухи, что в районе и даже где-то повыше накапливается недовольство его действиями и что недолго ему осталось «володеть и править» в Монастырском. «Володеть и править» — старинное это словосочетание вырвалось недавно из уст Федота Михайловича Ефремова, который ни на минуту не терял веры в то, что песенка Воронина скоро будет спета и что ему придется держать ответ перед Советской властью за свое самоуправство.

Мать была уверена, что ее муж не появляется в селе исключительно из-за боязни воронинских кар. Так думали и мы, их дети. Несколько по-иному оценивал обстоятельства наш дедушка. Проведав как-то страдающую от голода большую семью старшего сына, он на обратном пути сделал малую загогулину, чтобы глянуть на хижину непутевой Селяпихи, и обнаружил окна на ней наглухо заколоченными. «Увязалась за Миколой, сучья тварь! — вздохнул он.— Так я и знал. От бисова дочь! Это она не пущает того сукиного сына к семье!..»

Сделав это открытие, даже не открытие, а найдя лишь подтверждение своим подозрениям, дедушка как бы облачился в некий непроницаемый панцирь, сделался угрюмо-молчаливым, сосредоточенным, удалился целиком в самого себя, и, чтобы не встречаться глазами со снохою, которая, пожалуй, лишь делает вид, что ни о чем не догадывается, он, пока были силы, то рыл канаву на нашем огороде, то уходил в сад, который был уже не его, а общим, а вернее сказать, ничейным, а потому и обреченным на верную смерть. Темнее самой темной тучи возвращался к вечеру домой и, ни слова не говоря, удалялся в свой угол, где для него специально была поставлена большая деревянная кровать, некогда им же и сколоченная для молодых супругов, для отца и матери моей, значит. К обеденному столу выходил все реже и реже. А в конце июня и вовсе перестал выходить. На настойчивые приглашения снохи обычно отмалчивался, а однажды, улучив

момент, что она в доме одна, подозвал ее к себе, набрал с шумом полную грудь воздуха и, выдыхая его малыми порциями, попросил:

— Обо мне не хлопочи. Я свое прожил. Береги себя и детей. Я... я, доню, мабудь, завтра помру. Ты б сходила в Нову Ивановку, пригласила батюшку. Пособоровал бы вин меня... А ты не плачь, доню. Зачем плакать!.. Поди, поди к батюшке... Можа...

Он не договорил — сил, видать, не хватило. Сперва прикрыл глаза очень плотно, полежал так, потом с трудом разлепил веки, поискал кого-то встревоженно, собрался с последними силами, не сказал — выдохнул:

— А Мишанька где?

— В лес, на Вонючу поляну, знать, за конским щавелем убежал. На лугах-то нету боле. Весь повыдергали.

Дед ничего не сказал на это, только страдальчески поморщился. Глаза его медленно прикрылись. Решив, что он задремал, мать тихонько вышла в сени. Не найдя никого из нас во дворе, быстро вышла на дорогу, ведущую в Новую Ивановку, где еще стояла и действовала церковь, единственная во всей округе.

К полудню привела священника. Но не соборовать пришлось ему нашего дедушку, а отпевать.

XV

Самая тяжкая пора была не в июне, а в первые весенние месяцы: в марте и апреле, когда все погреба и все сусеки начисто опустели, а земля лежала еще под снегом, и ни животные, ни люди не могли выйти на «подножный корм». Животных-то почти не осталось (разве что кое-где сохранилась коровенка, одна на несколько семей), а люди, те, что смогли еще как-то двигаться, разбредались по всем окрестным селам и деревням в поисках не то что куска хлеба, но хотя бы картофелины, хотя бы плитки жмыха или отрубей, из которых, смешавши с картофельной шелухой или тыквенной кожурой, можно испечь лепешки. По ночам, голодные, выходили и прислушивались, не горгочет ли у кого самодельный жернов, не размалывает ли кто зерно тайно, не удалось ли кому увернуться от всепроникающего щупа. Селение безмолвствовало: его жители, сумевшие уберечь пуд-другой ржи или пшеницы, были крайне осторожны, уходили со своими жерновами под землю в самом прямом смысле, некоторые с этой целью углубляли и без того глубокие погреба, проделывали в них боковые ниши и там, при светильничке, пускали в дело свою мельничку, которая при таких обстоятельствах не могла уж подать наружу своего голоса.

Какой-то из мужиков (сказывают, что Карпушка) набрел в Баланде, возле водочного завода, на огромную яму, натолкнувшись на нее сперва ноздрями, всегда расширяющимися и пульсирующими у голодного человека: по ноздрям этим шибко ударило таким зловонием, что у мужика помутилось в голове. Тем не менее, вздернув голову и потягивая по-собачьи воздух, мужичок подстегнул себя и в несколько минут оказался на краю пропасти: в котловане колобродила барда. С десяток мужиков, баб и подростков, толкаясь, черпали из него (кто ведром, кто большим ковшом, кто чем) содержимое и накладывали в мешки. Карпушка наполнил свой мешок по завязку и, взгромоздив его на двухколесную тележку (теперь такими тележками в нашем селе обзавелись решительно все), перекрестясь, повез его домой, за пятнадцать верст от Баланды. Мешок был вроде бы живым, пыхтел за спиною Карпушки, ухватившего руками две малые оглобельки, отдувался и оставлял за собой вонючий след. По следу ли этому, по слухам ли, докатившимся до села тем же путем, но на другой день в Баланду потянулась длинная вереница тележек, а неделею позже по этой дороге можно было пройти не иначе, как зажавши крепко нос. Степашок Тверсков, не осилив своего возка, угас на полпути к Монастырскому, успев, однако, подложить под голову мокрый, зыбившийся, как подушка, мешок с бардою: хотел, видно, передохнуть, прилег да и не встал более. На обратном пути Федот Ефремов уложил его в свою тележку и привез в село вместе со своим мешком. Подкативши возок к сельсоветскому крыльцу, крикнул, чтобы слышали там, за открытыми настежь дверями:

— Глянь, Воронин, на свою работу! Утопить бы тебя в баландинской яме, да вот беда: дерьмо в дерьме не тонет!

Федот и сам не знал, какой черт дернул его за язык, чтобы проорать слова, за которые ему не сносить бы головы; на счастье мужика, Воронина не было уже в конторе: срочно вызванный в район, он ускакал туда, чтобы уж никогда не появляться в нашем селе. Выскочивший на улицу Степан Лукьянович (хитрющий этот двуногий лис умудрился сохранить себя и при грозном Воронине) с превеликим удовольствием сообщил Федоту эту новость.

— Взяли, значит, за ж... голубчика! Давно пора!

— Пора, пора, Федотушка!.. Он уж, Воронин то есть, и до твоего брательника, Егор Михалыча, добирался. Я его считал кулацким агентом. Сняли Егория с бригадиров, а кто настоял?.. Не знаешь?

— Неужто и тут Воронин?

— Он самый!..— охотно подтвердил Степан Лукьянович и только сейчас увидел мертвого Степашка́. Умолк, смущенный.— Где ты подобрал беднягу?

— На баландинской дороге. Там таких вещей счас многонько, Лукьяныч!

— Куда ж ты теперь его? — Секретарь указал на покойника.

— Аксинье отвезу. То-то «обрадую» бабу да и детишек...

— Н-да-а-а,— вздохнул Степан Лукьянович, который планировал было увязаться за Федотом и получить вознаграждение за добрую весть, выложенную им минутами раньше изобретателю «золотой жилки». Поняв, что Федоту теперь не до гостей, поспешил объявить: — Помог бы тебе, Михалыч, да неколи: с минуты на минуту и меня могут покликать в район в качестве свидетеля.

— Ну, ну,— вроде бы согласился Федот, а про себя решил: «Боится, плут, Аксиньиного воя, вот и нырнул в свою нору, сурок несчастный. Не мешало бы и его подержать за мягкое место в районе. Будь на то моя воля, я б их...»

На том и остановил свои мысли, поскольку и сам не знал, что бы сделал с нарушителями советских законов, какую бы кару определил для них. Приблизившись к дому Степашка́, поднял на руки почти невесомое тело и, избегая устремленных на него и расширившихся в ужасе многих глаз, положил его прямо на стол, под образами. Торопливо перекрестившись, выскочил на улицу и без оглядки покатил тележку в сторону своего дома. Не слышал ни вопля, несшегося из Степашко́вой хижины, ни крика Мишки, хотевшего справиться, где Федот подобрал их несчастного отца, ни того, что истлевшая цигарка давно уж обжигает ему, Федоту, губы. Душевных и физических запасов его хватило еще на то, чтобы довезти свой страшный груз до села, послать проклятия исчезнувшему вдруг Воронину, перебросится десятком слов с Лукьянычем, затем сделать, может быть, самое трудное, самое тяжкое — внести Степашка в его избу — на большее их уже не хватило. Так и не отозвался на Мишкин крик, так и не оглянулся. «Прости, сынок, не могу боле. Силов моих нету!» — прошептал про себя.

Не помню, чтобы барда спасла кого-нибудь от голодной смерти. Карпушка, который первым обнаружил ее, уцелел, но и то лишь потому, что, как он сам засвидетельствовал, «душа не приняла» вонючей мерзости, вывернулась, по его же словам, «аж наизнанку»: умная у мужика душа, ничего не скажешь; окажись она всеядной, валяться бы Карпу Иванычу на «дороге смерти», как вскоре нарекли люди проселок от Монастырского до Баланды.

Федот Ефремов, как и Карпушка, уцелел. Положив в рот ложку барды, он сейчас же выплюнул ее и, вытерев ослезнившиеся глаза, изрек:

— Пущай уж, когда помру, червяки поедают меня снаружи, а не так, щчо живого — изнутри...

Он вынес мешок из сеней, ушел подальше на зады, вырыл там яму. Утрамбовал ногами землю, сказал, обращаясь к закопанной гадости:

— Штоб и духу твоего не было!

Но дух барды был столь устойчив и напорист, что еще долго давал знать о себе, вырываясь из-под земли и преследуя носы и самого Федота, и его жены, и дочерей, стоило им лишь выйти на огород.

Не воспользовался Федот Михайлович и припрятанным зерном: кто-то из односельчан «случайно» набрел на потайной клад и, не опасаясь теперь Воронина, упредил Ефремова на одну ночь и перетаскал зерно к себе домой. Другой бы на месте Федота впал в отчаяние, повесил бы голову, выбился бы окончательно из житейской колеи, но такое могло случиться с кем угодно, но только не с Федотом Ефремовым. Этот же, обнаружив кражу, спокойно вернулся домой, уселся у порога собственной избы и будто чужой подложил ногу под тощий свой зад, не спеша сооружая «козью ножку» размеров неправдоподобно великих. Он начинял ее «золотой жилкой» минут этак десять, тщательно склеивал, призвав на помощь пальцами влажный язык. Закурив наконец, глубоко, до удушливого кашля затянувшись, неожиданно расхохотался. Не понимая, в чем дело, жена и дочери (их было у Федота две) глядели на главу семьи со страхом.

— Что с тобой, отец?.. Ты, родимый, не того... не рехнулся, случаем? — спросила хозяйка, шаря по лицу мужа испуганными по-прежнему глазами.

— Нет, мать,— ответил Федот, не успевший убрать ухмылки,— не только не рехнулся, а даже поумнел. Проучили меня, хозяюшка, как рассукиного сына!..

— Господи, да что же с тобой исделали?.. Кто?

Но Федот не пожелал добавлять что-либо к уже сказанному.

Встревоженная, пожимая плечами в недоумении, жена удалилась за печную перегородку, к своим ухватам и чугунам, многие из которых были у нее как бы безработными, давно стояли и в углу и на шестке без дела, без применения. В ведерном, самом большом, чугуне еще согревались помои, сдобренные картофельной шелухой,— это для коровы, ставшей единственной кормилицей не только для Федотовой семьи, но и для многих ее родственников. «Наша спасительница!» — скажет о ней Федот на рубеже тридцать четвертого года, положившего предел людским страданиям, энергично взявшегося врачевать раны, ликвидировать наследие, оставленное для него лютым предшественником.

Сейчас же младшая дочь Федота, Паня, сидела на печи, плотно прижавшись к десятилетней няньке, к старшей своей сестрице Вере, которая ласкала ее головку совсем по-взрослому, так же точно, как это делала мать. При этом Вера напевала какую-то песенку, вроде бы даже колыбельную. Убаюканная ее мурлыканьем, Паня позабыла на время про ропщущий свой желудок и тихо заснула. Высвободив осторожно из-под ее отяжелевшей теплой головы свои коленки, старшая спустилась на пол: надо было помогать матери в поисках какой-то еды, бежать на луга или на Вонючую поляну за конским щавелем, за чернобылом, за кореньями разными — все это мать употребит в пищу.

— Поосторожней будь, доченька,— напутствовала ее мать,— люди сказывают: разбойники, вишь, в лесу-то нашем объявились, не ровен час...

— А я, мам, чай, не одна пойду — с подругами!

— Ну, ну, иди, ступай, моя золотая. Гляди только...

Вера действительно выходила в лес, на луга, на поляны — во все другие места, где

водились съедобные травы,— не одна. У нее были подруги: двоюродные сестры, Марфа и Надя Ефремовы; Катька Леснова, самая, как известно, отчаянная девчонка; Полюшка Полякова; одна из старших сестер Миши Тверскова и с десяток других с Хутора и Непочетовки. Но, собравшись в большую стаю, девчата вряд ли отважились бы выйти на «подножный корм» без нашего рыцарского прикрытия. С нами, ребятишками, они забирались в самые глухоманные углы леса, на самые отдаленные поляны, куда еще не дотягивалась ни одна голодная рука, где конский щавель, косматки, дягиль, борщовки стояли нетронутыми, и мы могли набить ими полные сумки. К этим традиционно употребляемым в пищу растениям мы в широком разнообразии присовокупляли и те, которые до тридцать третьего года считались несъедобными. К таким относились: лебеда (за ней-то нам не надобно ходить далеко, ее разновидность, называемая цыганкой за нарядный, красно-белый цвет листьев, сделалась полновластной хозяйкой всех заброшенных, опустелых дворов и огородов), к лебеде присоединялись корни куги,— высушенные и пропущенные через самодельный жернов, они были похожи на пшенную муку, а вот по вкусу ни на что уж не были похожи, потому что не имели решительно никакого вкуса; наши матери, однако, умудрялись замешивать эту «муку» на запаренной лебеде и конском щавеле и испекать для нас нечто, создающее иллюзию лепешек. Желудочного сока не хватало, чтобы переварить неперевариmое, и дети страдали от запора, некоторые даже погибали от него, потому что не знали трав, которые можно было бы употребить как слабительное.

Мы с Ванькой Жуковым вспомнили — и сделали это как нельзя вовремя — про ча́кан, который был не только сочен и вкусен, но и позволял нашему брюху сладить со всем, чего бы мы в него ни напичкали: названные выше лепешки из рыжей «муки», похожей по всем своим качествам да и по внешности на древесные опилки; хлебцы из крахмала, полученного из прошлогодней, вымерзшей зимою, а сейчас высушенной в печке картошки; лук и чеснок дикие, за которыми приходилось ходить аж в Липняги, за десять верст от села, да на Сафоново, которое было еще дальше; рылись мы, как поросята, и в местах, где по нашим приметам прошлой осенью была морковь, в надежде отыскать случайно оставшийся корешок, пускай раскисший, пускай утративший всякий вкус,— пускай: для нас и он дар божий, и его, обнаружив, мы сейчас же отправляли в рот. Ну, а то, что называлось нами ча́каном, извлекалось из самой нижней части осоки какой-то особой, не похожей па обычную породы; освобожденная от верхних волокон, эта часть явится твоим загоревшимся от радости очам ослепительно белой, покрытой бисерною россыпью прозрачных капелюшек, которые, стоит лишь откусить кусочек, наполнят твой счастливо-жаждущий рот едва сладимою, с легкою кислинкой влагой. Мы и раньше когда-то лакомились чаканом, а потом как-то подзабыли о нем: отвлекли, знать, другие ребячишьи заботы. Может быть, тогда чакан и не казался нам таким уж вкусным — кто знает. Теперь же мы узнали истинную цену ему!

В прежние года многие из нас воспринимали окружающее неосознанно-поэтически. Такие, скажем, как Миша Тверсков, могли вдруг остановиться посреди лесной поляны и, расцветши в тихой улыбке, разлепивши губы, полуоткрыв рот, долго внимать птичьему разноголосью, угадывать, какому из пернатых принадлежит тот или иной голос, либо считать вслед за невидимой кукушкой свои непрожитые года; девчонка, приметив какой-нибудь цветок, непременно присядет возле него на корточки и начнет скликать подружек, чтобы и они подивились редкостному сочетанию красок на влажном, напоенном росою лепестке этого цветка; они же, девчата, набрав охапки слезок, будут лакомиться ими не раньше, чем вволю налюбуются, наглядятся на темно-бордовое, с золотинкой их оперение, а то и вовсе не станут есть, а поместят в нарядный венок.

Теперь же растительный мир представлял для всех нас интерес постольку, поскольку мог быть употреблен в пищу: ни ландыши, прячущиеся в темных, важных, потайных лесных местах и источавшие тончайший из всех тонких запах, от которого, бывало, в ноздрях твоих сладко щекотало; ни кувшинки оранжевые, ни лилии, похожие на крохотных белых лебедей, грациозно застывших над водной гладью молчаливых и всегда загадочных омутов красавицы Баланды; ни ивушки плакучие, опустившие свои длинные зеленые косы в реку и моющие их в ней; ни папоротник, напоминающий своих великанов-пращуров лишь очертаниями листьев, которым обычно обрамляется букет собранных в лесу цветов; ни даже одуванчики, успевшие опушиться и готовые от легкого дуновения выпустить на все четыре стороны детей своих на легких, прозрачных парашютиках,— ничто из всего этого не привлекало теперь шарящих повсюду глаз, поскольку не было съедобным. Ближайшая практическая цель нашего похода уничтожала в некогда восприимчивой и отзывчивой на красоту душе очарование окружающего: нас уже не могли околдовать ни волшебные видения, ни звуки, ни краски. Мы искали в лесу, на лугах, на полянах, в поле, по берегам рек и в самих реках лишь то, что можно было съесть, испытывая легкое разочарование даже тогда, когда траву или живность нельзя было съесть сразу, сейчас же, в этот вот миг, а требовалось еще какое-то время, чтобы удалить из нее некое зелье.

Продолжение следует.

НЕУТОМИМЫЙ В ТВОРЧЕСТВЕ НАРОД

интервью «огонька»

И. А. ЗАРАМЕНСКИЙ,
секретарь Ярославского обкома КПСС

В Ярославле, который поражает какой-то особенной, непринужденной, естественной совокупностью трудовых и творческих свершений, вновь и вновь вспоминаешь вдохновенное пророчество Некрасова, удивляясь точному, прямо-таки детальному, сегодняшнему содержанию его пророческих строк:

...Освобожденный от оков
Народ неутомимый

Созреет, густо заселит
Прибрежные пустыни;
Наука воды углубит:
По гладкой их равнине

Суда-гиганты побегут,
Несчетною толпою,
И будет вечен бодрый труд
Над вечною рекою...

Как просто и как верно! Как навсегда сказано!

Народ созреет, провидел Некрасов... Наверняка великий поэт имел в виду прежде всего нравственное, душевное созревание. Тот идейный потенциал, тот внутренний рост, которые делают и самого человека и его неутомимый труд творческими во всех отношениях. Более того, делают труженика личностью. Делают рабочего и крестьянина эпохи социализма еще и художниками.

Их тяготение к красоте не поверхностно, не наивно. Не приблизительно. Они постигают подлинную сущность прекрасного. Им небезразлична ни улыбка Моны Лизы, ни полотна Айвазовского, ни классическая музыка, ни прекрасный народный танец или песня...

Репетиция народного болгарского танца. Ансамбль «Ярославна» (Дом культуры железнодорожников).
Фото А. Зубкова

Очередное поколение «Ярославских ребят».

— Именно так,— говорит секретарь Ярославского обкома партии Игорь Афанасьевич **ЗАРАМЕНСКИЙ**.— Работая в цехе или на колхозном поле, создавая для страны материальные ценности, люди еще и сами увлеченно творят искусство. И хоть оно именуется — в отличие от профессионального — всего лишь самодеятельным, многие коллективы достигают отточенного совершенства. Им удивляется и аплодирует публика за рубежом, которая иной раз, чего греха таить, бывала предвзято настроена до встречи с волжанами.

— Такова, например, как я узнала, талантливейшая ярославская «Чайка» на «Красном Перекопе». Таковы ансамбли Дворца культуры и техники Ярославского моторного завода. Таковы детские коллективы в Ярославском Дворце пионеров...

— Да, многие коллективы — наша гордость! И не только наша. Думаю, что самодеятельность надо рассматривать сегодня именно как явление духовной зрелости народа.

— А слово «самодеятельность» — не кажется оно вам, Игорь Афанасьевич, отжившим, вчерашним, что ли?

— Как-то не приходилось над этим задумываться. Вероятно, потому, что тут не в названии суть, а в работе. В живом деле. А оно ширится и крепнет буквально на глазах. Сегодня оно уже само растет, как бы **само делается**: тут ведь корень явления, отсюда и слово родилось. Вот вы упомянули наши лучшие самодеятельные коллективы. А сколько же у нас других! И все разные, «непохожие». Но так же упорно, изо дня в день творящие добрый свой труд. Подлинные энтузиасты, влюбленные в искусство.

— Да, в этом убеждаешься сразу, при первой же встрече с ними. На Ярославском моторном, например, привлек меня масштабностью, глубиной устремлений руководитель Дворца культуры Ва-

лентин Алексеевич Брылев. По классу Гончарова кончал он ГИТИС, мог бы в профессиональном театре работать. Но вот уже восемь лет отдает себя рабочему художественному творчеству.

— Мы не зря в Ярославле гордимся дворцом моторного завода. Там идет серьезное нравственное воспитание рабочего класса средствами искусства. Причем все девять ведущих ансамблей, имеющих высокое звание народных, объединяют не так уж и много людей: их примерно тысяча человек. Но они так прекрасно поют, так танцуют, если взять знаменитый коллектив «Волжанка», например, что появляется огромное количество увлеченных людей. Во всех цехах у каждого ансамбля есть еще и свои коллективы-спутники. И в результате чуть ли не все огромное предприятие оказывается втянутым в ту энергично творимую, культурную жизнь, которая изо дня в день совершенствует, поднимает человека. Он знает, что такое настоящая дружба. Он — человек с высоким уровнем культуры, высокими вкусами. И, конечно, он учится, продолжает учиться у того высокого профессионального искусства, литературы, живописи, с которых мы начали наш разговор. Тут как бы некая цепная реакция происходит, где все на полной взаимности основано... «Волжанка», «Чайка» и другие коллективы много лет сердечно дружат с ведущими мастерами известнейших профессиональных коллективов страны: хора имени Пятницкого, например... Людмила Зыкина много помогает. Всем им — наше горячее спасибо!

— Среди народных коллективов «Чайка» все же особенных высот достигла?

— Думаю, почти у каждого ансамбля, да и у каждого отдельного человека, в творчестве есть своя, особая прекрасная высота, а значит, свои цели и свои пределы. Важно, чтобы они были, чтобы не возникал застой... «Чайка», конечно,— гордость Дома культуры текстильного комбината «Красный Перекоп». Существует эта наша любимица с начала тридцатых годов. Но в ту пору «Чайка» насчитывала, не поверите, всего восемь человек. Они увлеченно танцевали «Яблочко», «Цыганочку» да несколько вальсов... Потом пришел руководить ансамблем балетмейстер Федор Константинович Сударкин. И сразу в «Чайке» появилось более семидесяти способных танцоров. Вот что значит неутомимый в творчестве человек. Такими же оказались преемники Сударкина. Они сделали «Чайку» известной всей стране. Танцевальные композиции: «Россия — Родина моя», «Дорогой ленинской мечты», «Орлята учатся летать» и другие — получили признание на всесоюзных фестивалях и смотрах, в Кремлевском Дворце съездов... «Чайка» побывала в Монголии, Финляндии, в других странах и всюду вызывала восхищение и любовь. И не просто к русскому танцу, но к русскому рабочему человеку, представляющему новую, советскую формацию, новую, социалистическую культуру. А сколько поездок по своей области, сколько шефских концертов на селе...

— Об отношении к селу творческих городских коллективов хочется отдельно спросить вас, Игорь Афанасьевич.

— Взаимосвязи города с селом — еще одна примета времени. И она опять же возвращает нас к началу разговора. У нас много таких фактов, которые иногда кажутся невероятными, но они живая реальность наших дней. Прежде всего скажу, что все профессиональные и народные творческие коллективы Ярославля, Рыбинска, других городов области непременно имеют свои подшефные сельские клубы и дома культуры. Более пятидесяти городских организаций связаны с селом самой тесной дружбой. Весной, после окончания посевных работ, и осенью, когда заканчивается уборка урожая, начинаются большие веселые праздники-гулянья. Разумеется, с концертами, где участвуют и сами шефы и подшефная самодеятельность. Устраиваются спектакли, красочные творческие отчеты на слетах полеводов, передовиков сельского хозяйства... Да вот совсем недавно клуб «Гигант» Ярославского шинного завода провел в деревне Шильпухово такой вечер на тему «Труд — это слава твоя, человек»... Молодой доярке колхоза «Красные поля» Ольге Барковой посвящен кинофильм, сделанный народной киностудией... Но и во время посевной и в самые горячие дни уборки множество интересных, мобильных агитбригад выезжает прямо в поле с небольшими концертами для передовых звеньев. Эти концерты доставляют людям много радости.

— Я побывала в колхозе имени Кутузова Гаврилов-Ямского района и как раз увидела один из таких концертов. Колхозники были очень довольны. Загорелые до черноты, убирали они под палящим солнцем лен-долгунец. Ровно скошенные, аккуратные ряды бесконечно простирались вдаль и золотились на солнце. Председатель колхоза Павел Геннадьевич Пенкин, образованный молодой человек, настоящий энтузиаст, умница, поистине деятель культуры, а не просто хозяин всех своих трудовых начинаний, тоже был здесь, на поле. А вместе с агитбригадой приехал начальник районного управления культуры Виталий Андреевич Фатеев. Оказалось, что они друзья, давно знакомы. Оба привыкли трудиться не за страх, а за совесть. Радостной была встреча.

Много новых, ярких черт наглядно видишь в жизни сегодняшнего села!

— Город нынче готовит такие кадры, которые именно с душой, а не для «галочки» работают, отдают себя делу.

Они не боятся труда, воодушевлены и неутомимы в работе, которая поэтому и становится творчеством. Тут одна грань жизни сливается с другой гранью в той целостности, в том единстве, которые предусмотрены решениями Двадцать шестого съезда партии. Самый труд обретает творческие, а значит, светлые стороны для человека-труженика...

В дни уборки приезжают в село агитбригады из города, из района, но у многих сельских клубов есть и свои, тоже хорошо подготовленные бригады. Я бы сказал, что они активизируют людей, поднимая настроение, дают минуты содержательного, интересного отдыха. Это очень важно... И тут тоже идет непрерывный рост. Создаются свои творческие программы, появляются свои умельцы... Звание народных коллективов по Ярославской области имеют 67 ансамблей, из них чуть меньше половины — двадцать шесть — созданы на селе! Примерно так же соотносится по области количество участников самодеятельности. Из 111 тысяч общего числа более 33,5 тысячи человек — участники сельских кружков... Сельские жители вообще не отрезаны от городской культуры. Они приезжают в Ярославль на спектакли театра имени Волкова. Во множестве приезжают в Карабиху на праздники поэзии, посвященные светлой памяти Николая Алексеевича Некрасова...

— А теперь еще и на собиновские концерты?

— Разумеется!.. Собинов ведь тоже наш замечательный земляк. Теперь мы устраиваем не только памятные концерты, но еще и конкурсные концерты вокалистов, посвященные Собинову. В них, что очень важно, участвуют певцы-любители городов и сел области. У нас есть замысел — приобщить к этим конкурсам все волжские города. И, конечно, любители тоже будут участвовать вместе с профессионалами в ежегодном специальном собиновском фестивале.

— Ярославцы свято чтут память своих земляков...

— В этом и заключается, думаю, суть культурных традиций. Конечно, иной «культуртрегер» может вдруг отбросить как нечто ненужное стихи великого Некрасова, прекрасные картины Алексея Саврасова (он тоже жил в нашем городе) или Айвазовского. Все пьесы покойного драматурга Александра Афиногенова... Но далеко не уйдешь, если вдруг начнешь вот так бесхозяйственно разбрасываться народным достоянием... Нет, мы стремимся всячески умножать и развивать наши культурные богатства. Достаточно сказать, что старейший в России театр имени Федора Волкова получил право открыть свой вуз, свое высшее театральное училище. Мы пригласили для руководства и работы в этом новом учебном заведении опытных, одаренных работников: для нас и эта часть культурной работы очень важна. Артист — наш помощник в борьбе за нового, культурного человека, строителя коммунизма. Именно так нацеливаем мы и свой новый вуз: готовить не только мастеров сцены, но в первую очередь мастеров культуры, ее подвижников... И если подвести итоги всему сказанному, то каждый прожитый год несет нам свое новое, интересное. Расширяет все дальше горизонты народной жизни.

Беседу вела Н. ТОЛЧЕНОВА.

ВЗЛЕТ ДУШИ

Когда я читал новый объемный однотомник лирики Алексея Маркова — книгу стихов и поэм «Щедрость», еще и еще раз убеждался, что разговор с читателем, который вот уже три десятилетия ведет этот самобытный поэт, и в лирике, и в эпике, и в сатире и самой малостью не уходит от главных вопросов, которые выносит на повестку дня время:

Я — нерв страны. Ее земные
токи
Через меня взволнованно идут.
И боль свою, и взлет души
высокий
Ей отдаю на беспощадный суд.

Четверть века этим строкам, но они для поэта ни на йоту не постарели. Характер его лирического героя и сегодня тот же беспокойный и мятущийся, не знающий компромиссов, уступок и снисхождения. «Приобретаем жалостью врага мы, а не друга!» — для Маркова эта мысль бесспорна. Ему и детство дорого, потому что «для жизни правдивой оно прямоту подарило в наследство», а прямота для поэта — жизнь по долгу, по чести, по совести, неизбывная, неиссякающая страсть искания истины. Именно потому поэт остерегает читателя:

А застылостью чувств,
А застоем души,
А смиренностью уст
Никогда не греши!

Его признание в любви к жизни, к борьбе, к радующему душу и руки делу просто и непритязательно, его признание в вечной верности родной земле по-солдатски немногословно и скупо.

И когда Марков утверждает, что «от битв не стоял в стороне»,— это не бравада, не пустые слова, это выстраданная, выношенная позиция патриота. Воин, он прошел через кровопролитные сражения. Гражданин, он не прятался от невзгод, которые выпадали на долю народа и в мирное время.

В его интимной лирике — «изначальный свет любви», чистота и целомудренность отношений влюбленных и любящих. В его сатире — протест против всего, что омрачает лицо жизни. Против мелочности и фальши, бюрократизма и криводушия, бахвальства и низкопоклонства. В его поэмах — гимн верности, могущей одолеть любые ухищрения пошлости («Поэма о тебе»), гимн таланту, что не тонет в вязком болоте невзгод и мелочной суеты («Мой Бетховен»).

В однотомнике, о котором я веду речь, представлены лишь две небольшие лирические поэмы. А вклад Алексея Маркова в современную эпическую, драматическую поэму весьма значителен. Вспомним хотя бы поэмы «Михайло Ломоносов», «Пугачев», «Кондратий Рылеев» и другие. Познакомившись с «Щедростью», читатели получат более объемное, цельное представление о таланте Алексея Маркова.

Леонид ХАНБЕКОВ

Алексей Марков. Щедрость. Стихотворения и поэмы. М., «Художественная литература», 1980, 334 с.

Борис ПРИМЕРОВ

Фото А. МАСЛОВА

ЗЕМЛЯ ДОНСКАЯ

Давным-давно, во время оно
На все иные времена
Легла на ковылях зеленых
Моя степная сторона.
Моя лесная, непростая,
С резными зеркалами вод,
И вся — большая, вся — такая,
Что душу оторопь берет.
С истоками из захолустья,
Где в бедах, на краю огня
Горою встанет каждый кустик
И за тебя и за меня,
Где сквозь невзгоды и ненастья,
Чтоб только Родине помочь,
В каком-то первобытном счастье
Сияет солнце день и ночь...

День и ночь сияет мне солнце моего края, моего тихого Дона. Долгой, широкой стремниной, по бокам которой высятся величавые курганы и разбегается запутанная сеть полевых троп и дорожек, идет в глубь светлой зелени, в даль многопестрого лугового цветника вторая по величине река на юге России. Около двух тысяч верст отмахает она, пока достигнет Азовского моря...

Долго батюшка Дон оставался вне связи с системами соседних рек, и только в 1952 году был открыт судоходный канал, соединивший Дон с Волгой. Как брат с сестрой, крепко обнялись две великие реки, обнялись, чтобы никогда больше не разлучаться...

Я вижу, как за бортом «ракеты» пенится густая глубокая вода Цимлянского моря. Каждый раз, как я смотрю на него, меня поражает величие синего простора, непокорная фантазия и безудержный каприз прибоя. Порою кажется, что морю — размашистому, державному — нет конца и края, так же как этому близкому и далекому небу, небу, по которому бегут два или три невесомых облачка. К вечеру они неожиданно обернутся тучами и станут похожи на обломки античного храма или руины каких-то древних строений. И сразу потянет пронзительным холодком давно минувшего времени, закружит седая пыль мелькнувших веков, развернутся во всю историческую длину страницы прошлой жизни.

Кто не слыхал про станицу Зимовейскую — одно из самых старых казачьих поселений на Дону! Станица известна тем, что здесь родился Емельян Пугачев, знаменитый предводитель народного восстания, вождь яицкого казачества, выпустивший манифесты с обещанием «всемилостивейше пожаловать все вольности народу, каких он добивался». Здесь же, на Дону, родились Степан Разин, Кондрат Булавин, Иван Болотников и еще многие из тех, кто подымал оружие на царей и бояр за волю и счастье народное...

Осенью будущего года исполнится ровно четыреста лет, как донской атаман Ермак Тимофеевич с 540 казаками разбил многотысячную орду сибирского хана Кучума. Дон не забыл подвига своего легендарного воина. На главной площади города Новочеркасска ему сооружен величественный памятник. Донской атаман в могучих доспехах навсегда взошел по воле знаменитого скульптора Марка Антокольского на высокий свой пьедестал.

С широкой золотой ладони пшеничного поля в колхозе «Донец» отлично видно то место, где в 1185 году русские дружины скрестили харалужные мечи с половцами. Да, вот здесь и произошла эта битва, описанная в «Слове о полку Игореве». Кто он, безымянный автор первой русской эпопеи? Скорее всего, в мирное время был пахарь, а в боевое — воин, защитник Родины. Вот почему он так смело и дерзко сравнил грозную сечу с мирной жатвой: «На Немиге снопы стелют головами, молотят цепами харалужными, на току жизнь кладут, веют душу от тела».

Я поднимаюсь на вершину Караул-горы и осторожно касаюсь рукой камня, положенного здесь в честь Игоревой рати. Может, отсюда, с этого самого места, мой далекий предок обозревал картину битвы, слушал ее былинный язык... Может быть, именно здесь он открыл звучные ритмы будущего своего повествования, благородные мысли и сильный высокий слог которого живут в поэтической памяти нашего народа почти целое тысячелетие... Нынче два этих поля — засеянное, мирное, колхозное, и дикое, некогда ратное — разделяет неширокая полоса, всего каких-то пятьсот метров.

Во славу нашей земли сложили буйные головы русские витязи. Во славу нашего светлого настоящего несли нынешним летом бессменную вахту на своем поле комбайнер Владимир Семенович Лысенко и его товарищи. С комбайна хорошо видна повитая туманами времени Караул-гора. Да, та самая гора, с вершины которой наблюдал в далекие годы казак, не появился ли вдали недруг, и если случалась такая беда, мгновенно зажигался костер из сухого хвороста. Во времена Великой Отечественной войны эта гора называлась высотой-79... Многие в округе еще помнят, как горел в том военном году созревший в поле колос. Некогда было людям спасать хлеб, самое дорогое на земле богатство. Человек опять, как много веков назад, держал в руках оружие.

Я родился под выжженным небом,
На земле, где на тысячу лет,
Кроме запаха трудного хлеба,
Никаких больше запахов нет.

Этим запахом время кричало,
О сердца высекало огонь
И руками корявыми брало
За широкие крылья гармонь.

В каждой клавише пелось про жито,
И мотив оперялся и креп.
Ничего на земле не забыто,
Но особенно — горестный хлеб.

Трудный хлебушек, промысел древний.
И пускай мыслю якобы в лоб,
Но скажу я, что нашей деревне
И всему голова — хлебороб.

Царь-девица — великое жито,
Государыня-матушка — степь.
Ничего нами здесь не забыто,
Но особенно все-таки — хлеб.

И поныне горжусь я тем небом
И землей, где за облаком лет,
Кроме запаха русского хлеба,
Никаких больше запахов нет.

Вот уже и отгремел зычный колокол летней страды. Блескучая, горячая медь его, казалось, созвала на колхозные поля все население области. Дни и ночи шел хлеб в закрома государства. День и ночь думали о нем люди: как бы не потерять ни единого зернышка.

Справедливо говорят, что нормальный крестьянский труд не просто укрепляет наши телесные и духовные силы, а развивает и увеличивает их. Я видел на штурвале полевых машин опытные руки. Видел и как уверенно, по-мужски лежат они на коленях молодых механизаторов в краткие минуты отдыха, замечал нечаянно, как по былинке, коснувшейся крепкой руки, ползет крошечная божья коровка. Такие

Рассвет над Доном-рекой * Поле Куликово * Степная нива.

НА РАЗВОРОТЕ ВКЛАДКИ: Памятник Ермаку в Новочеркасске * Даже тот, кто не бывал на Донщине, знает ее по казачьим песням... Их прекрасно исполняет хор Дома культуры в станице Вешенская * Будущая хозяйка земли * Дон-батюшка, кормилец и труженик * Продукция «Ростсельмаша».

СПАСИБО

руки созданы, чтобы не обижать, а лелеять живое на земле.

Наша земля любит трудолюбивых людей. И если вы спросите кого-то о незнакомом человеке, а только и успеют сказать, что он трудолюбив, вы уже проникаетесь уважением к нему. Когда-то Владимир Иванович Даль напомнил нам, что труд кормит человека. Добавлю: не только кормит, но и отвлекает от мрачных, от дурных мыслей, от скуки, этой ужасной спутницы праздных, и составляет непременное условие счастья...

Обширен мой край — на его земле могло бы разместиться не одно немаленькое государство. Даже тот, кто не бывал ни разу на горячей, солнцем согретой Донщине, знает ее по знаменитым казачьим песням, неповторимому духу сальских и персияновских караваев, вкусу игристого цимлянского вина, по красному цвету комбайнов «Колос» и «Нива», сходящих с заводских конвейеров. А уж если кому довелось пройтись хоть однажды по умытым дождичком широким улицам Ростова и Таганрога, повстречаться с любопытным и приветливым станичным людом, тот навсегда приютит в сердце своем скромную, живую красоту нашей земли.

В зеленом, охряно-желтом пространстве задонских степей, в пестротканом ковре медуниц, воронков и маков, в красе южнорусских крестьянских лиц есть какая-то своя музыка, загадка, которую дано разгадать лишь таким большим писателям, как Михаил Александрович Шолохов...

Неброские на первый взгляд наши полевые цветы вроде все одинаковы: ромашки, усыпавшие пригорок, сурепка, жадно вцепившаяся в землю, тоненькие колокольчики, подснежники, проклюнувшиеся сквозь корку тающего снега. Но приглядитесь: у каждого цветка, лепестка, у каждой былинки — свой неповторимый контур, свое дыхание...

Гуляй, строка, в великолепье
Цветов, разбросанных вокруг,
Строка, воспитанная степью,
Обретшая высокий слух.

Иди на цвет, спеши на запах,
Откликнись на любую трель
И пей, как шмель, из ярких шапок
Чертополоха мед и хмель...

По-моему, нет вкуснее кушанья на всем свете, чем простой ноздреватый ломоть черного житника — так у нас в станицах и хуторах называют до сих пор ржаной хлебушек, — с толстым ровным слоем парного, пахучего майского меда. Объедение! Да еще ковшик ключевой, ломящей зубы водицы!

На колхозную пасеку, в медоносные клевера меня тянуло еще в Москве в самый разгар мая. В это время, я знаю, на Донщине наступает золотая пора первого взятка. Мечты уносили меня на мягкие гречишные поля, в жерделовые лесопосадки, туда, где еще босоногим пацаном я помогал на пасеке деду: снимал с деревьев клубящиеся рои и пересаживал их в новые ульи...

Любая хата, любой курень в нашей стороне, где обитают терпеливые, жадные до дела люди, напоминает напряженной жизнью пчелиный улей...

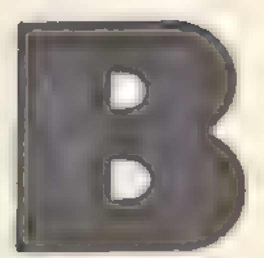
Судьба подарила мне много путешествий. И все-таки я не странник на земле, хотя люблю бродить по ее тропинкам, слушать зеленый гул молодой травы, умываться в родниковых водах больших и малых рек. Давным-давно я покинул свою колыбель, отчий кров, но всегда влечет меня туда, где пахнет янтарным, отборным медом моего станичного детства...

•

Монумент в честь павших воинов 5-го гвардейского Донского кавалерийского корпуса * Шолоховские места — станица Вешенская * Урожай нынешнего года * ЛЭП пейзажа не портит * Возле хутора Лебяжий * На зорьке.

ОБРЕЧЕННЫЕ НА УЦЕНКУ

К. БАРЫКИН



В очереди были только работники магазинов. И не младшие продавцы, а опытные товароведы. Рядом с каждым терпеливо «выстаивали» связанные веревочками коробки. Неряшливые надпечатки по серому картону сомнений не оставляли: это обувь московского объединения «Восток».

— А ну, ЦУМ, поторапливайся.— Энергичная и строгая хозяйка небольшой комнаты, от пола до потолка заставленной такими же коробками, была решительна.— Поторапливайся, тебе говорят. А то обедать уйду.

Татьяна Ивановна Чернавская, представляющая Центральный универмаг столицы, выкладывает туфли и сапожки. У одной подошва вот-вот отвалится, у сапога «молния» только что не рассыпается.

— Набаловали покупателей, вот и несут всё подряд.— Представительница объединения говорит вроде бы вообще, ни к кому не обращаясь, потом поднимает глаза на Чернавскую.— Не возьму эту пару.— И в голосе ее решительность и непреклонность.

— Придется взять.— Татьяна Ивановна старается говорить мягко, но и ее голос не лишен решительности.— Ваш же брак, покупатель не виноват.

— Мой брак? Мой? Да постыдилась бы так говорить. «Молнию» плохую прислали, вот она и полетела.— И тут же звонит куда-то по телефону.— Семен Семенович, опять «молния» на сапогах полетела. Не принимать? Взять в ремонт? Хорошо...

— А какой еще ремонт? Покупатель требует вернуть деньги.

И Чернавская протягивает тоненькую книжечку — приказ Министерства торговли РСФСР, в котором записано: если туфли или, скажем, сапоги не выдержали гарантийного срока, то по выбору покупателя производится или обмен обуви, или денежный расчет, или решается вопрос о ее ремонте. По выбору покупателя! Вот он и сделал выбор — просит вернуть деньги. Брак-то явный. А обувщики не хотят признавать это, предлагают подлатать и вернуть покупателю. Но Т. И. Чернавская не соглашается на такой вариант.

— Пойду к эксперту,— негромко говорит она, укладывая обувь в коробку.

— Ну и упрямая же ты.— И, словно делая одолжение, роняет: — Ладно уж, оставляй...

Сегодня Татьяна Ивановна привезла семь пар бракованной обуви. Месяц-два назад из цехов они поступили в магазин (план выполнен!), оттуда к покупателю и вот снова на «круги своя» — брак! Можно сказать, с позором вернулись. Но к возврату бракованной обуви тут так привыкли, что факт этот, ЧП, можно сказать, никаких эмоций не вызывает...

...Я провел целый день в ЦУМе, в бюро претензий по обуви. Здесь принимают от покупателей обувь, не прошедшую самого обычного испытания. У одной пары полетели каблуки, у другой вырвалась «молния», у третьей готовы отвалиться подметки.

Покупатели приносили обувь, обреченную на уценку. «Вы только посмотрите!» И на столе появляется пара туфель, которая, как мне показалось, вот-вот рассыплется на составные части.

— Как же вы такие продаете? — Женщина распаляется, мечет громы и молнии, призывает в свидетели всех нас, собравшихся в этой комнате.

— Пожалуйста, заполните этот бланк,— просит ее Галина Андреевна Полянская.

— А потом?

— Пойдете в кассу и получите деньги...

— Давно бы так. А то я...— Она грозит кому-то и уходит, хлопнув дверью.

— Права она! — комментирует Полянская.— Нет, не в тональности обращения с нами, а по сути. Наверное, не один день искала туфли. Эти ей понравились, купила, а они с заводским браком.

Галина Андреевна Полянская работает в цумовском бюро претензий уже более двенадцати лет и дело знает назубок. За многие годы через ее руки прошли тысячи пар бракованной обуви.

Сегодня до полудня принесли 36 пар. Пять из них направят на экспертизу, по остальным сомнений нет — брак очевидный и, я бы сказал, нахальный своей очевидностью. Сюда приносят разную обувь, разных фабрик и объединений. Несколько пар мужской обуви фирмы «Масис». Я откровенно огорчился, не знал, что и у «Масиса» бывает брак. Да, подтверждают товароведы, стали появляться ереванские туфли, у которых отклеивается подошва. То ли плохой клей поступает на предприятие, то ли не проверяют его качество в Армении.

Обидно за армянских обувщиков. Вообще-то говоря, 52 возвращенные пары туфель из 6170 проданных вроде бы и не много, но ведь теперь пятьдесят два покупателя будут стороной обходить изделия «Масиса». Напрасно, конечно, обувь этого объединения хороша в своей массе. Но в том-то и суть, что покупатель судит о достоинствах фирмы не вообще, не скопом, а именно по той паре, которую приобрел.

Мы откладываем в сторону обувь немосковских фабрик. Недавно харьковским обувщикам вернули 60 пар забракованной обуви. Судя по всему, этим претензии торговли не ограничатся. Вот лежат туфли, которые тоже, видимо, отправятся к тем, кто их делал. Мне очень хочется предложить фабрикам: наклеивайте на такие туфли этикетку: «штиблеты не для носки, а для отчета»...

За три дня в бюро претензий ЦУМа снова накопилась обувь 1-й модельной фабрики объединения «Восток». И мы снова едем туда, где начинали свой репортаж. ...Из магазинов между тем продолжали везти «творения» бракоделов. За час с небольшим визит нанесли несколько московских магазинов и торгов, затем подрулил автомобиль с областным номерным знаком. А следом за ним еще два. Туфли, ботинки, сапоги...

И подумалось: а правилен ли такой порядок? Почему магазины должны не только выслушивать претензии, за которые вину несет промышленность, но еще везти сюда, на предприятие, бракованную продукцию? Не разумнее ли, не справедливее ли, если в бюро претензий крупнейших магазинов будут находиться представители фабрики, скорой на плохие изделия? Пусть краснеют, пусть объясняются с покупателями, пусть выслушают всё, что думают об их продукции. А потом забирают коробки и везут к своим коллегам: может, прямо в цех, может, к начальнику ОТК (ведь на каждой паре обуви стоит штампик ОТК, подтверждающий, что заводской контроль считает обувь вполне доброкачественной), а может, и к генеральному директору. Я не знаю, доводилось ли ему самому обменивать купленную обувь, но из короткого разговора с генеральным директором Николаем Федоровичем Анашкиным я понял, что он неотчетливо представляет себе процедуру сдачи бракованной обуви. Между тем есть в этой процедуре некая унизительность, что-то противоестественное — и без того обиженный покупатель должен идти в торговое бюро

претензий, ждать там, оформлять какие-то бумажки, сердиться на торговлю, которая повинна в этом менее всего. И не знает промышленность о тех жестких, но справедливых словах, которые говорят при этом. А как полезно было бы выслушать их!

Вот и получается, что главные виновники не ощущают всей остроты проблемы. Они встречаются только с торговлей, а с ней разговор идет такой, что и «надавить» можно. Особо капризных (с точки зрения обувной фабрики) стараются проучить или отлучить. «Договор на поставку? Ах, извините, не имеем возможности, уже другим магазинам и торгам отгружено. Штраф? Извольте». Не из своего же кармана, не жалко. Конечно, с такими гигантами, как ГУМ и ЦУМ, так не поговоришь, но ведь обувь того же «Востока» продается не только в этих универмагах.

Предвижу, что Министерство легкой промышленности, обувные объединения и фабрики будут возражать против моего предложения держать постоянных полпредов своих в торгах и магазинах. «Не хватает у нас кадров». Упреждая эти возражения, вношу еще одно предложение: направлять сюда работников только тех ОТК, что выпустили брак с фабрики, да и самих бракоделов. Эффективная мера воспитания! Ведь речь идет не о досадных случайностях. За те дни, что я провел в цумовском бюро претензий, сюда принесли несколько сот пар бракованной обуви: это несколько тысяч выброшенных рублей, загубленные материалы, зряшный труд.

...Мы идем по оптовой ярмарке обуви с К. А. Караняном, одним из опытнейших обувщиков, заместителем начальника Главтекстильшвейобувьторга Министерства торговли СССР. Константин Арутюнович показывает мне новинки, рассказывает о сложных взаимоотношениях, складывающихся иногда с поставщиками, приводит факты и цифры.

— Ежегодно только оптовыми торговыми организациями возвращается предприятиям на исправление несколько миллионов пар обуви. Как вы сами убедились, немал возврат и непосредственно из магазинов. Все это нас очень тревожит. С Бердичевской фабрики в Казахстан была послана партия обуви. Когда раскрыли контейнер, выяснилось, что вся она брак. Буквально — сто процентов. С таким же «показателем» сработала Одесская фабрика.

Я получил справку, из коей явствовало, что и ленинградский «Скороход» умудрился «достигнуть» уровня брака в пятнадцать процентов. В нелестном ряду поставщиков негодной обуви — ашхабадское объединение «40 лет Туркменской ССР», Грозненская фабрика, Сухумский кожкомбинат.

Количество бракованной обуви не уменьшается, а растет. В процентном-то отношении кое-где есть снижение. Но производственные планы увеличиваются, обуви делается больше, и если один вчерашний процент составлял, скажем, тысячу пар, то сегодня он заметно более «весом».

Бракованная обувь при ее нехватке — двойное зло. И пора наказывать за ее выпуск куда строже. Госторгинспекция РСФСР в прошлом году провела 592 проверки и по результатам их предписала исключить из отчетов о выполнении планов обувь на сумму 6 миллионов рублей. Но лучше, правильнее было бы, если б эти рубли, хоть частично, поступили из карманов руководителей Минлегпрома и обувных объединений. Чтобы они поняли, наконец, какое это зло — бракованная обувь...

ВМЕСТО РЕЛЬС

Б. СМИРНОВ

Мы живем в новом доме. В нем есть все, что положено современностью,— от электроплиты до мусоропровода. Впрочем, мусоропровод — верное ли название? Давайте на минуту задержим внимание на этой, как говорится, самой обыденной мелочи быта.

Мы берем ведро с накопившимися за день бумажками, тряпками и прочими отходами, открываем специальный люк на кухне либо на лестничной площадке, и... все. На этом наши заботы закончены. Позже, выходя из подъезда, мы уже вроде не замечаем дворника, волокущего баки с мусором откуда-то из боковой дверцы, не смотрим на неприглядные контейнеры, зловредно поселившиеся прямо под нашими окнами. Но, смотри на них — не смотри, они пока необходимы! И от машин-мусоровозов, огромных и неуклюжих, кочующих, подобно мастодонтам, между домами и свалками,— от них ведь тоже не избавишься!

Так какой же это мусоропровод, если он фактически почти не изменился с прошлого века? Ну, стало в домах больше этажей, а сквозь них вертикальную трубу для мусора пропустили; ну, мусор на свалку везут теперь грузовики, а не лошади. Но может ли такими «достижениями» гордиться наш двадцатый век?

Все это сразу приходит на ум, когда попадаешь в подмосковном Орехово-Зуеве на полигон СКБ «Транспрогресс». Там среди многих прочих испытательных стендов мы увидели какое-то непонятное сооружение в виде полукруглой колоннады.

— Не узнаете? Каждая «колонна» — это так называемый стояк мусоропровода,— объясняет главный конструктор проекта Анатолий Алексеевич Жуков.— Вся установка имитирует мусоропроводную систему, предположим, многоквартирного дома. Шестнадцать стояков — значит, дом с шестнадцатью лестничными клетками.

— Дом будущего?

— Да, домов с такой системой пока еще нет. Как она работает? Внешне для жильцов все остается по-прежнему: они открывают люк в стояке на лестничной площадке и выбрасывают туда мусор. Но внизу — видите? — все стояки примыкают к единой трубе — кол-

Пневмопоезд прибыл на «станцию».

Фото А. Бочинина

лектору, а коллекторы всех домов соединены с трубой-магистралью. Вся эта система труб, проложенных в микрорайоне под землей, герметична, в ней за счет работы вакуумной установки создается разряжение. Следовательно, когда человек у себя на лестнице открыл люк — в трубах из-за перепада давлений возникает как бы всасывающий ветер. Он и несет мусор по коллектору, по магистрали прямо в мусоросборник. Единый мусоросборник на весь микрорайон, он может быть удален от жилого района на восемь километров.

— И что же, все восемь километров бытовые отходы будут лететь по трубам?

— Да, именно лететь. Мы пробовали бросать в систему утюг — проносится без задержки. Вот здесь,— Жуков показывает на «колоннаду» мусорных стояков,— мы отрабатываем оптимальные варианты работы системы. С помощью этого подвижного конвейера засыпаем в стояки все, что только попадается под руку — щепки, песок, масленые тряпки,— и ни в коллекторе, ни в трассе не остается ни соринки.

— Какова производительность этой системы?

— Установка, которую вы видите, может очищать от бытовых отходов микрорайон с населением в сто тридцать тысяч человек.

— Не опасен ли будет такой мусоропровод для жилья?

— Чем? Перепад давлений в системе незначителен — сотые доли атмосферы. Напротив, существующие мусоропроводы отравляют воздух, а наша система — нет. Мы проектируем поставить биологические фильтры, которые полностью исключат выброс вредных бактерий в атмосферу.

— Ну, хорошо, мусор по трубам попал в центр переработки. А дальше?

— Дальше он прессуется в брикеты — конструкторы «Транспрогресса» создали для этого специальный трехсоттонный пресс, и брикеты тоже по трубам, в специальных контейнерах перевозятся за черту города. Но это — уже иной вид трубопроводного транспорта. Вы сможете увидеть, как он работает, на примере другой установки...

Снова — непонятное сооружение, которое, пожалуй, уже ни с чем не сравнишь. Высокий, в несколько этажей, навес, под ним — сложное сплетение металлических конструкций, труб. Трубы — толстые, массивные, диаметром более метра — несколькими длинными плетями выходят из-под навеса, насквозь пронизывают примыкающее к нему здание, круто подымаются на эстакаду и потом, снова прижавшись к земле, плавным изгибом уходят куда-то в даль полигона.

Пока мы поднимались по открытой лестнице под навес, издалека быстро приближался глухой шелестящий звук. Звук затихал, и теперь уже можно было разобрать, что внутри по трубе, приближаясь к нам, все медленнее катятся какие-то колеса. Секунда — и в обрезанной желобом трубе показалось длинное цилиндрическое сооружение. Пять колес, звездой укрепленных в торце, двойные пояса капроновых щеток... Следом за первым цилиндром выехал второй — тоже с колесами и щетками, но сделанный в виде контейнера. Дальше виднелся еще один контейнер... Словно прибыл на станцию паровоз с товарными вагонами! Так оно, впрочем, и есть — только здесь это называется пневмовоз и грузовые контейнеры, а вместо рельсов — трубы. Всё вместе — пневмопоезд, потому что движет его по трубе сжатый воздух.

— Наверное, нужно очень большое давление, чтобы протащить по трубе такой пневмопоезд...

— Протащить? Наш пневмопоезд вместе с грузом весит около ста тонн, и летит по трубе со скоростью более сорока километров в час! Давление? Пневмопоезд и движется за счет разницы давлений в пятнадцать сотых атмосферы.

— Пятнадцать сотых? Так мало? Простите, но в шине легкового автомобиля и то почти две атмосферы!

— Да, пневмопоезд передвигается в трубе очень легко благодаря оригинальной конструкции колесных тележек и щеточных уплотнителей. Выглядят они просто, но прийти к такому решению удалось далеко не сразу...

Тем временем прибывший пневмопоезд на наших глазах разгружался — специальное устройство просто переворачивало круглые контейнеры, и щебенка из них сыпалась в бункеры. Я поинтересовался — ведь контейнеры несутся по трубам незакрытыми, сколько же пыли должно скопиться там, внутри?

— В том-то и дело, что выветривания по дороге практически нет. Мы для опыта клали сверху на щебенку бумажный рубль и отправляли пневмопоезд, как обычно. И рубль благополучно приезжал, так и не стронувшись с места!

У пневмотранспорта множество других удивительных достоинств— всепригодность, экономичность, долговечность. Трубы, уложенные под землей, под городскими кварталами, никому не мешают, пневмотранспорт совершенно не загрязняет окружающую среду, на нем возможна почти полная автоматизация всех процессов...

Уже сейчас опытные образцы разработанной в СКБ «Транспрогресс» системы для доставки сыпучих грузов работают в Грузии, в Тульской области, скоро отправятся в путь по трубам контейнеры с бытовыми отходами в Ленинграде. А здесь, на полигоне в Орехово-Зуеве, уже готова для Пензы трубопроводная система, которая осуществит быструю транспортировку деталей из цеха в цех. Библиотеки имени В. И. Ленина в Москве и имени Салтыкова-Щедрина в Ленинграде получат трубопроводные системы для транспортировки книг, поступили в СКБ заказы еще от многих предприятий, учреждений, организаций.

Несомненно, что поездам, несущимся по трубам, принадлежит большое будущее.

...ОВ... ТРУБЫ

РАДУГА НАД ГОРОДОМ

Великолукские фонтаны.

...Когда над Великими Луками опускаются вечерние сумерки, на площадях города разом вспыхивают разноцветные огни фонтанов. Небо темнеет, а водяные костры разгораются еще ярче, радуя взоры зачарованных зрителей. Вода словно шумит аплодисментами, выбрасывая щедро все новые краски: оранжевые, темно-красные, малиновые, пурпурные, изумрудные, лазурные... Кажется, остановись фонтан в воздухе на мгновение, перед людьми предстало бы хрустальное чудо из ярчайших красок... Откуда же это обилие цветных фонтанов, кто их сотворил в небольшом старинном городе?

...Есть в великолукском городском парке аллея Славы. Вдоль нее установлены портреты знатных людей. Среди них портрет Александра Константиновича Логинова, почетного гражданина, коммуниста, кавалера ордена Трудового Красного Знамени, более тридцати лет бывшего депутатом горсовета Великих Лук. Этот человек и есть создатель всех семи цветных и одного цветомузыкального фонтанов города. Сейчас Логинова уже нет в живых, но много других добрых дел оставил этот человек после себя, о них нельзя забыть.

Двадцатилетний Саша Логинов, выучившийся на электрика в Петрограде, сначала работал кочегаром, затем машинистом, электромонтером. В 1929 году коммуниста Логинова назначили заведующим электростанцией. Через три года впервые появился электрический свет на улицах города.

Когда началась война, Александр Константинович Логинов вступил в ополчение. Вернулся в город вместе с войсками нашей армии в январе 1943 года. Электростанция была полностью разрушена фашистами, да и весь город лежал в руинах. Александр Константинович, собрав десятка полтора подростков, организовал из них первую восстановительную группу. Ребята облазили все закоулки. На территории одного из бывших заводов нашли локомобиль. Солдаты помогли перевезти его на место. Собирали колючую проволоку, наматывали на палки и откручивали усики. Провода нужны позарез. Из разрушенных домов приносили ролики, выключатели, патроны... Первую электрическую линию провели к госпиталю. Командование объявило Логинову благодарность.

Очень трудно было в ту пору с помолом зерна. Подумал Логинов: а почему бы не заставить работать электричество? Опять помогли неизменные мальчишки. Раздобыли старые жернова и кое-какие части к ним. Возни много, но сколько радости было, когда благодаря смекалке и инженерным знаниям Александра Константиновича на территории электростанции появилась мельница. Работала она круглые сутки.

Люди еще жили в землянках, а в сарайчике, принадлежащем горэлектросети, рисовались... первые фонтаны города. Человек, увлеченный заветной идеей, думал о красоте, бросая смелый вызов лишениям послевоенных лет. Заветной мыслью было «окрасить» воду. Работал в основном по ночам. Вскоре по собственным чертежам Логинов изготовил шаговый переключатель и реле времени. Оборудовать фонтан помогали уже подросшие верные мальчишки. Сергей Стукалов и Василий Петров до сих пор работают в электросети. Все свободное время посвящали ребята осуществлению так увлекшей их идеи Логинова. Электролампочки прикрыли разноцветными стеклами от железнодорожных светофоров. 9 мая 1949 года фонтан был пущен. Вечером сотни горожан пришли полюбоваться на цветок, распустившийся на площади Ленина. Первый в республике цветок из воды и света!

По пальцам можно пересчитать города, в которых есть цветные фонтаны: Москва, Ташкент, Ереван, Сочи, Харьков, Волгоград, Пятигорск, Ялта... Но самый «фонтанный» город, своего рода фонтанная столица, безусловно, Великие Луки. Есть даже специальная экскурсия, называемая «Радуга над городом».

Секретарь горисполкома Федор Нефедович Кучкин рассказывал мне о Логинове:

— Особенностью этого незаурядного человека была добросовестность и редкое бескорыстие. Будучи большим специалистом по фонтанам, Александр Константинович никогда не брал платы за свои проекты.

Фонтаны — это его щедрый дар городу. Строили их в свободное время тоже энтузиасты. После себя Александр Константинович оставил не только фонтаны. Лет двадцать назад увидел он в Москве неоновое освещение, заинтересовался. Приобрел оборудование, организовал производство. И в городе вспыхнули неоновые рекламы. Любил свой город Логинов беззаветно. Примерно тогда же, лет 20 назад, он как депутат — а избирали его депутатом горсовета семнадцать раз — выступил в горисполкоме с предложением. «Давайте,— говорит,— сменим деревянные столбы электролиний на железобетонные». От слов сразу же приступил к делу. Соорудил каркас, придумал форму короба. Быстро наладил производство. До сих пор служат железобетонные столбы его конструкции.

А вот что говорит Мария Георгиевна, жена Логинова:

— Председатель эстонского рыболовецкого колхоза имени Кирова Оскар Петрович Кууль услышал о фонтанах в Великих Луках. Приехал, и сразу к нам. «Хочу,— говорит мужу,— чтобы и наши рыбаки любовались такой красотой». Уговаривать Александра Константиновича не пришлось. Засел он вскоре за чертежи и планировку, общий вид нарисовал, деталировку выполнил. Все это выслал в рыбколхоз.

Из Брестской области приезжали с подобной просьбой. Тоже не отказал. Полный комплект чертежей отправил Александр Константинович в Пинск. Сам сделал пульт управления освещением фонтана, реостат с электроприводом в железном корпусе, электронную схему управления. Осенью начал, весной закончил. Всю зиму работал.

Не раз спрашивали мужа — он был уже на пенсии,— почему отказывается от платы за свои проекты. Он отвечал с улыбкой, что лучшая плата для него — тысячи улыбок, тысячи радостных и счастливых лиц.

Марат ЦЕБОЕВ
Фото автора

УРАГАН

Семен ЦВИГУН

ДОКУМЕНТАЛЬНЫЙ РОМАН

Рисунки И. ПЧЕЛКО

В БИТВЕ ПОД МОСКВОЙ

В ясную, морозную ночь первый батальон полка особого назначения под командованием майора Млынского и комиссара капитана Алиева прибыл в тыл ударной армии генерала Ермолаева. Он расположился в землянках сибирской стрелковой дивизии, только что выведенной в первый эшелон.

Ермолаев, узнав о прибытии Млынского, обрадовался. Он надеялся, что перед выводом отряда в тылы противника сможет увидеться с дочерью — как знать, представится ли еще такая возможность, да и как распорядится их жизнью судьба? — война есть война. Вызвав начальника штаба, Ермолаев сказал ему:

— Николай Петрович, если не возражаете, я проведаю перед боем наши тылы, встречусь с Млынским и Алиевым, обговорю с ними детали их вывода в тыл армии противника, а заодно проведаю дочку с мужем. Посмотрю, кого она выбрала. В случае каких-либо осложнений на фронте немедленно поставьте меня в известность.

— И вы, Михаил Степанович, долго там не задерживайтесь: время ответственное, сами знаете,— попросил начштаба.

— Постараюсь.— Командарм вышел из КП, сел рядом с шофером в стоявший под соснами «газик».

— Ну, Вася, поехали в хозяйство Осипова.

Машина рванулась с места и, подскакивая на выбоинах, оставляя за собой хвост снежной пыли, понеслась по полевой дороге.

— Михаил Степанович! Я слыхал, что в хозяйстве Осипова сейчас находится отряд Млынского. Это верно? — спросил шофер.

— Откуда ты узнал?

— Земля слухом полнится, Михаил Степанович. Ежели будет к слову, подскажите Млынскому, чтоб он взял меня в отряд. Хочется побывать в настоящем боевом деле.

— А у нас не боевое? Мы с тобой тут прохлаждаемся?

Шофер смутился.

— Это все верно. Я, Михаил Степанович, понимаю, что на фронтах против врага действуют главные силы. Но я давно мечтаю о такой службе, как у Млынского. Хочется дело делать, а не баранку крутить. Вы же знаете, что фашисты уничтожили всю мою родню. Теперь, на счастье, Млынский к нам пожаловал. Если вы, Михаил Степанович, походатайствуете за меня, он вам не откажет.

Командарм помолчал с минуту, тихо сказал:

— Воевать в тылу противника очень опасно, Василь, и «дерзкие операции», о которых ты мечтаешь, не всегда кончаются успешно.

— Я смерти не боюсь, и оплакивать меня теперь некому.

— А я, Василь? Привык я к тебе и полюбил. Ты мне стал как родной сын, Василь, жалко мне тебя отпускать.

— А дочку родную с зятем отпустили? Михаил Степанович, людей у вас много — целая армия. Есть из кого выбрать шофера. К командарму любой пойдет. Поговорите с Млынским!

— Эх, молодость! Ну что тебе здесь не воюется? Опасностей мало? Вспомни, как ты стащил меня в окоп, когда немецкий снайпер ранил меня в ногу, и жизнь мне спас. А как раненого комдива Петрова из-под носа немцев вынес с поля боя в укрытие?..

— Михаил Степанович, я в отряде за Наташей присмотрю. А кончится война, останусь жив, до смерти родным отцом вас считать буду.

— Убедил, убедил,— сказал командарм, закуривая папиросу.— Постараюсь уговорить Млынского. Не везет же мне с шоферами — второй уходит к Млынскому!

— Спасибо, Михаил Степанович, вам за меня краснеть не придется. Ну, за разговором не заметили, как приехали.— Василь остановил скрипнувшую тормозами машину.

Командарм вылез из машины, потянулся, расправил плечи, глубоко, полной грудью втянул в себя свежий, морозный воздух, пошел к штабной землянке. Распахнул дверь и остановился, окутанный седым паром.

— Вот это встреча! — Млынский бросился к Ермолаеву.

— Доклад отставить! — сказал Ермолаев и крепко сжал Млынского в объятиях.— Иван Петрович! Ну, теперь вижу, что ты отошел, отдохнул и готов к предстоящей работе.

— Точно, Михаил Степанович, отоспался, отмылся, отъелся на казенных харчах и сразу лет на десять помолодел,— улыбаясь, ответил Млынский. Ермолаев пожал руку Алиеву.

— Ну, что, друзья, давайте обсудим подробно наши дела, прикинем, на каком участке фронта и когда будем выводить ваше подразделение в тыл врага.

Разложили карту, вооружились карандашами. Командарм надел очки.

— Ну что ж, ситуация более или менее ясная,— подвел командарм итог обсуждению.— А теперь мне бы проведать Наташу, Иван Петрович.

— И Семена Бондаренко,— добавил Алиев.

— Да, хочу посмотреть на нового родственничка,— улыбнулся Ермолаев.

— Отличный парень, Михаил Степанович, нашей закваски. Представлен к ордену Красной Звезды. Три танка подбил в тылу противника, дот взорвал, рискуя жизнью, вытащил из огня рядового Сметанникова, из плена бежал. В общем, настоящий человек, боевой командир, вполне достоин любви вашей дочери,— одобрительно сказал Млынский.

— А какой красавец! Наташа не зря его выбрала,— пошутил Алиев.

— Все это прекрасно, но только вот пленных еще в нашем роду не было,— озабоченно проговорил командарм. Млынский уловил в его голосе нотку тревоги.

— Михаил Степанович! Семен Бондаренко проверен самой жизнью. На фронт ушел добровольцем, за Родину сражался храбро, не щадя своей жизни. В плен попал тяжело раненный, без сознания. Как только окреп, бежал, разыскал наш отряд, участвовал в самых трудных операциях, командовал разведротой. Смелый, деловой и растущий командир. Кстати, владеет немецким, может быть нам очень полезен. Прошел проверку в особом отделе НКВД.— Млынский улыбнулся: — Ей-богу, лучшего зятя вам не найти, тем более что Наташа, кажется, мужем довольна.

— Я полностью подтверждаю все сказанное Иваном Петровичем. Два месяца тому назад мы единогласно приняли его в члены партии,— добавил серьезно Алиев.

— Да я его не бракую. Вы так расхвалили этого Бондаренко, что дальше некуда. Желательно, чтоб хотя бы половина из того, что вы мне рассказали, была записана в его личном деле. Жизнь у него только начинается, начальники, командиры будут разные. Важно, чтоб в его личном деле были объективные материалы проверки и характеристики, которые правильно объясняли бы его пленение, побег и дальнейшие действия. Ведь не секрет, что у нас еще кое-кто к бывшим пленным относится с подозрением, с опаской. А когда решается вопрос о выдвижении, всегда предпочитают того, кто «чистый», не был в плену, хотя порой этот «чистый» по своим деловым и политическим качествам сильно уступает.

— Да, к сожалению, это пока так, хотя, думаю, что будет иначе,— проговорил Млынский.

— За своего зятя, Михаил Степанович, не беспокойтесь. Млынский — опытный чекист, и когда особый отдел вел расследование по делу Семена Бондаренко, он лично его контролировал. В деле все прекрасно задокументировано. К материалам расследования приложены отзывы однополчан, подпольщиков, с которыми Семен встречался в плену, и наши характеристики.

— Спасибо, Гасан Алиевич, спасибо на добром слове.— Командарм взглянул на часы, заторопился.

— Мы с комиссаром проводим вас,— сказал Млынский, и все вместе вышли из землянки.

— Папка! — изумленно вскрикнула Наташа, увидев отца в дверях, и бросилась ему на шею. Командарм, обнимая дочь, смотрел на поднявшегося навстречу улыбающегося рослого, широкоплечего, белозубого красавца и, когда он подошел, протянул ему руку.

— Ну, будем знакомы. Вот ты какой!

Наташа засуетилась насчет чаю, зять и тесть уселись за стол. Разговор завязался легко и быстро. Молодые наперебой рассказывали о себе, спрашивали про мать, прикидывали, как будут все вместе жить после войны. Ермолаев достал из кармана серебряный портсигар, положил перед Семеном.

— Бери, зятек, это наш, фамильный.

— Спасибо, Михаил Степанович. Буду хранить, как дорогую реликвию, мы с Наташей передадим его своему сыну.

Ермолаев покосился на дочку. Наташа покраснела, сказала:

— Да нет, сыну, который у нас будет после войны.

— Если и раньше, дед и бабка только обрадуются. Вон сколько людей ежедневно пожирает война.— Семен с Наташей переглянулись. Командарм поднялся.— Ну, братцы, с вами хорошо, но мне пора.

— Папочка, родной мой, береги себя.— Наташа прижалась к его щеке.

— И вы зря в пекло не лезьте,— сказал отец и шепнул на ухо дочери: «Молодец, отличного парня выбрала».

Вечером Ермолаев вернулся в штаб армии.

Голубь и Горевой дожидались его с нетерпением. За чаем начальник штаба докладывал:

— Все части, задействованные нами для наступления, вышли на исходные рубежи. Сибирские дивизии, согласно утвержденному расписанию, заняли свои места в первом эшелоне, на направлении главного удара. Вторые эшелоны полностью доукомплектованы свежими войсками. В артиллерийские полки и дивизионы «катюш» завезены боеприпасы, согласно данным вами расчетам. Танковые бригады сконцентрированы в Яхинском лесу, на направлении главного удара. Стрелковые дивизии обеспечены патронами, гранатами и другими боеприпасами. В настоящее время ведется разведка позиций войск фон Хорна в обычном, повседневном варианте,— закончил Горевой.

Продолжение. См. «Огонек» №№ 21—37.

Выслушав доклад, командарм прошелся по комнате, спросил:

— А как настроение?

— Все горят желанием отомстить фашистам за их злодеяния. Вчера по армии принято в партию 150 отличившихся в боях красноармейцев и командиров, а сегодня мне доложили, что в парторганизацию и политотделы частей снова поступило 520 заявлений. Пишут: «хочу идти в бой коммунистом», «если погибну, прошу считать меня коммунистом».

— Это очень важно. Успех наступательной операции в конечном счете будут решать люди.— Ермолаев посмотрел на усталые лица товарищей.— Идите-ка спать. Уже поздно. Завтра нам предстоит трудный и очень ответственный день. Будет много работы. В 6.00 встретимся на КП.

Когда Горевой и Голубь вышли из штаба, командарм вызвал к себе адъютанта, сказал:

— Николай Павлович, аппараты прямой связи со штабом фронта и дивизиями переключите на мой кабинет, остальные на дежурного по штабу. Я немного посплю, разбудите в 5.00. В случае чего поднимайте немедленно.

На рассвете следующего дня Ермолаев получил доставленный самолетом из штаба фронта пакет, прошитый посередине и опечатанный пятью красными сургучными печатями. Командарм быстро вскрыл его, стал читать:

Особой важности
Только лично.
Командующему ударной армии
генерал-лейтенанту тов. Ермолаеву
Члену Военного совета
генерал-майору тов. Голубю.

Сообщаем, что, выполняя приказ Верховного Главнокомандующего, 5 декабря 1941 года войска Калининского фронта под командованием генерала армии Конева атаковали немецко-фашистские войска, начав этим контрнаступление на Московском стратегическом направлении. 29-я армия генерала Масленникова нанесла удары по войскам врага юго-западнее Калинина и, форсировав замерзшую Волгу, вклинилась в оборону противника. 31-я армия генерала Юшкевича успешно ведет бои с ближайшей целью прорвать фронт и перерезать железную дорогу Калинин — Москва. 6 декабря начнут наступление войска Западного фронта, на Елецком направлении — войска оперативной группы правого крыла Юго-Западного фронта. Вам надлежит решительными и смелыми действиями прорвать оборону армии генерала фон Хорна, расширить прорыв и ввести в него подвижные части согласно полученным ранее указаниям. Усиленный батальон особого назначения под командованием майора Млынского перебросить в тыл противника по утвержденному Центром плану. О ходе боевых операций в полосе наступления вашей армии докладывайте незамедлительно.
6 декабря 1941 г.

Жуков, Садовников, Хохлов.
15 часов 30 мин.

Ермолаев расчехлил оперативную карту, долго вглядывался в дислокацию нанесенных на ней частей, прикидывал в уме, взвешивал, правильно ли он построил вверенные ему части на линии фронта, задумался о Млынском. Его мысли прервал резкий звонок аппарата «ВЧ». Ермолаев поднял трубку. Услыхав голос генерала армии Жукова, доложил:

— Товарищ командующий фронтом! Вверенная мне ударная армия полностью готова к началу операции!

— Как настроение личного состава?

— Отличное. Все рвутся в бой.

— Хорошо, Михаил Степанович, о времени начала «свадьбы» вы знаете?

— Так точно. Приказ получен и доведен до сведения всех командиров дивизий и частей.

— Почаще докладывайте оперативную обстановку. Желаю удачи.— Жуков положил трубку.

— К черту,— про себя проговорил командарм и переключил «ВЧ» на адъютанта.

Через пятнадцать минут он ехал на КП.

— Ну, друзья,— торжественно произнес Ермолаев, когда на КП прибыли Голубь и Горевой,— сегодня утром, 6 декабря 1941 года, началось историческое контрнаступление войск Западного фронта. В контрнаступление включилась оперативная группа войск Юго-Западного фронта с целью разгрома Елецкой группировки. Скоро начнем и мы.

Медленно тянулось время. Командарм, генералы Горевой и Голубь посматривали на часы. Но вот стрелки сошлись, показывая установленное время. И сразу по позициям ударной армии генерала фон Хорна открыла огонь артиллерия. Разрезая морозное небо огненными стрелами, оставляя за собой, словно кометы, длинные серые хвосты газов от горящей взрывчатки, на укрепления врага летели ракеты, выпущенные из «катюш», оглашая воздух ревом мощных моторов, над немецкими войсками зависли эскадрильи бомбардировщиков. Прикрывая их, проносились быстроходные истребители. Над позициями и укреплениями армии фон Хорна заплясали огненные смерчи, раздались взрывы огромной силы.

Когда артиллерия и «катюши» перенесли огонь в глубь обороны врага, вперед двинулись танки и броневики. За ними с криками «Ура!» бежали пехотинцы, переодетые в общевойсковую форму моряки Черноморского и Тихоокеанского флотов. Командарм Ермолаев, прильнув к стереотрубе, внимательно наблюдал за полем боя, время от времени отдавал короткие приказы, которые немедленно связистами передавались на командные пункты войск. Генералы Горевой и Голубь поддерживали связь с командирами наступающих дивизий, частей и соседними армиями, действовавшими на флангах армии Ермолаева. Немцы, застигнутые врасплох, пришли в себя, оказали яростное сопротивление. Но, понеся огромные потери в первом и втором эшелоне, стали пятиться назад. Заметив это, генерал-лейтенант Ермолаев дал указание усилить огонь. Густо устилая заснеженное поле убитыми и ранеными, немецкие части на направлении главного удара армии Ермолаева дрогнули и, бросая тяжелое вооружение, обнажая свои фланги, стали постепенно отходить. Не давая им опомниться, взламывая оборону врага, на них наступали наши дивизии.

Ценой огромных, хорошо скоординированных усилий войск армии генерала Ермолаева фронт был прорван.

Генерал-полковник фон Хорн предпринимал отчаянные попытки восстановить прежнее положение — закрыть прорыв. Он с лихорадочной быстротой снимал с других, менее активных участков фронта части, перебрасывал к месту прорыва, бросал их в яростные контратаки, но они, не добившись поставленной перед ними цели, сгорали в наступательном порыве советских войск, которые медленно, но твердо расширяли прорыв по фронту и в глубину.

По приказу командующего фронтом генерала армии Жукова Ермолаев ввел в прорыв подвижные части, лыжные подразделения и батальон Млынского. Целую неделю шли тяжелые упорные бои. На участке 5-й армии в прорыв был введен 2-й гвардейский кавалерийский корпус генерала Доватора.

После двухнедельных наступательных боев на командный пункт армии Ермолаева неожиданно прибыл начальник штаба Западного фронта генерал-полковник Соколовский. Ознакомившись с оперативной обстановкой в полосе наступления армии, он высказал удовлетворение боевыми действиями армии, дал указание по «ВЧ» заместителю начальника тыла фронта генерал-лейтенанту Спиридонову усилить подвоз в армию Ермолаева боеприпасов, горючего и продовольствия. Перед отъездом командарм, угощая его чаем, спросил:

— Василий Данилович, может, вы нас просветите, как идут дела на других участках нашего фронта, а то мы с товарищами слабо осведомлены об этом.

Соколовский отпил глоток чая, улыбнулся, заговорил:

— На других участках фронта также успешно наступают наши армии. Так, 30-я армия генерала Лелюшенко, в которой немало сибиряков, после упорных боев выбила немцев из Рогачева и устремилась на Клин. 1-я ударная армия генерала Кузнецова, в составе которой доблестно сражаются военные моряки, освободила Яхрому и ворвалась на южные окраины Клина. 15 декабря Клин снова стал нашим. Одновременно развернулись бои в районе Красной Поляны, Крюково. В этом районе ведет успешное наступление ударная группа 16-й армии. Против 2-й танковой группы Гудериана ведут активные боевые действия 50-я армия и кавалерийский корпус генерала Белова. В районе Михайлова героически сражается 10-я армия. На левом крыле Западного фронта успешно продвигаются вперед, изгоняя фашистов с родной земли, войска Брянского фронта. Командующий группой армий «Центр» генерал-фельдмаршал фон Бок и его штаб делают отчаянные попытки задержать наше наступление, залатать образовавшиеся бреши в своей обороне. Но армии группы «Центр», неся огромные потери и не имея достаточных резервов, боясь окружения, бросая тяжелое вооружение, вынуждены отступать.

Наша с вами задача: не давать им ни минуты покоя, никакой передышки. Гнать их все дальше и дальше на запад, истребляя фашистов, как бешеных зверей. Кто бросает оружие и сдается в плен или раненый попадает к нам, тех не трогать. Обращаться с ними в соответствии с международной конвенцией. Нужно иметь в виду, что и среди них много обманутых фашистами, одурманенных их идеологией людей.— Соколовский, взглянув на часы, быстро поднялся из-за стола, сказал:

— Мне пора. Нужно побывать еще у ваших соседей. Они тоже успешно наступают.

Ермолаев, обращаясь к Соколовскому, сказал:

— Большое спасибо вам, Василий Данилович, за хорошие вести. Это нас еще больше вдохновит для достижения поставленных перед армией целей. Очень отрадно, что наши армии наступают. Это для нас и всего советского народа — настоящий, большой праздник,— закончил командарм.

— И самое главное, что контрнаступление войск Западного фронта на всех участках успешно развивается,— отозвался Соколовский, тепло распрощался с членом Военного совета армии Голубем, генералом Горевым, вышел с Ермолаевым из КП, сел в машину и в сопровождении охраны отбыл на полевой военный аэродром.

Продолжение следует.

ВАЛЕРИЙ БРЮСОВ И БРЮСОВЦЫ

А. СМИРНОВА-КОЗЛОВА

О творчестве поэта, ученого и философа Валерия Яковлевича Брюсова и его кипучей деятельности писали литературоведы, критики, историки и его биографы. Мне же хочется сказать несколько слов о нем как о добром, чутком и на редкость деликатном человеке.

Он был ректором ВЛХИ — Высшего Литературно-Художественного института, созданного его неутомимой энергией в 1921 году. После смерти своего создателя институт носил его имя. Этот вуз готовил художников и «инструкторов слова». Он находился на улице Воровского, 52, где сейчас размещается правление Союза советских писателей.

Август 1923 года. Абитуриенты ВЛХИ волнуются — идет последний, решающий экзамен — художественный коллоквиум. Особенно волнуемся мы, 17—18-летние, пришедшие на экзамены прямо со школьной скамьи. Вдруг по молодости и из-за отсутствия рабочего стажа не примут?.. А в литературе еще о себе не заявили.

Взбудораженные, сбились мы стайками в просторном вестибюле. Вдруг заметили человека, которого до сих пор на экзаменах не видели. Удивительно спокойный, он стоял в сторонке и на нас, молодежь, посматривал очень дружелюбно, чему-то улыбаясь.

— Да он не из поступающих, поэтому так и спокоен,— догадался семнадцатилетний комсомолец Коля Богданов, впоследствии писатель, автор повестей «Первая девушка», «На укомовских столах» и других.

Иван Андреевич Козлов, как звали человека, поразившего нас своим спокойствием, позже рассказывал:

— Заявление-то я подал, а сам сомневаюсь: «Не для меня этот институт. Засыплюсь на экзаменах,— образования-то никакого. Стою, волнуюсь, а когда вызвали к ректору, струхнул порядком. Думал — отказ. Но Брюсов встретил меня приветливо. Перед ним лежали мои документы. Краем глаза замечаю: в анкете подчеркнуто — «чл. РКП(б) с 1905 г.» и «занимаюсь литературным трудом».

— Знакомлюсь я с вашим делом, товарищ Козлов, и вижу — для нашего института вы очень подходите,— говорит мне Валерий Яковлевич,— выходец из батрацкой семьи, рабочий, бывший политкаторжанин, но... извините, пожалуйста, как у вас с образованием?..

— Окончил трехклассную церковноприходскую школу.

— Больше нигде не учились?

— Не пришлось.

— Может быть, самообразованием занимались?..

— Немножко. На каторге и в тюрьмах,— промямлил я, готовый услышать отказ. Но Валерий Яковлевич оживился. Начал расспрашивать, где, с кем и чем занимался, что читал. Меня тогда поразила его деликатность. Ведь я сразу понял, что это был очень строгий экзамен, тонко облаченный им в форму дружеской беседы. Она длилась более трех часов. Наконец, Валерий Яковлевич задал последний вопрос:

— А почему вы выбрали наш институт?

— Видите ли, Валерий Яковлевич, я немного пишу и хотел бы полностью отдаться литературной работе, а знаний и умения у меня нет. Хотелось бы поучиться.

За время беседы волнение Козлова улеглось, и он спокойно рассказал, что в 1920 году шла его пьеса «Подполье», в 1922 году — «Стена», а теперь он работает над повестью о событиях 1905 года, которую начинал еще на каторге. Тогда-то Михаил Васильевич Фрунзе, сидевший с ним в одной камере, и посоветовал заняться самообразованием. Вспомнил Козлов и о том, как Алексей Максимович

ТЕАТР —

«Несмотря на достижения кино и телевидения, поклонники театрального искусства не перевелись и сегодня. Я тоже стараюсь не пропускать ни одного интересного спектакля и часто бываю в столичных театрах. Но как и в 1926 году, когда вышел в свет рассказ М. Зощенко «Прелести культуры» о театралах, часто встречаешь зрителя, задумчиво разгуливающего в фойе в «отвлеченном виде». Больше того, сегодняшняя культура шагнула так далеко, что нынешние театралы уже не смущаются и смело идут на премьеры в подтяжках, мятых рубашках неумирающего фасона «апаш», без пиджаков и галстуков, не мучаясь сомнениями, что могут шокировать дам. Правда, и некоторые, особенно современные, дамы нынче стараются не отстать от всеобщего прогресса, небрежностью туалета подчеркивая независимость своих взглядов. Герою, описанному Михаилом Михайловичем, по настоянию общественности все же пришлось уплатить «трешку по суду» за непристойный вид, а что же ны[illegible]?..» — написал нам москвич Ю. Алексеев. И, надо сказать, что он не единственный, кто пишет нам в редакцию по вопросам культуры одежды, особенно с тех пор, как в «Огоньке» появилась рубрика «Страничка для женщин». Не секрет, что и в одежде человек вольно или невольно выявляет свой внутренний, духовный мир, свою индивидуальность, свое отношение к окружающим людям, к обществу.

Редакция направила своего корреспондента В. МОРОЗОВУ в Московский Художественный академический театр. Сегодня мы публикуем одну из точек зрения на этот вопрос.

А. КОЛЬЦОВА,
контролер МХАТа

Наш Художественный театр — старейший в Москве. Историю его создания, жизни охотно расскажут желающим в музее.

Моя задача скромнее. Я постараюсь ответить на письмо читателя Ю. Алексеева. Я думаю, оно очень интересно.

Итак, представьте себе. Весело, нарядно сияют огни нового здания нашего МХАТа на Тверском бульваре. Сквозь оживленную толпу театралов деловито пробирается человек с... раскладушкой. Может быть, он заблудился и принял театр за камеру хранения Белорусского вокзала? Нет, в руках у него, кроме раскладушки, билетик, и он уверенно направляется к входу. Отрываю контроль, пропускаю. Что поделаешь, нынче народ такой пошел! Спешат все, из магазина прямо к нам. Бывает, по зиме идут с лыжами, летом один с велосипедом пришел. А уж с покупками всякими круглый год идут. Чего только не принимаем на вешалку! За два-три часа, пока идет спектакль, мясо оттает и по-

Горький в марте 1917 года советовал ему настойчиво учиться и писать...

Брюсов встал и задушевно сказал:

— Поздравляю, Иван Андреевич, мы принимаем вас без экзаменов. У вас были неплохие учителя.

«Меня всегда поражала какая-то очень волнующая забота Брюсова о студентах,— вспоминал потом И. А. Козлов.— Несмотря на огромную занятость, он никогда не отказывался помочь, когда нужно было что-то выхлопотать для своих питомцев».

О студентах Валерий Яковлевич действительно очень заботился. Тревожиться ему было отчего. Вот, например, такое заявление в стипендиальную комиссию:

«Ввиду того, что я начиная с августа систематически голодал, вследствие чего около двух месяцев болел (периодически), на службе нигде не состою. Литературный заработок почти ничтожный,— за два месяца написал одно стихотворение. Прошу зачислить меня на стипендию, ибо иначе я не только не смогу учиться, а просто околею с голоду...

Михаил Голодный».

Голодный поступил в институт в 1923 году вместе с Михаилом Светловым и Александром Ясным. Эта неразлучная тройка всегда и всюду была вместе, и даже на комсомольских собраниях их выбирали в президиум только полной тройкой.

Ясный был прежде всего журналистом. В годы Великой Отечественной войны он редактировал дивизионную газету и погиб на фронте. Песни Михаила Голодного знают и любят разные поколения советских людей. особенно о Щорсе и партизане Железняке. Творчество поэта и драматурга Михаила Светлова овеяно революционной романтикой, его «Каховка» и «Гренада» вошли в классику советской поэзии.

Валерий Яковлевич Брюсов, пристально следивший за появлением новых авторов, особенно выходцев из сельской и городской бедноты, сразу заметил эту комсомольскую тройку. Часто беседовал с ними об их литературной работе, быте, учебе.

Хотя стипендия и была основным источником студенческого существования, но жить только на нее было невозможно. Заботливый «Пролетстуд» изредка добывал нам ржаную муку, но чаще пшено. Уж тогда-то в наших общежитиях наступало пшенное раздолье, воспетое бывшим брюсовцем Александром Безыменским в его поэме «Комсомолия». Изредка с каких-то военных складов нам присылали обмундирование. Однажды в партии этого добра попали пара валенок, два отреза на платья и черное драповое пальто.

Будучи в комсомольском активе, я участвовала в распределении вещей, когда дело касалось комсомольцев. Кому дать валенки и шерстяные отрезы, мы быстро решили, но кому дать пальто?.. Раздетых комсомольцев много, а пальто одно.

Пока судили да рядили, сидя на втором этаже в комсомольской комнате, оборудованной нами в домашней церкви графского особняка, к нам неожиданно зашел Брюсов. Мы вскочили со своих мест и на его приветствие отвечали вразнобой:

— Здравствуйте, Валерий Яковлевич! Привет, товарищ Брюсов!..

— Садитесь, товарищи, прошу вас! — сказал ректор, чтобы рассеять наше смущение.— Извините, я помешал вашим занятиям. Скажите, пожалуйста, кому вы рекомендуете дать пальто?..

— Сами не знаем. Сидим, ломаем головы над этим.

— Дайте его, пожалуйста, товарищу Машашвили. Он южанин, а одет очень легко. Комсомолец с подпольным стажем и талантлив.

Обрадовавшись, мы дружно проголосовали «за». Через два дня после своей лекции Брюсов подошел ко мне и спросил:

— Товарищ Смирнова, получил Машашвили пальто?

— Второй день щеголяет в нем.

Не обманулся Валерий Яковлевич в Машашвили. Поэта, драматурга Алио Мирцхулава (Алексея Андреевича Машашвили), одного из основоположников грузинской советской поэзии, в республике знают все. В комсомол вступил еще в подполье. Стихи начал писать очень рано. Его первый сборник вышел в 1921 году. Стихи Мирцхулавы включены в школьные программы грузинских школ, ему присуждена Государственная премия, он удостоен ордена Ленина, двух орденов Трудового Красного Знамени, ордена Октябрьской Революции, Красной Звезды и «Знак Почета».

В наш институт Машашвили поступил в конце января 1924 года. По предложению В. Я. Брюсова его приняли без экзаменов. А осенью 1924 года Алио перевелся от нас в ГИЖ — институт журналистики.

Если полистать личные дела других бывших студентов-брюсовцев, обнаружатся от времени пожелтевшие клочки бумаги, на которых изложены просьбы помочь обмундированием, талонами на трамвай, на столовую и т. д. Все были раздеты, разуты. Артем Веселый, например, просил дать ему белье, ботинки и «штаны с пиньжаком».

Талантливый писатель Артем Веселый — Николай Иванович Кочкуров, член партии с марта 1917 года, бывший моряк, активный участник Февральской и Великой Октябрьской революций и гражданской войны, бывший чекист, держал экзамен вместе с нами. На экзаменах не справился с математикой, и по русскому языку были огрехи. Когда спросили Брюсова, как быть, тот ответил:

— Ничего. Артем Веселый и без математики будет писать хорошо.

Веселому тогда было 24 года, а нам казался он пожилым. Он родился в семье саратовского грузчика. С 11 лет сам стал зарабатывать на хлеб. Жизнь нещадно мотала его по своим ухабам. Впечатлительного и наблюдательного юношу потянуло к литературному творчеству,— он пишет рассказы, очерки и пробует силы в жанре повести. Начал печататься в 1918 году. Учиться Артему было очень трудно не столько из-за недостаточной подготовки, сколько из-за болезни и перегруженности партийной и общественной работой. Даже подал заявление: «Ввиду чрезмерной перегрузки общественной работой, совершенно не имею возможности учиться. Прошу исключить меня из числа студентов».

К заявлению приложил от врача справку о затемнении у него верхушек легких и непорядке с сердцем.

Встревоженный Валерий Яковлевич вызвал Веселого к себе, уговорил не уходить из института, взять отпуск. А Козлова, которого назначили освобожденным парторгом, попросил:

— Пожалуйста, достаньте путевку Веселому, его надо серьезно лечить.

Артем взял отпуск на несколько месяцев и, не дожидаясь путевки, укатил собирать материалы об Одиннадцатой армии и революционном движении на Кубани, в Черноморье, Ставропольской и Тверской областях.

А сколько потратил Брюсов душевных сил и времени с Иваном Приблудным! Иван Приблудный — Яков Петрович Овчаренко родился в 1905 году. Рано осиротев, беспризорничал. Попал в дивизию Котовского пятнадцатилетним парнишкой, был «сыном полка». Участвовал в боях. Затем приехал в Москву поступать в брюсовский институт, а подготовка — пять классов сельской школы.

Валерий Яковлевич долго беседовал с Приблудным и, наконец, сказал:

— Мы можем принять вас условно, но вам надо очень много работать. Учиться без отдыха. Тогда ваш талант раскроется в полную силу.

Пообещав следовать этому совету, Иван тут же забыл о нем. Вместо серьезных занятий его тянуло на какие-нибудь иной раз озорные выходки.

Ему ничего не стоило в одних трусах и майке зимой выйти на улицу Воровского и лазить по деревьям, пугая богомолок, спешащих в церковь Бориса и Глеба. А однажды перепугал не только богомолок.

В институте внизу, с левой стороны мраморной лестницы, ведущей в вестибюль, в те годы стоял рыцарь с мечом в руке, закованный в воинские доспехи. Не долго думая, Иван вытряхнул рыцаря из его доспехов, облачился в них и встал на место рыцаря. Входящим в парадное он салютовал мечом, а иным преграждал путь. Эта «шутка» не осталась безнаказанной. На собраниях в общежитии и в учебной части его поведение обсуждали не раз. Выносили выговоры, грозили исключением из института и из общежития. Но... все напрасно.

Веря в талант Приблудного, Валерий Яковлевич много раз беседовал с ним, тот снова давал обещания и опять срывался. Но студенты любили Ивана за его незлобивость и за талантливые стихи. Когда в лекциях было «окно» и если Иван был в аудитории, все хором просили «Ваньку Приблудного» читать стихи. Они были звучные, напевные. В то время он был под большим влиянием Сергея Есенина. Иной раз, придя в столовую и выклянчив тарелку супу, в ожидании, пока его принесут, успевал написать целое стихотворение, а через несколько дней оно появлялось в печати.

Два сборника — «С добрым утром» и «Тополь на камне» — вобрали его стихи, написанные в 1923—1929 годах. Стихи Приблудного всегда были глубоко и искренне патриотичны.

...О доброте, отзывчивости и деликатности Брюсова, о его тревогах за судьбы молодых талантов можно было бы говорить много. Студенты его не только уважали, но и любили всей душой, поэтому очень тяжело переживали его смерть.

Все брюсовцы хранят в своей памяти образ человека в черном костюме, белоснежной манишке, ровным, негромким голосом с кафедры института читающего лекции по античной литературе. Запомнились его удивительная, застенчивая улыбка, покоряющая собеседника, и взгляд, полный затаенной грусти.

ЭТО ПРАЗДНИК

течет на пол. Случается, и молоко прольется из пакетов. Но самая беда — модные чемоданы: неустойчивые, падают, бутылки, которые в них припасены, бьются.

Гардеробщиками сейчас у нас все больше женщины, да пожилые... Сама я в театре с 1932 года. До войны только мужчины работали на вешалке, да в те времена и публика была другая — к спектаклю люди готовились заранее. Кавалер придет с дамой, сам в калошах, дама в ботиках — иногда попросят гардеробщика помочь даме пальто надеть или ботики застегнуть, вот и вся работа, а свертков тяжелых или рюкзаков — так этого вовсе не было!

Оставалась я в театре и во время войны. Пока труппа была в эвакуации, сохраняли костюмы, декорации, шили для фронта, сами разгружали дрова, уголь, ездили на картошку. Тяжело было, но, когда актеры вернулись, театр вновь ожил. Публика — все больше военные, кто проездом, кто в отпуск. Но все старались приходить в полном порядке, а мы у себя держали щетки, гуталин, даже иголки с нитками. После войны публика снова понаряднее пошла: у каждой женщины заветное «выходное» платье, туфельки. Их хранили, зря не надевали, и все было свежее, чистое. Женщины сами изобретали себе украшения. Как-то зимой одна молодая дама подходит ко мне в гардеробе и шепчет, что раздеться ей надо незаметно. Оказалось, она прикрыла цветок на платье стаканом, чтобы не помять лепестки под пальто. Вот как раньше относились к театру! А сейчас, смотришь, идут в джинсах, мятых свитерах, лохматые, непричесанные, хотя порой и в драгоценностях.

А как красиво и просто одевались актеры!

Я-то ведь еще при К. С. Станиславском и Вл. И. Немировиче-Данченко служила. Всех артистов помню. Москвина, Лилину, Книппер-Чехову, Еланскую, Тарасову...

Работала я и гардеробщицей, и курьером, и контролером. Роли разносила, вызывала на репетиции, передавала цветы от почитателей таланта. Бывало, хочу помочь одеться Михаилу Николаевичу Кедрову, а он смущается: говорит, не надо, мол, Нюрочка,— меня так все звали... А мне в радость было уважить хорошего артиста!.. А дисциплина какая была в театре! Артисты приходили на спектакль за полтора часа! На сцену никого не вызывали, как сейчас по радио по нескольку раз: все ждали своего выхода. Не дай бог лишний раз скрипнуть дверью. Актеры стояли, чтобы не помять костюм... А сейчас и в буфет пойдут, и едят, и курят, не переодеваясь... Жилось многим артистам трудно, но из театра Константин Сергеевич почти никого никуда не отпускал. Помню, когда Николая Петровича Баталова пригласили сниматься в фильме «Путевка в жизнь», чуть ли не из правительства звонили К. С. Станиславскому — уговаривали... Сейчас, конечно, время другое. Артистов и на радио и на телевидение приглашают. Вот и влетает он в свой театр в последнюю минуту. Где уж заметить кого, шляпу снять, поздороваться. Да и одеваться стали тоже как нынешние зрители. Даже народные в джинсах.

Но больше всего со зрителем воюем: так и норовят в зал пойти в шапке и с портфелем. Уговариваешь каждого: «Ну отдохните хоть от своих вещей, оставьте их в гардеробе». Один согласится, а другой еще обидится! Мол, не учите меня! Одна молодая женщина заявила, что ее шапка дорого стоит! Не доверяет гардеробщице. А потом уронила шапку в зале. Хорошо, соседи нашли и передали. Грех один! Сами себе праздник портят. Жалко мне таких. Правда, сейчас на все это мало внимания обращают. Одно время во Дворец съездов женщин в брюках не пускали, а сейчас так и положено. Перестали женщины и туфельки в театр носить, а ведь нарядное платье не смотрится с сапогами. Но никого это уже не удивляет: вроде никто и не понимает, что некрасиво одет. Не знаю уж, право, почему так. То ли уставать больше стали люди? То ли мы не понимаем нынешней «моды», устарели? Да, правду сказать, почти пятьдесят лет я в театре работаю, Екатерина Михайловна Илюхина почти сорок... Но ведь и молодые есть, согласные с нами, приходят нарядно одетые, радостные, славные такие. И думаешь: может быть, наш разговор не напрасен. Ведь для большинства зрителей театр все же остается праздником не только для души, но и просто праздником. Я слышала, что в Прибалтике категорически не пускают людей в полудомашнем виде в общественные места. Вот везде бы такой порядок завести.

АПОЛЛИНАРИЙ ВАСНЕЦОВ

Илья ГЛАЗУНОВ,
народный художник СССР, профессор

Мы тогда только внесем свою лепту в сокровищницу всемирного искусства, когда все силы свои устремим на развитие своего родного, русского, т. е. когда, с возможным для нас совершенством и полнотою, изобразим и выразим красоту, мощь и смысл наших родных образов, нашей русской природы и человека, нашей настоящей жизни, нашего прошлого, наши грезы, нашу веру и сумеем в своем истинно-национальном отразить вечное, непреходящее.

Виктор ВАСНЕЦОВ

В конце XIX — начале XX века Россия переживала взлет национального искусства, была обстановка, которую называют русским Ренессансом, подобно тому, как в Италии художники открыли для себя мир античной греко-римской цивилизации и, познав творения древних, сказали новое слово в мировой культуре,— то, что мы определяем как Возрождение.

У нас наши художники открыли для себя мир древней Руси, ее исторического бытия и великой духовной культуры. Красота древних икон преломилась в творчестве целой плеяды русских художников от Нестерова, Виктора Васнецова до Рериха. Творения древнерусского зодчества оплодотворили поиски целого поколения наших архитекторов. Всемирную славу стяжала русская живопись, литература, музыка, театр. Одним из самых сокровенных художников той поры, ярко отразивших в своем творчестве сам дух древней Руси с ее самобытной красотой, был Аполлинарий Васнецов.

Говорить об Аполлинарии Михайловиче Васнецове — это говорить о Москве, которой художник отдал столько проникновенной любви, сил и знаний.

История народа, его взлеты, победы и свершения запечатлены в «каменной летописи» — архитектуре наших древних городов. В этом смысле Москва представляет собой уникальное национальное явление культуры. «Ясно для нас и для всех истинно русских вечное значение Москвы,— писал Аксаков.— Она жива, и жива к ней любовь русского народа, и будет вечно живо и то и другое, бытие ее неразлучно с бытием Руси».

Когда я, родившийся и выросший в Ленинграде, привыкший к логике стройных ансамблей, к державной классике архитектурных форм Петербурга, оказался в Москве, она на первый взгляд не поразила меня своей ярко выраженной индивидуальностью. Конечно, за исключением Кремля, который до сего дня сохранил свою величавую древнюю красу. Постепенно, живя в Москве, я стал открывать для себя, как острова сохранившегося мира, Ново-Девичий монастырь, Крутицы, пленительные переулки Арбата (к сожалению, в настоящее время почти не сохранившиеся), церковь Николы в Хамовниках, Меншикову башню, Ново-Спасский монастырь, который Белинский назвал песней в камне по поводу освобождения Руси от татар ...

Увлекшись красотой старой Москвы, я невольно обратился к истории нашей древней столицы, к путеводителям, удивляясь тому, что столь многое безвозвратно потеряно. Сказалось нигилистическое отношение к культурному наследию, когда были разрушены многие бесценные памятники отечественной культуры под предлогом реконструкции города.

Начиная с 50-х годов я активно включился в дело охраны памятников. Проблема эта, не потерявшая свою остроту и сегодня, волнует многих. Ведь речь идет не просто о сохранении старинного здания или церковного, а об отношении к истории народа, к его героическому прошлому, без которого нет будущего, так же, как без культуры прошлого не может идти речь о культуре будущего.

Я всегда любил творчество Аполлинария Васнецова, но вглядеться в его произведения глубже, любовнее заставила меня именно Москва, борьба за ее древние памятники. Ни один учебник по русской истории не обходится без картин Аполлинария Васнецова, удивительно точно передающих облик древней Москвы в разные периоды ее исторического бытия. «Основание Москвы. Постройка в 1156», «Московский Кремль при Иване Калите», «Московский Кремль при Дмитрии Донском», «Кремль при Иване III», «Пушечно-литейный двор в XVII в.», «Рассвет Кремля. Всехсвятский мост и Кремль в конце XVII века», «Вид Красной площади во второй половине XVII века», «Семиверхая башня Белого города в XVI веке», «Спасские Водяные ворота Китай-города в XVII веке», «Книжные лавки на Спасском мосту в XVII веке», «Торг около Кремля», «У Водоразборного фонтана на Сухаревской площади в конце XIX века»...

Всего художником создано около двухсот произведений, посвященных Москве.

Картины А. Васнецова не являются плодом фантазии и вымысла. Художник тщательно изучает не только сохранившиеся памятники архитектуры, но и старинные книги, летописи, изображения на иконах. Вооружившись лупой, долгие часы проводит над планами, чертежами, внимательно вчитывается в свидетельства путешественников, посещавших Московию,— Олеария, Мейерберга, Герберштейна и других.

Он активно участвовал в археологических раскопках старой Москвы, которые пополняли запас его научных знаний, находя отражение в картинах. Художник стремится к подлинно научному воссозданию облика древнего города. Можно только поражаться точности его взгляда, проникающего в глубь веков. Так, например, раскопки 1946 года подтвердили научную интуицию Аполлинария Михайловича, который в своей работе «Москва-городок» показывает в стороне от главного поселения на Кремлевском холме еще небольшое село, возникшее в устье Яузы. Художник правильно указал его место не на вершине холма, а на его склоне.

Сын художника Всеволод Аполлинарьевич, ныне директор музея-квартиры Ап. Васнецова, рассказывает о том, что его отец, будучи уже в преклонном возрасте, поднялся на воздушном шаре для того, чтобы увидеть своими глазами топографический план Москвы с птичьего полета. Рассказывая об отце, Всеволод Аполлинарьевич обращает внимание на двухцветные рисунки, чертежи, которые служили для художника подготовкой к историческим картинам. Красными линиями на чертежах обозначены здания и сооружения, дошедшие до времени, когда их видел Аполлинарий Михайлович, а черными линиями — несуществующие.

С 1900 года А. М. Васнецов становится активным членом Комиссии по сохранению древних памятников при Московском археологическом обществе, которое блистало такими славными в русской науке именами, как В. О. Ключевский, И. Е. Забелин, Д. В. Айналов и Н. П. Кондаков, А. Н. Веселовский, Д. Н. Анучин. В 1906 году за активную и плодотворную работу в Комиссии избирается действительным членом Московского археологического общества.

С 1918 года А. М. Васнецов председательствует в Комиссии по изучению старой Москвы. За время участия в комиссиях Аполлинарий Михайлович прочел более 50 докладов.

Один из участников Комиссии по изучению старой Москвы вспоминает:

«Собирались мы в здании Исторического музея — то внизу, в маленькой уютной комнате, иногда в библиотеке, а главным образом наверху в зале.

Вокруг огромного стола рассаживались почетные члены и просто члены комиссии, дальше — посетители и случайные лица. Все это была подлинно старая Москва в лицах.

Вот Аполлинарий Михайлович Васнецов. Он обычно в светло-сером, отлично отутюженном костюме; сверкает ослепительно белый крахмальный воротничок; галстук, в темно-красных тонах, завязан большим узлом. Раскланиваясь на все стороны, он идет от двери и садится за стол. Рядом с ним усаживается председатель комиссии — П. Н. Миллер.

...Пробили часы... Аполлинарий Михайлович встает, легонько стучит карандашом о стакан и открывает заседание. Сначала М. И. Александровский читает протокол предыдущего заседания, потом идет очередной доклад, затем начинаются прения... Кажется, все, но вдруг Петр Николаевич Миллер таинственно подмигивает и говорит: «А Аполлинарий Михайлович нам подарок сделал — новую картину!..»

...Зал затихает...

Поправив очки, Аполлинарий Михайлович начинает рассказывать со свойственным ему задушевностью и уносит присутствующих в XVII век.

«Укрепление у Водовзводной башни Кремля,— говорит он,— связано, конечно, и с самой башней; оно не давало речной воде размывать ее основание... Это было полукруглое кирпичное строение, одним концом примыкавшее к белгородской стене, а другим — ко второй кремлевской...»

Аполлинарий Михайлович подробно рассказывает притихшим слушателям об источниках, откуда он черпал свое новое «графическое исследование», об истории каждого здания, изображенного на картине; о том, что многое ему подсказали раскопки, производившиеся в конце 1924 года на Сапожковской площади и в Александровском саду, когда были найдены знаменитые «циклопические кирпичи».

«...Эту картину я изобразил на рубеже XVI—XVII веков. Башня тогда была плоская. Вокруг нее — укрепления, уже начинающие обваливаться, что показывают рушащиеся зубцы. От них на другую сторону Неглинки перекинут мостик. Время я изобразил осеннее... Только что выпал снежок. Солнышко бросает свой последний взгляд на Кремль...»

Удивительная способность была у Аполлинария Михайловича уводить слушателей в седую старину!

Точно так же забылся XX век, этот зал и окружающие люди, когда Аполлинарий Михайлович демонстрировал свою картину «Красная площадь в XVII веке». Все мы сами вошли в его картину, слушали, как читает дьяк, глазели на проезжающего боярина...

Думалось, как же может человек так изучить и так изображать старину? Словно ведь с натуры списано. Показывали же старину многие художники, но в их картинах жили только люди, а здесь живет, дышит и рассказывает каждый камень стены, каждая маковка церкви, каждое бревно сруба».

Картины Ап. Васнецова о нашей древней столице — это не просто документально точное воссоздание облика старой архитектуры и не просто любование сказочной экзотикой древности, это вдохновенное проникновение в глубину веков, правдивые реальные сцены народной жизни.

А. Васнецов. МОСКОВСКИЙ КРЕМЛЬ ПРИ ИВАНЕ КАЛИТЕ. 1920-е годы.

Музей истории и реконструкции Москвы.

А. Васнецов. ГРОЗА ИДЕТ. 1912.

Астраханская картинная галерея.

От работы к работе А. М. Васнецова как будто заново переживаешь всю 800-летнюю историю Москвы. Священный для каждого из нас Боровицкий холм, с высоты которого открываются необъятные дали, вид на излучину Москвы-реки; основатель Москвы князь Юрий Долгорукий приехал с боярами посмотреть, как закладываются крепостные стены будущей столицы княжества Московского. Город растет, при Иване Калите обносится новыми дубовыми стенами с башнями, появляются первые каменные храмы; по реке плывут плоты, разгружаются баржи. К Боровицким воротам направляются подводы, груженные бревнами, белым камнем. Дмитрий Донской, великий князь Московский, в канун исторической битвы на поле Куликовом, обносит Кремль первыми в его истории каменными стенами. Затейливые деревянные постройки контрастируют с белокаменной церковью Спаса-на-бору. Растет значение Москвы как крупного торгового центра древней Руси.

Причудливые терема, переходы, крылечки, оконца с резными наличниками — город поражал иностранцев своей сказочной реальностью.

...Семиверхая башня Белого города! Ликование будней на Красной площади конца XVII века. Словно мы становимся жителями средневековой Москвы. Заснеженные улицы. На санях везут колокол, звон которого согласно сольется с малиновым звоном многих церквей, больших и малых.

Воскресенский мост с его обычной жизнью XVII века, ездоки, покупатели у лавчонок. Думаю, что он потрясал своей архитектурной мощью иностранцев более, чем мост Риальто в Венеции. А вот книжные лавки на Спасском мосту, москвичи-книголюбы радуются покупке новой книги, кто-то пьет горячий сбитень, а надо рвом у мощных пролетов моста, ведущего в ворота башни, стрелец застыл на часах.

Одна из лучших картин московской сюиты А. М. Васнецова — «На крестце в Китай-городе».

Крестцы (перекрестки) улиц были оживленными многолюдными местами в Китай-городе. Васнецов так описывает их: «На крестцах, перекрестках улиц, неожиданно раздавшийся вопль и причитания о покойнике говорили о том, что родственники узнали в выставленном напоказ божедомами покойнике, подобранном ими на улице, своего родственника... Слышался плач детей-подкидышей, вынесенных сюда в корзинах все теми же божедомами, собирающими добровольные приношения на их пропитание. Пройдет толпа скоморохов с сопелями, гудками и домбрами, раздастся оглушительный перезвон колоколов на деревянной на столбах колокольне. Склоняются головы и спины перед проносимой мимо чудотворной иконой. Разольется захватывающая, разгульная песня пропившихся до последней нитки бражников. Гремят цепи выведенных сюда для покаяния колодников; крик юродивого, песни калик перехожих. Смерть, любовь, рождение, стоны и смех, драма и комедия — все завязалось неразрывным непонятным узлом и живет вместе как проявление своеобразного уклада жизни средневекового города».

Приходится недоумевать, что до сих пор не издан альбом старой Москвы в работах А. М. Васнецова. Какое это может быть прекрасное и полезное в познавательном отношении издание, представляющее интерес решительно для всех!

Обращаясь к биографии А. М. Васнецова, невольно удивляешься тому, как богата талантами бескрайняя Россия.

Аполлинарий Михайлович Васнецов родился 6 августа 1856 года в далекой северной глуши, в селе Рябово, Вятской губернии, в многодетной семье сельского священника.

В голодные, холодные годы послереволюционной разрухи Аполлинарий Михайлович создает серию картин «Моя Родина». В нетопленой московской квартире работал он в валенках, с пледом поверх пальто. Воображение же переносило его в далекие дни безмятежного детства.

В летнем мареве парит в голубом небе лебедино-стройная колокольня сельского храма, красиво поставленного на зеленом холме, избы, приволье, тишина. Вспомнился художнику отчий дом, просторный, рубленый, с палисадником впереди, пламенеют закатом окна, в воздухе, в синих тенях оцепенение морозного вечера, снег скрипит под копытами лошадей, впряженных в крытый рогожей возок. Так приезжал из Вятки на каникулы Аполлинарий со своими младшими братьями. В 13 лет будущий художник остался круглым сиротой. Родителей заменяет брат Виктор (старше его на восемь лет), который учился уже в Петербурге в Академии художеств.

Окончив в 1872 году Вятское духовное училище, Аполлинарий по настоянию своего старшего брата переезжает в Петербург, где готовится к поступлению в Академию художеств. Виктор Михайлович познакомил брата с И. С. Крамским, И. Е. Репиным, М. М. Антокольским, В. В. Стасовым, В. М. Максимовым и другими. Словом, юный Васнецов сразу окунулся в самую гущу художественной жизни столицы.

«По приезде в Петербург,— вспоминает Васнецов,— я сразу же попал с братом в мастерскую Репина, когда он писал знаменитую свою картину «Бурлаки», в мастерской Антокольского, лепившего статую Петра Великого для Кронштадтского порта. Заряд был довольно сильный для того, чтобы ошеломить такого юнца, как я, приехавшего из глуши Вятской губернии».

Мечте Аполлинария о поступлении в Академию осуществиться не удалось. Не хватало диплома о среднем образовании. Но было самообразование, было огромное влияние абрамцевского кружка, с которым Аполлинарий имел тесные общения, когда с 1882 года ежегодно проводил летние месяцы на даче у В. М. Васнецова в селе Ахтырка, близ Абрамцева. На молодого художника большое влияние оказали Репин, Поленов, Суриков. Творческая атмосфера Абрамцева сформировала личность Васнецова как живописца и мастера пейзажа.

С 1883 года А. М. Васнецов начинает показывать свои работы на выставках Товарищества передвижных художественных выставок, и уже с первой выставки приобретает большую известность. Около десяти его произведений заняли почетное место в Третьяковской галерее. Совет Петербургской Академии художеств «За известность на художественном поприще» признал Аполлинария Михайловича Васнецова «своим академиком». А. М. Васнецов был участником выставок «Мира искусства» и «Союза русских художников», объединения, в котором он долгие годы председательствовал.

Известность принесли художнику его пейзажи.

«Сумерки», «Горное озеро. Урал», «Тайга на Урале», «Кама», «Сибирь», «Озеро в горной Башкирии. Урал», «Северный край. Сибирская река». Многие из этих полотен навеяны путешествием художника по Уралу, который напомнил родные места Вятской губернии.

Дикая первозданность природы, величественная в своем спокойствии и бескрайней протяженности, суровые таежные леса, не знающие поступи человека, вековые ели, корявые кедры, серебристые стволы пихт с длинными космами мха, свисающего до самой земли, топкие болота, непреодолимые чащи, кристальная чистота горных озер, в которых отражаются вечерние облака, плывущие над тайгой.

Эти грандиозные пейзажи-панорамы, охваченные зловещим закатным заревом или окутанные таинственным маревом клубящегося тумана,— своего рода пейзажи-былины, которые в искусствоведении принято называть эпическими пейзажами.

Они будят чувство восхищения пред богатырским ликом нашего Отечества, невольно вспоминаются строки лермонтовской «Родины»:

Но я люблю — за что, не знаю сам —
Ее степей холодное молчанье,
Ее лесов безбрежных колыханье,
Разливы рек ее, подобные морям.

Пейзажи А. Васнецова — это увиденный им лик Родины. В своих «Путевых очерках по Уралу» художник писал: «Природа России разгулялась здесь во всю ширь. Если леса, то они выросли здесь страшные, дремучие, и холмы поднялись до облаков, и реки потекли многоводные, до черноты глубокие, могучими извивами теряясь на горизонте, а дали раскинулись на многие десятки верст, далеко уходя в холодную синеву». Эти величественные образы А. Васнецова заставляют вспомнить былины, сказы, народные предания, историю, эпопею Ермака, они созвучны могучей стихии народного распева.

Пейзаж ценен не своей протокольной констатацией определенного куска природы, а своим настроением. Настроение в пейзаже есть скрытая мысль. Потому есть понятие лирического пейзажа — Саврасов, Васильев, Левитан, Нестеров, Остроухов, Жуковский, Виноградов, Горбатов, Колесников. А. Васнецов, Рерих, Богаевский, Рылов — создатели эпического пейзажа.

Пейзаж в русской живописи был пейзажем-картиной, тогда как уже в начале XX века пейзаж стал в творчестве некоторых художников поводом для формальных исканий, когда природа рассматривалась как натюрморт, где нет ни мысли, ни настроения, ни стремления выразить внутренний мир человека через богатый словарь природы.

К сожалению, в наши дни зачастую приходится видеть отход от пейзажа, понимаемого как картина. Его вытесняет этюд — случайно выхваченный кусок природы. Встречаются на наших выставках пейзажи, где есть избы, церкви, памятники архитектуры, проселки, но порою нет главного — чувства Родины, «исторического настроения», связи времен, нет причастности художника к истории и судьбе своей земли. Равнодушные этюды в той или иной манере. А вспомнить, к примеру, такую загадочно-поэтическую вещь А. Васнецова, как его знаменитое «Озеро»! Казалось бы, что здесь — тоже уголок природы: тихое озеро, глухая стена дремучего леса, могучие старые ели на первом плане, одинокая фигура женщины, собирающей цветы. Возможно, что работавший в эти же годы над декорациями к опере «Град Китеж» А. Васнецов в этой картине снова возвращается к известной легенде о невидимом граде Китеже, ушедшем от врагов под тихие воды озера Светлояр. Может быть, и не так, и в картине изображено не озеро Светлояр, но это и неважно. «Озеро» Васнецова пронизано ощущением таинственности, русской сказочности, поэтического очарования седой старины. После смерти Левитана Аполлинарий Михайлович в течение восемнадцати лет руководил пейзажным классом в Училище живописи, ваяния и зодчества. Его учениками были многие выдающиеся советские художники, как, например, П. Д. Корин, В. В. Мешков, С. В. Герасимов, Б. В. Иогансон, Б. Н. Яковлев, А. М. Герасимов и другие.

Один из учеников А. Васнецова, Филиппов, вспоминает: «Мастерская Аполлинария Михайловича была самой светлой, «веселой» комнатой в училище.

...Однажды, войдя в мастерскую, я увидел «кусок» настоящего пейзажа: на фоне серого неба на земле стояла деревянная избушка около двух метров в высоту. В мох было вставлено большое корыто, в котором сверкала вода. Вокруг этого «озера» колыхались на ветру камыши и живые цветы. По бокам стояли настоящие березки, на воде плавали желтеющие листья. Весь этот «пейзаж» составлял композиционное единое целое и передавал настроение грусти. Вот такого рода «натура» часто появлялась в нашей мастерской».

Отсюда, из своей мастерской, Аполлинарий Михайлович спускался в класс пейзажа. Он запомнился многим своей стройной высокой фигурой, быстрой, стремительной походкой. Внимательный взгляд серо-голубых глаз,—светлая бородка клинышком и усы; говорил он с вятским акцентом, с выговором на «о». Чуждый всякой «богеме», труженик, он и своим воспитанникам прививал любовь к систематическому труду. «Изучайте натуру. В жизненности, правдивости — сила живописи» — этот постулат лежал в основании деятельности А. Васнецова как педагога. О себе он говорил: «Мои картины не есть воспроизведение этюдов; при писании картин я ими никогда не пользуюсь. Большей частью пишу этюды «по поводу» намеченных к исполнению картин, но этюды всегда лежат в папках или приставлены к стене; иногда только «наведешь справку». В творчестве главное — «сила представления цельности образа», основанная на зрительной памяти и на степени впечатлительности. Можно великолепно помнить, писать прекрасные этюды с натуры, но быть лишенным способности к представлениям, которая главным образом зиждется на наших душевных силах: воображении, фантазии и способностях к обобщениям».

При огромной широте и всесторонности А. М. Васнецов был глубоко принципиальным человеком. Когда на одной из выставок Союза русских художников некий молодой художник экспонировал свои

формалистические этюды, Васнецов встал и сказал: «Мы создали Союз, мы неизменно боролись за самые лучшие традиции в искусстве. Мы умрем с ними. Но никому не позволим их подрывать!»

В 1918 году мастерская пейзажа, возглавляемая Васнецовым, была закрыта, как и само Училище живописи, ваяния и зодчества, переименованное во ВХУТЕМАС.

Биография Аполлинария Михайловича Васнецова, трудности, которые выпали ему в 20-е годы, отражают атмосферу разгула левых течений, их воинствующую нетерпимость к инакомыслящим, то есть ко всем представителям русской национальной культуры.

Пролеткультовцы все сделали для того, чтобы А. М. Васнецова лишить возможности работать. В марте 1920 года, когда он лежал больной, принесли «предписание»:

«Ввиду занятия бывшей Вашей мастерской на Мясницкой ул. 21 кв. 18 под общежитие-коммуну студентов ВХУТЕМАСа предлагаю Вам явиться ко мне 14 марта с. г. к 1 часу дня по указанному адресу. В случае неявки, будут составлены акт и опись имущества, каковое беру под свою ответственность. Явка по поводу передачи Вам ваших картин».

Тяжело больной художник явиться к коменданту ВХУТЕМАСа не смог. Картины и все его имущество было свалено на подводы и отправлено на квартиру, а мастерскую Аполлинария Михайловича занял Родченко, один из самых активных утвердителей «нового» искусства. «Но на этом не кончились злоключения,— пишет в своих воспоминаниях сын художника.— Нас «уплотнили», и в двух комнатах поселились жильцы. Один из них потребовал, чтобы картины были убраны из передней».

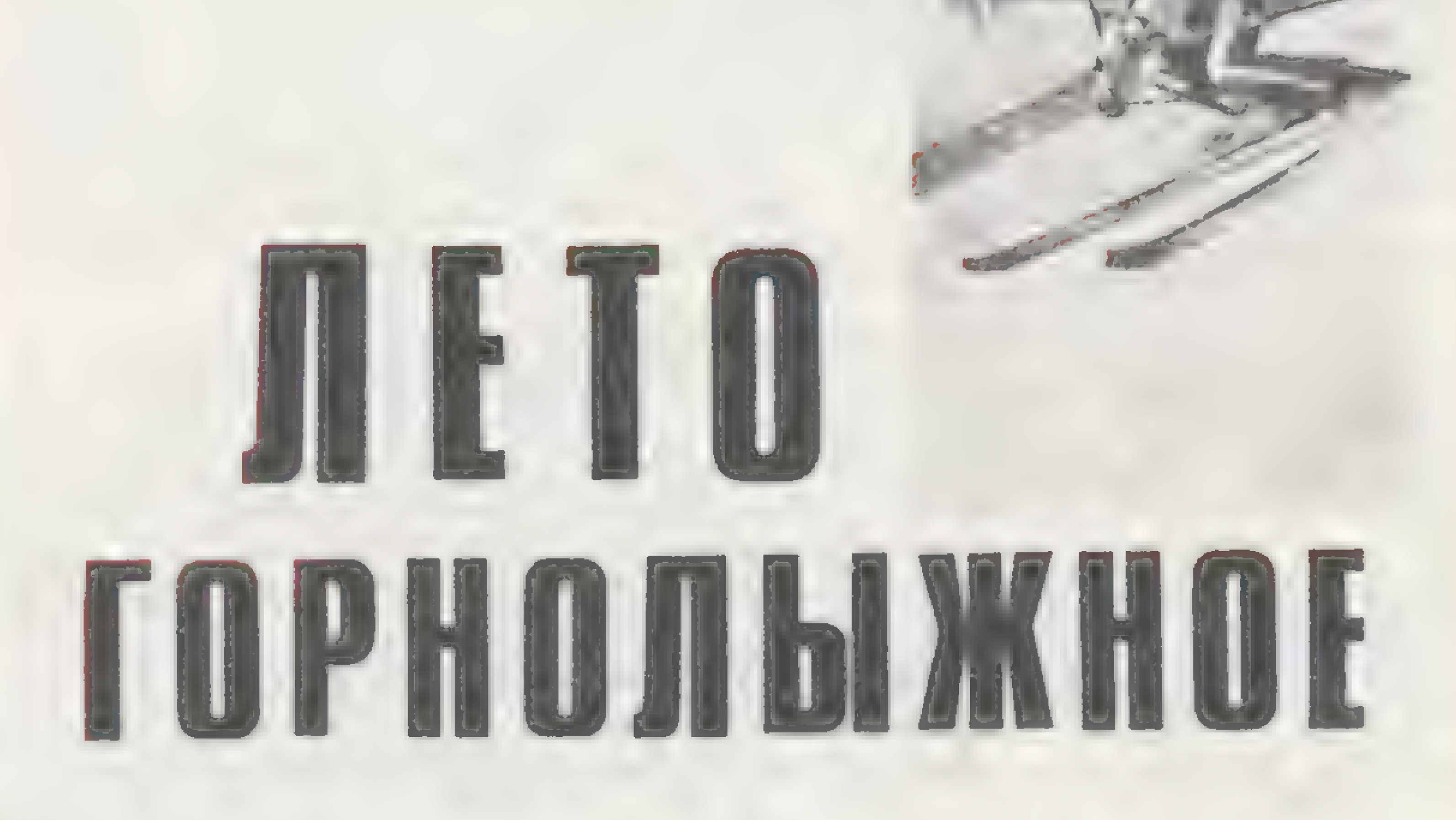
Однако художник не сдавался, он по-прежнему отстаивал кредо художника-реалиста, влюбленного в историю своего народа. С большой энергией вел работу в Комиссии по изучению старой Москвы, по-прежнему живо интересовался археологическими раскопками, которые широко велись в это время в столице, вел полемику с архитекторами, борясь против безликих проектов конструктивистов, уродующих Москву, говоря при этом, что «если рабочие взяли власть в свои руки, то они не должны жить в таких унылых казармах»... Он утверждал, что «Москва — один из красивейших городов Европы, а железобетону можно придать красивые архитектурные формы».

А. М. Васнецов продолжал упорно работать над пейзажами. В 1927 году открылась его выставка по случаю 50-летия творческой деятельности. Успех А. М. Васнецова продемонстрировал еще раз мощь реализма, глубокую жизненность тех традиций, которым он беззаветно служил, как и многие поколения русских художников.

Недалеко от Земляного вала в тихом Фурманном переулке, где художник прожил последние 30 лет жизни, до своей кончины в 1933 году,— ныне мемориальный музей-квартира. На стенах развешаны картины разных лет. Так волнующе видеть сына художника Всеволода Аполлинарьевича, слушать его пояснения, дышащие такой любовью к отцу. Он и его жена Екатерина Константиновна отдали много сил для увековечения памяти замечательного русского художника. Они обращают наше внимание на мебель — шкаф, стулья, выполненные по рисункам Аполлинария Михайловича, тонкого знатока старорусского быта. Одна из небольших комнат служила мастерской художника, где были созданы многие шедевры из цикла «Старая Москва».

Здесь же одна из последних работ — «Шум старого парка». Меня всегда потрясало глубокое чувство, которым пронизано это произведение. В тревожных сумерках под порывами ветра пригнулись вековые деревья парка. Сколько тревоги, неизъяснимой грусти в мерцании окон старого дома, в фигуре сидящего к нам спиной седого человека, в глубокой думе склонившего голову, в лебединой стройности беседки вдалеке, в темной ряби пруда с полуразрушенным лодочным причалом. Эта картина заставляет вспомнить образы Пушкина, Тургенева, Гончарова. Показывая нам ее, Всеволод Аполлинарьевич поясняет: «Нестеров говорил: это любимая, завещанная нам песнь Аполлинария Васнецова».

А. М. Васнецов. ШУМ СТАРОГО ПАРКА. 1926.



ЛЕТО ГОРНОЛЫЖНОЕ

Вадим ЛЕЙБОВСКИЙ

Эта контрольная тренировка горнолыжников сборной СССР состоялась на кавказском плато Лаго-Наки в самый разгар знойного лета... Здесь на одном из обрамляющих плато склонов, среди полыхающей зелени и цветов сохранился длинный белый язык. И не в овраге или расщелине, а прямо на пухлом склоне безымянной горы. Пришли однажды люди, поднялись, надели лыжи. Снег оказался твердым, упругим, накатистым. Так и пошло...

Со времен бронзовой олимпийской медали, завоеванной Евгенией Кабиной двадцать пять лет назад в Кортина Д'Ампеццо, с советскими горнолыжниками до недавних пор за рубежом не очень считались. Но вот в последние три-четыре года наши спортсмены неожиданно «пошли в гору». Точнее, с горы, все увереннней и быстрее, неизменно повышая в европейских и мировых классификационных табелях свои места. Наконец, минувшей зимой Валерий Цыганов на соревнованиях в Аспене (США) впервые в истории нашего спорта выиграл очередной этап Кубка Мира в скоростном спуске. Вслед за ним Александр Жиров победил сразу на четырех этапах специального слалома и слалома-гиганта, оставив после себя легендарного шведского горнолыжника Ингемара Стенмарка. По итогам сезона Владимир и Надежда Андреевы так же прочно утвердились в десятке сильнейших в специальном слаломе.

Вспоминаются времена десяти-, двенадцатилетней давности, когда на мировых горнолыжных склонах царствовала Франция. Увы, ничто не вечно под Монбланом, и вот уже руководители трехцветной команды все чаще захаживают в гостиничные номера советских спортсменов и тренеров: «Как вы тренируетесь? В чем причины столь разительных и быстрых успехов?»

А вот они, причины. Каждое утро в Лаго-Наки встают в шесть часов: нужно захватить снег жестким. У тренеров же подъем еще раньше: подготовка трассы. Изнурительная работа лопатами и скребками. За рубежом склоны уже давно готовят специальные машины, ну, а здесь благодарят судьбу за хороший снег, а также за нехитрый разборный подъемничек, за уютные «БАМовские» домики. Жить можно, работать можно. Два с половиной часа утром, столько же вечером, когда снег снова начинает схватываться. Еще тренировка днем, без лыж, при хороших усилиях и нагрузках.

Затем по планам команды предстоит тренировочный сбор в Киргизии, на леднике Ала-Арчи. Там гораздо выше и, стало быть, тяжелее. Методика подготовки создавалась нашими тренерами долго и трудно. Результаты ее очевидны. Но все течет, как вода из-под летнего снежника. Кто успокаивается, тот катится вниз. Все медленнее.

Только на подготовку тренировочных трасс у главного тренера сборной Леонида Тягачева и его коллег Андрея Белокрынкина, Сергея Грищенко, Валентина Широкова уходит до трех часов в день. Сейчас, когда победителей определяют сотые доли секунды, не может быть мелочей в подготовке к соревнованиям.

Итак, в Лаго-Наки собрались все сильнейшие. Без исключения.

Александр Жиров, третий призер Кубка Мира в общем зачете. Супруги Надежда и Владимир Андреевы. Они всегда вместе.

Как всегда, точен в прохождении виражей лидер наших специалистов скоростного спуска Валерий Цыганов. Ветеран команды, 25 лет ему, из которых восемь в сборной СССР. С горечью вспоминаю, как в Лейк-Плэсиде он упал в каких-то десяти метрах от олимпийской медали в слаломе-гиганте. Да и упал-то на ровном месте.

Этой зимой после неудачного олимпийского сезона вновь пробился в первую группу стартующих в скоростном спуске Владимир Макеев. Эластичен, как кошка, обладает лучшей в мире обтекаемой стойкой «лягушка» — таково мнение ведущих зарубежных специалистов. В отличие от Цыганова чрезмерно рискует. Потому у него бывало немало падений и травм.

Еще больше в минувшем сезоне падал на трассах скоростного спуска Сергей Чаадаев — шесть раз из восьми. Техничен, точно ведет лыжи, но часто неоправданно рискует. А вечная хохотушка Людмила Реус и по трассе идет, словно играя.

Саша Кострома и Леня Мельников совсем еще мальчишки, первому из них пятнадцать, другой на год старше. Эти фамилии тренеры посоветовали мне крепко запомнить.

— Позвольте, Мельников,— говорю,— уж не сын ли?..

Оказалось, так оно и есть. Леня — сын многократного чемпиона страны шестидесятых годов кировчанина Василия Мельникова.

...Спуск, подъем, спуск, подъем. Наконец, в последний раз все наверху. Спускаться не торопились, словно прощались с этим замечательным уголком Кавказа. В этот момент высоко над нами завис человек-птица: рядом с горнолыжниками разбили палатки дельтапланеристы из Куйбышева. Вдруг слышу:

— Братцы, а ведь страшно-то как! Ни за какие пряники не полетел бы.

Сказал это один из наших лучших мастеров скоростного спуска, не раз испытавший себя на самых жутких трассах мира. Но вот он ударил палками, пружинно бросил тело вперед, помчался, и мне показалось, что дельтапланерист смотрит ему вслед. И, возможно, думает: «Страшно-то как!»

Но вот все собрались внизу. Завтра домой.

Лаго-Наки.

ИДУ НА ВЫ!..

Виктор ПРОНИН

Говорят, чудаки украшают мир. Может быть. С ними и в самом деле не соскучишься, вечно у них в голове какая-нибудь блажь сидит. Один крылья затеял смастерить, летать ему, вишь ли, приспичило, на земле тесно стало. Второй в тайгу подался — остатки межпланетных кораблей собирать, жизнь ему без этих кораблей не в радость. А третий и того пуще — взял да непосредственному начальнику войну объявил. Неправильно ты, говорит, живешь, руководишь неправильно, и не будет отныне у нас с тобой мира и согласия. Иду на «вы», говорит. И пошел. Вернее, пошла, поскольку речь в данном случае о героине, причем слово это спокойно можно употреблять не только в качестве литературной категории, его и в прямом смысле тоже можно употребить. Надо же, чудаки-то нередко оказываются наделенными мужеством и самоотверженностью, а собственное благополучие для них вроде и не самое главное — чудак, что с него взять! Если уж какая блажь в голову влезет, то колом ее не вышибешь, как сказал поэт.

Итак, дело происходило в Тушинском тресте столовых города Москвы. Конфликт возник между Ниной Тимофеевной (не будем называть ее фамилию) с одной стороны, а на другой стороне оказались директор столовой А. К. Марчуков и директор треста М. А. Тихонов во главе многочисленных служб, отделов, которые они в критический момент, не колеблясь, бросили в бой против заведующей производством Нины Тимофеевны, этой чудачки. Михаил Алексеевич попытался было привлечь на свою сторону даже службы ОБХСС, но из этого ничего не вышло, пришлось обходиться своими силами, своих сил тоже было предостаточно.

Так вот, суть заключается в том, что Нина Тимофеевна, проработав в системе общественного питания четверть века, едва ли не впервые столкнулась с некоторыми странностями в хозяйстве товарища Тихонова Михаила Алексеевича. К ней, в столовую, расположенную в гостинице центрального спортивного клуба «Трудовые резервы», повадились почетные гости из руководства треста. Впрочем, можно назвать их и иначе — нахлебники повадились, любители вкусно и питательно покушать. Оно бы ничего, стерпеть можно и прокормить можно, но уж больно часто стали наведываться, да и аппетит у них все разыгрывался с каждым разом. Почетным гостям уже мало стало просто покушать, им уже надо было и с собой кой-чего унести, да еще не каждый гостинец им в радость, не каждый пакет улыбку вызывал, частенько брали, будто одолжение делали. А расплачиваться было не принято, расчеты, похоже, унижали их высокие души. Проще говоря, как бы само собой разумелось, что сотрудники столовой должны питать гостей и радовать их гостинцами за то лишь, что те соглашаются прийти и честь оказать собственным присутствием.

Вывод напрашивается сам собой — где намеком, где открытым текстом сотрудников столовой толкали к воровству, если уж называть вещи своими именами. Вы, дескать, воруйте, а мы, так уж и быть, постараемся на это внимания не обращать. Особенно здоровым аппетитом отличалась дама из главка Филатова Нина Федоровна. Большой сластеной оказалась, конфеты обожала, причем оказывала предпочтение подарочным упаковкам, праздничным коробкам — не чужда была чувства прекрасного. Вот этой самой сладкоежке Нина Тимофеевна однажды и показала от ворот поворот, вызвав неподдельное восхищение и уважение коллектива столовой. До нее на подобное не мог решиться никто, даже директор столовой товарищ Марчуков Александр Константинович. Да что там! Как выяснилось, Марчуков бывал даже счастлив таким гостям, он чувствовал себя увереннее, более того, давал Нине Тимофеевне постоянные указания о выделении продуктов тому или иному уважаемому им человеку. Продукты брались непосредственно из кладовой, минуя все остальные этапы. Самые качественные деликатесы отпускались, как из магазина, даже без обязательной в столовой наценки. Естественно, возникала недостача, которую надо было погашать или из собственного кармана, или из кармана посетителей.

Предполагалось, что Нина Тимофеевна должна была пойти по второму пути. А она не пошла. И выплатила из своего кармана более четырехсот рублей только в прошлом году, поскольку директор треста М. А. Тихонов ее докладную о списании порвал, не дождавшись, пока Нина Тимофеевна покинет его кабинет. Сильной личностью оказался директор Тушинского треста.

Позиции сторон определились, и события не заставили себя ждать. В июле Нина Тимофеевна выпроводила представительницу главка из столовой, а первого августа последовало отстранение от обязанностей. Тогда же Тихонов предложил ей сдать хозяйство. Тогда же была изготовлена и докладная, на основании которой действовал Тихонов Михаил Алексеевич. Правда, почему-то без даты — дескать, поставим потом то число, которое уместнее покажется. Но в разоблачительской суете об этом позабыли, да так, без опознавательных знаков, и в ОБХСС бумагу отправили.

Докладная стоит того, чтобы о ней рассказать подробнее, поскольку это не просто бумажка — это оружие, примененное одной из сторон. Небезызвестная Филатова Нина Федоровна, директор столовой Марчуков Александр Константинович, старший технолог треста Кулакова Фаина Ивановна подписали эту докладную и, таким образом, придали ей видимость законного юридического документа. А речь в докладной шла о многочисленных нарушениях, хищениях и прочих нехороших делах, которые якобы допускала в своей работе Нина Тимофеевна.

Обличители так увлеклись, такого написали в докладной, что до сих пор вызывает смех, правда, горький смех, у Нины Тимофеевны. Щи из квашеной капусты, говорится в докладной, отпускались с нарушениями и недовесом. Простите, какая квашеная капуста в конце лета? Не было в столовой квашеной капусты вообще. А еще Нина Тимофеевна, оказывается, кур во щах варила вместе с внутренностями, как гневно указывали контролеры, забыв о том, что, во-первых, за это отвечают повара, а во-вторых, этого не было. А еще они обнаружили, что лук репчатый недовложен, а соус «Южный» заменен чем-то другим, а мука в соусе не пассерована и так далее. Не утруждая читателя этими очень специфическими деталями, сразу скажем, что анализ производился органолептическим методом. Вот так. С нами, дескать, не забалуешь. Мы еще не такие слова знаем, мы еще похлестче можем выразиться. Уточним: органолептический метод — это когда аналитик берет ложку щей, сует ее в рот и долго с задумчивым видом перебирает губами. А потом откладывает ложку в сторону, берет шариковую ручку и пишет: недовес на одну порцию составил 5 (пять) граммов, а в щах ряженка вместо сметаны. Внизу ставятся подписи аналитиков, и органолептический метод получает достойное оформление.

Получив такой документ, товарищ Тихонов не мудрствуя лукаво издает приказ. За «многочисленные нарушения» Нина Тимофеевна переводится на три месяца на нижеоплачиваемую работу. Поваром. Со всеми вытекающими последствиями.

Давайте оценим одно не очень важное обстоятельство, которое хотя никак и не повлияло на ход событий, но тем не менее позволяет понять и оценить манеру руководства Тихонова. Так вот, седьмого августа Нина Тимофеевна приходит в трест оформлять отпуск. Встречается с Тихоновым. Тот жмет ей руку и прочувствованно желает хорошо отдохнуть, ни о чем не беспокоиться.

Но когда Нина Тимофеевна в сентябре вернулась на место работы, оказалось, что еще четвертого августа был издан приказ о ее переводе, о наказании. Более того, докладную с необходимыми сопроводительными документами Тихонов с нарочным Кулаковой Фаиной Ивановной отправил в ОБХСС, требуя возбудить уголовное дело против Нины Тимофеевны и наказать ее по всей строгости закона вплоть до тюремного заключения. Будет знать, как гостей привечать...

Не будем причитать по этому поводу, просто задумаемся на минуту о мужестве человека, который осмелился пойти не только против директора треста Тихонова или директора столовой Марчукова,— человек осмелился пойти против сложившихся здесь порядков, а это, надо сказать, серьезнее. Нина Тимофеевна прекрасно понимала, на что идет, понимала, что вряд ли останется в этом тресте после всех событий, вряд ли получит из всей этой истории что-нибудь, кроме хлопот и нервотрепки. Да и возбуждение уголовного дела отнюдь не исключалось. Представьте себе положение следователя ОБХСС, который получает из солидной организации отношение, заверенное, подписанное, оформленное... Тут уж хочешь не хочешь, а холодок пробежит по спине.

Вот так и случилось, что первым после отпуска Нине Тимофеевне позвонил следователь ОБХСС Владимир Николаевич Липатов. Отступать было поздно, некуда, да Нина Тимофеевна и не собиралась отступать. Она идет в Главное управление общественного питания города Москвы и просит разобраться, просит рассмотреть суть смехотворной докладной. Ответ не заставил себя ждать. За подписью заместителя начальника Главного управления товарища Гайдукова получено письмо следующего содержания: «Ваше заявление, поступившее в Главное управление общественного питания, рассмотрено. Привлечение вас к дисциплинарной ответственности за допущенные нарушения в работе производства осуществлено в соответствии с трудовым законодательством».

Что Тихонов, директор Тушин-

ского районного треста столовых, принял заведомо ложную, изготовленную по его же указанию докладную и на ее основании издал заведомо несправедливый, ложный приказ,— это ясно. Но надо заметить, что наше законодательство находится в полном соответствии с нравственными нормами, сложившимися в народе. Законодательство и нравственность составляют одно целое. Поступив аморально, руководитель уже тем самым нарушает трудовое законодательство, и вся история, случившаяся с Ниной Тимофеевной, подтверждает это со всей убедительностью и неопровержимостью.

Для пущей острастки в печально известном приказе № 68 товарищ Тихонов счел необходимым написать о Нине Тимофеевне и такую фразу: «Органами ОБХСС заведующая производством привлекалась к уголовной ответственности за нарушение правил советской торговли».

Тем временем Нина Тимофеевна исчерпала все возможности в масштабе главка. После третьего ее заявления было принято решение не отвечать более этой кляузнице. Да, отношение к ней было именно такое. Ошалел, видите ли, человек, потерял чувство реальности.

А человек, между прочим, в полном соответствии с существующим законодательством и собственными представлениями о достоинстве и порядочности продолжал вести почти безнадежную борьбу с явно превосходящими силами противника. И требовала Нина Тимофеевна в своих письмах не повышения зарплаты, не прежней должности, ее требования ограничивались чисто моральными категориями. Она хотела, чтобы Тихонов, который в своем приказе публично оклеветал ее, публично извинился. Но поскольку этого не случилось, Нина Тимофеевна подала исковое заявление и потребовала в судебном порядке восстановить ее честь и достоинство.

Дело необычное, и надо сказать, что судья Тушинского района не сразу решился всерьез разговаривать с Ниной Тимофеевной. В самом деле, Тихонов известный в районе человек, у него в подчинении тысячи людей, десятки предприятий, и вдруг — клеветник. Были затребованы документы, копии докладной, приказа, и наконец судья принял иск. Правда, тут же переправил в прокуратуру, а оттуда пришел ответ, гласящий, что нет оснований для возбуждения уголовного дела по обвинению Тихонова Михаила Алексеевича в клевете. Дескать, налицо трудовой конфликт и не более, сами разбирайтесь.

Однако вокруг этой истории начало складываться определенное общественное мнение, конфликт получил огласку. Нина Тимофеевна оружия не складывала и продолжала добиваться своего. И М. А. Тихонов издает в конце прошлого года приказ, которым отменяет свое наказание Нины Тимофеевны. Так и пишет: «Докладную записку старшего технолога товарища Кулаковой Ф. И. считать необоснованной для приказа за № 68 от 4.8.80. Приказ о наказании отменить».

Очень хорошо.

Но позволительно спросить: а раньше докладная была обоснована? Все было верно? Свои действия Михаил Алексеевич объясняет так:

— Нина Тимофеевна — человек нехороший, любит из ничего создавать конфликты. Сама она неграмотна...

— Но у нее высший разряд, шестой... Как же понимать?

— Может быть, в области приготовления пищи у нее и действительно высший разряд, а вообще она неграмотна. У нее и раньше были наказания, ею ОБХСС занималось, следователь вызывал на допросы.

— Почему же вы отменили приказ о ее наказании?

— Видите ли, сам по себе приказ справедлив, а отменил я его только для того, чтобы наказать своих работников, которые неправильно составили докладную.

— Неправильно в каком смысле?

— Юридически. Без даты, без соответствующего оформления, подписей специалистов и так далее.

— Но ведь вы сами эту докладную отправили в ОБХСС? И потом этот органолептический метод...

— Ну, напутали слегка, напутали, с кем не бывает...

— На основании всех этих ошибок и был вынесен приказ о наказании, верно?

— Повторяю: приказ отменен не потому, что Нина Тимофеевна оказалась права и у нее нет недостатков, указанных в докладной, а потому, что сама докладная составлена неграмотно. В принципе Филатова и Кулакова правы.

Подписавшие эту бумагу товарищи Филатова и Кулакова тоже объясняют свои действия четко, внятно и очень обоснованно.

Филатова:

— Докладную писала Кулакова, она и делала контрольную проверку блюд.

Кулакова:

— Запись о том, что помидоры были гнилые и отпускались с недовесом, сделана мною со слов Филатовой. О других вещах я тоже писала со слов Филатовой.

Ну вот, все ясно, казалось бы, и можно праздновать счастливое окончание истории? Ничуть не бывало. Нина Тимофеевна продолжает борьбу. Цель — публичное извинение за нанесенное оскорбление.

Чувство правоты, уверенность в справедливости законов неизбежно приносят свои плоды. Нина Тимофеевна добилась специального решения коллегии главного управления общественного питания Мосгорисполкома, которое подписал председатель коллегии Н. Ф. Завьялов. В этом решении сказано, что тов. Тихонов допустил нарушение трудового законодательства. Значит, нарушение всетаки было, значит, не может законодательство противоречить нравственным нормам. Что и требовалось доказать.

Трудно удержаться от вывода, что Нина Тимофеевна отстаивала не только свое достоинство и право жить честно, она отстаивала и трудовое законодательство от произвольного, своевольного толкования.

А кроме того, благодаря ей вскрылись факты бесконтрольного отпуска дефицитных продуктов по маленьким записочкам, в которых подробно перечислялись и количество, и качество разных вкусных вещей, и даже для кого они предназначались. Подписывал эти записки-приказы директор столовой Марчуков, упоминался в них и Тихонов Михаил Алексеевич...

Интересная фраза в решении коллегии главка посвящена и Филатовой Нине Федоровне. Она укоряется за то, что «не обеспечила строгого соблюдения правил оформления документов при проверке работы кухни». Оформила бы документы как положено — и схватили бы за руку эту чудачку, которая никому спокойно жить не дает и своими кляузами совсем извела Тихонова Михаила Алексеевича. Кстати, в решении есть и такой стыдливый пункт: «В тресте столовых имеют место недостатки в организации питания работников аппарата. Определить по каждому тресту четкий порядок организации питания работников аппарата».

И Филатову Нину Федоровну пожурила коллегия за «неэтичное поведение» — именно так были названы ее замашки. Выходит, права была Нина Тимофеевна, когда выпроваживала любительницу полакомиться, когда отказалась выполнять очень строгое указание директора о том, чтобы Филатова не уходила из столовой без гостинцев.

Все это хорошо, но работать на прежнем месте стало невыносимо. Директор треста Тихонов до сих пор шлет в ОБХСС бумажки, документы, требуя привлечь непокорную к уголовной ответственности. Нина Тимофеевна попросила перевести ее поваром — у нее высший разряд именно в этой профессии. В ответ Тихонов предложил ей должность уборщицы. Наконец подобрали для Нины Тимофеевны работу — буфетчицей при детском бассейне. Заметьте, при остром недостатке хороших поваров не только в тресте, но и вообще в городе.

И стала Нина Тимофеевна буфетчицей. Сказать, что она очень была этим удручена, нельзя. Работа — она везде работа, считает Нина Тимофеевна. И тот буфет, который раньше давал за день 15 рублей дохода теперь дает сто рублей. В общем же, план перевыполняется втрое — каждый месяц Нина Тимофеевна сдает три тысячи рублей вместо одной. За счет чего, спрашивается, это можно сделать в буфете, где, кроме воды и конфеток, никогда и не было ничего? Оказывается, можно. Теперь в этом буфете появились соки, фрукты, первое и второе блюда...

Чудаки, конечно, украшают жизнь, но не тем, что служат в ней украшением,—нередко они украшают ее тем, что улучшают, упорядочивают.

И за это им спасибо.

ПАМЯТИ ТОВАРИЩА

Ушла из жизни Галина Захаровна Санько, талантливый фотомастер. Ее работы хорошо знакомы читателям «Огонька», более тридцати лет они появлялись на страницах журнала.

Славный трудовой путь прошла Галина Санько — от фотолаборанта ТАСС до лауреата крупных союзных и международных выставок, автора широкоизвестных работ, в которых она прославляла трудовой и ратный труд советского народа.

Влюбленная в свое дело, которому она посвятила жизнь, Галина Санько объездила всю страну от Балтики до Тихого океана, а с первых же месяцев Великой Отечественной войны стала фотокорреспондентом «Фронтовой иллюстрации» — журнала политуправления Наркомата обороны. Галину Санько — бесстрашную, неутомимую — видели на главных направлениях великой битвы. Она была дважды тяжело ранена, контужена, но неизменно возвращалась в строй. С войны Галина Захаровна вернулась, награжденная орденом Красной Звезды, медалью «За боевые заслуги». За плодотворную работу в области фотографического искусства Галина Захаровна была награждена Почетной грамотой Верховного Совета РСФСР. Несмотря на преклонный возраст, заслуженный работник культуры РСФСР Галина Захаровна не выпускала из рук фотоаппарата, продолжала с блеском выполнять редакционные задания, ездила по стране и за рубеж. Вот и перед своей кончиной она выступила на страницах «Огонька» с блестящим фоторепортажем.

Все, кто знал Галину Санько, будут всегда хранить память о ней.

ТОЛЬКО НАЧАЛО

Борис ЛАСКИН

РАССКАЗ

Рисунок Е. ШУКАЕВА

Она как-то сразу обратила на него внимание. И не утром, когда голова свежая и настрой повеселей, а вечером, перед самым закрытием. Ведь устала за день, а глянула и задержала взгляд. Трудно даже сказать, что в нем было такого особенного — усатый, баскетбольного роста парень в тулупе, в мохнатой ушанке. Отличало его не то присущее покупателям, в особенности приезжим, озабоченное выражение лица — время Москву покидать, а не все еще успел купить. Парень в тулупе выделялся своим прямо-таки демонстративным равнодушием — шел, увидал вывеску «Мужская мода», заглянул полюбопытствовать: какая она есть, эта мода тысяча девятьсот восемьдесят первого года?..

Он расхаживал по торговому залу мимо вешалок с ровными шеренгами пиджаков. «Построились, ждут команды, сейчас грянет духовой оркестр и начнется парад швейных изделий». Эта мысль парню в тулупе показалась довольно забавной.

И тогда она шагнула ему навстречу.

— Может, вам помочь?

Он остановился.

Невысокая, миловидная, в синем фирменном халате, девушка-продавец выжидательно смотрела на него большими серыми глазами.

Парень снял ушанку. «Хорошо девушка держится, с достоинством».

— Здравствуйте.

— Добрый вечер.

— Давайте для начала познакомимся...

Она пожала плечами.

— Разве это необходимо?.. Моя фамилия Теплова. А ваша?

Вздохнув, он ответил вопросом на вопрос:

— Скажите, товарищ Теплова, кто в нашей стране не знает генерального авиаконструктора Антонова?

Она притворилась крайне удивленной.

— Это вы и есть?

— Совершенно точно. Именно я и есть его однофамилец.

Еще не выяснив, обладает ли продавец Теплова чувством юмора, Антонов смекнул: «Привыкла к таким номерам. Сколько их здесь проходит за день, подобных трепачей!»

— Вы просто так зашли или хотите что-нибудь купить?

«Спросила строго по делу. Предстоят чисто официальные взаимоотношения»,— отметил про себя Антонов.

— Считайте — просто зашел. Я с периферии.— Он сделал паузу.— Но, конечно, теперь, когда вы проявили ко мне особое внимание, я, пожалуй...

— Никакого особого внимания я к вам не проявила.

Антонов не уловил, что это должно было означать: «Я могла быть еще более внимательной» или «Чересчур много на себя берете, дорогой товарищ».

— Так что же вы решили? — спросила Теплова.

— Сделать покупку решил.

— Я очень рада.

Антонов помолчал. «Так вы уж и рады! Нисколько это вас не колышет». Он потрогал висевший рядом пиджак, проверил на ощупь качество материала, полюбовался расцветкой, не замечая при этом, что Теплова пристально смотрит на него.

— И какую же вы надумали сделать покупку, товарищ Антонов?

— Откуда вы мою фамилию знаете?

— Память надо тренировать. Сами же сказали — вас знает вся страна.

— Понятно... Сам же я и сказал...

«Он или не он? — гадала Теплова.— Очень похож. Но там у него было совсем другое настроение».

В нескрываемом любопытстве, которое проявила к нему девушка, Антонову почудилась насмешка, и он принял деловой вид.

— Магазин у вас большой, выбор богатый... («И в Иркутске были неплохие пиджаки».) Хотелось что-нибудь помодней... («Только не надо, девушка, нос задирать».) Вот так...

— Понимаю вас,— кивнула Теплова. Похоже было, что поняла она, помимо того, что он сказал, и то, что он подумал.

— Мне нужен пиджак в крупную клетку и брюки в тон.

— Ясно.

— И еще два таких же комплекта.

— Про запас?

— Для товарищей. И чтобы все были одинаковые.

— Все три? — Теплову не оставляла надежда вспомнить, где же она все-таки видела этого парня.

— Точно! — сказал Антонов.— Я тут перед вами, а их данные у меня при себе. Каждый написал на отдельном листке, чтоб не перепутал. Представляете — в одинаковых костюмах втроем мы выйдем с гитарами...

Теплова всплеснула руками и улыбнулась. Вспомнила наконец!..

— А чего ж тут смешного?

Она не успела ответить. Захар Евсеич — директор магазина, проходя, негромко сказал:

— По личному вопросу потом можно побеседовать.

Антонов этого не услышал, а Теплова спросила:

— Вы что, сегодня уезжаете?

— Нет, побуду еще в Москве. А что?

Она бросила взгляд на часы.

— Приходите к нам завтра.

— В какое время?

— Ближе к вечеру... «Стучат колеса и сердца, путям-дорогам нет конца...» Мелодию забыла, а слова запомнила...

Антонов удивился. Интересно, откуда же она знает их песню, которая родилась там, и слова сочинил не поэт-песенник, а Толя Зайцев — классный водитель и гитарист дай боже.

— Давайте ваши данные. Подберем вам что-нибудь подходящее.

Антонов передал Тепловой два листка, один — Толи Зайцева, другой — Игоря Кутепова.

— Вот, пожалуйста, проверьте — на каждом рост, ширина плеч, все, что надо для личного счастья...

Он протянул ей руку.

— До свидания.

— До завтра.

— Погодите... Я не спросил, как вас зовут.

Она ответила не сразу, словно бы решая, сказать, не сказать.

— Меня зовут Клеопатра.

Антонов улыбнулся. Подумал: «Наверное, шутит».

— Как, как вы сказали?

И тут она обиделась:

— Вам не выговорить. Можно проще — Леля.

— Вот это другое дело. Привет!..

Не отрываясь от экрана телевизора, Зоя Георгиевна слушала комментатора, даже кивала, как бы соглашаясь с ним, и вдруг перестала понимать, о чем он говорит. Скорей

всего ей мешало то, что она одновременно слышала музыку — это Леля на кухне включила радио.

Что-то странное творится с Лелей последние дни. Когда это было? Кажется, в пятницу. Пришла с работы и, пока ужинала, рассказала о том, что сегодня у нее состоялась необыкновенная встреча. В магазине появился тот самый парень — усатый, с добрым лицом. «Тетя Зоя, помнишь? Мы с тобой смотрели программу документальных фильмов. Помнишь?.. Дело происходит на БАМе, комнатка в новом доме, собралась дружная компания — девушки, парни. Один на гитаре играет, остальные поют... А этот парень, его фамилия Антонов, он тоже поет... Помнишь? Сидит в свитере, воротник до самого подбородка, подпевает, а по глазам чувствуется — какой-то он одинокий»...

Зоя Георгиевна рукой махнула. «В кого ты уродилась такая фантазерка? Людей на строительстве тысячи, работы невпроворот, природа не как у нас, морозы, тайга непролазная. Люди борются с трудностями, можно сказать, на глазах у всего Советского Союза. Сама подумай, о каком одиночестве может идти речь?»

Вроде убедительно высказалась. Леле в пору бы согласиться. Ничего подобного. Новую теорию выдала: «Тетя Зоя, ты пойми... Чем там человеку трудней, тем больше нужно ему душевное тепло, внимание, забота. Когда ему достается такое, он в сто раз счастливей становится, сильней и нежней».

Зоя Георгиевна не заметила — передачу «Сегодня в мире» сменили выступления гимнастов, она продолжала думать о Леле.

В воскресенье Леля как ушла с утра, так целый день ее дома не было. С новым своим знакомым и в музей, и в кино, и в кафе. Сама-то она в Москве без году неделя, а взяла на себя руководящую роль.

Во вторник вечером с работы пришла не одна. «Тетя Зоя, знакомьтесь. Это Павел Антонов. Я вам о нем, кажется, рассказывала». «Кажется!» Все уши прожужжала.

Парень по виду скромный, физически развит и слова сказал самые обычные: «Очень приятно с вами познакомиться».

Сели чай пить. Телевизор включили, потому что общий разговор не сразу завязался, а когда долгое молчание, человеку неловко — первый раз в доме.

Сначала о Москве речь зашла. Антонов удивление высказал: до чего сильно город изменился и вырос,— но в этих его словах ничего нового не было — так все говорят.

Когда о себе стал рассказывать, Леля ему вопрос за вопросом — и про товарищей, и про сибирскую природу, и о том, какое имеет значение БАМ, ну и так далее. За версту видно — не только потому, что самой интересно, а еще и для того, чтобы ее родной тете этот вот Антонов с выгодной стороны открылся.

Пока говорил и отвечал на вопросы, она на него смотрела, как в детском садике воспитательница на мальчонку, что стишок исполняет на вечере самодеятельности.

С уважением человек о своей работе говорил. Должность у него — машинист путеукладчика. Леля сказала: «Это как лыжню по снежному полю: один проложил, другие следом идут», а Антонов ей: «Более или менее похоже, но у нас нагрузка посерьезней». Бросил такую фразу и ничего не добавил в доказательство. А что тут доказывать? Ребенку понятно — легкое ли дело рельсы тянуть через тайгу?..

А Леля, чтоб ему приятней и не только ему: «Ясно одно — великие дела, что там творятся, только сильным, закаленным людям по плечу». Антонов говорит: «Вспомните хронику, что вы видели,— девушка там одна в спортивной куртке. Не сильней она вас нисколько. Хрупкая она девушка, Тоня Красильщикова, а всегда в первых рядах».

Ничего на это Леля не ответила, но по глазам было видно — обошлась бы и без его сообщения про эту Тоню. Чуть погодя все же не удержалась: «Вы с утра и до ночи вместе, дела общие, вас, наверное, и водой не разольешь».

Антонов только плечами повел, мысли, наверное, прочитал Лелины и вдруг на плечо ей мягко руку положил. И все. Леле бы еще похмуриться, а она ему одними глазами, мол, поняла и верит в те его слова, которые и сказаны им не были.

В дверь звонят. Или показалось?

Точно, звонок. Короткий, деликатный.

Леля уже открыла.

Еще не услышав голос Антонова, Зоя Георгиевна безошибочно определила — он.

Так и есть — прибыл. Вид необычный и почти что торжественный: в модном клетчатом пиджаке, в коричневых брюках. Ему бы еще цветок в петлицу — прямо жених, да и только.

С Лелей уже поздоровался в передней, а сейчас, шагнув через порог, вежливо и смущенно поклонился:

— Добрый вечер, Зоя Георгиевна.

— Добрый вечер.

— Извините, что пришел довольно поздно, это раз, а второе, к сожалению, нигде цветов не достал. Разрешите вместо цветов...

И достал из кармана пиджака вязку сушеных грибов, вынимал, как фокусник,— один за другим.

Зоя Георгиевна улыбнулась.

— Спасибо. Чудесные грибы. Неужели оттуда?

— Сунули в дорогу. Сегодня обнаружил в чемодане.

Леля посерьезнела: «Это, возможно, о нем позаботилась хрупкая девушка Тоня Красильщикова».

По правде сказать, Зое Георгиевне было бы больше по душе, если бы гость снова извинился за столь поздний визит, но, может, ему и одного раза достаточно. Держался он просто, как свой человек, что ее слегка насторожило: «А что, если они что-то уже решили и теперь им осталось только деликатно об этом сообщить?» Тут уж Зоя Георгиевна предпочла бы остаться в стороне — у Лели есть и мать и отец. Живут, к сожалению, не в Москве, в Смоленске. Леля после торгового техникума прописана у тети, тем более, та одна осталась в двухкомнатной квартире.

Чего это он вдруг засвистел?.. Господи, это не он, это чайник со свистком с плиты сигналит.

Леля отлучилась на кухню, выключив горелку, вернулась.

Антонов уже сидел за столом, и лицо у него было необыкновенно озабоченное. Глянув на Лелю, как бы смиряясь с ее присутствием, он сказал:

— Зоя Георгиевна!.. Мне кажется, что уже настало время, в общем, подошла минута, когда я могу вас спросить...

Он выдержал паузу, короткую, но достаточную для того, чтобы Леля молча прищурилась, а Зоя Георгиевна успела мысленно произнести: «Не ко мне, не ко мне с этим вопросом. Берите два билета — и в Смоленск к папе с мамой, а я только тетка, решающего голоса не имею».

Пауза явно затянулась. Зоя Георгиевна почувствовала это раньше, чем племянница, которая спокойно расставляла чашки.

— О чем же вы хотели меня спросить? — поинтересовалась Зоя Георгиевна, хотя в данной ситуации уместней было бы терпеливое молчание. Однако она не захотела дать понять Антонову, что уже обо всем догадалась, слава богу, не маленькая.

Антонов все еще мялся. Вполне естественно. Так должно и быть, отметила Зоя Георгиевна, это характеризует его с наилучшей стороны. Не спешит. Сознает, что его судьба отчасти в ее руках — как-никак она у Лели единственная родственница на всю Москву. Она не стала повторять вопроса и в намерении придать разговору изначальную плавность рассудительно сказала:

— Я прожила большую жизнь и знаю — когда перед молодым человеком встает большой и очень даже непростой житейский вопрос, он обязательно, непременно должен как следует подумать, взвесить все «за» и «против»...

Антонов слушал очень внимательно, а Леля тихонько звякнула чашкой, словно предупреждая тетю Зою, что ей не следует торопить событий, наводить человека на совсем, может быть, другие мысли.

Антонов вздохнул. Достал сигареты, но не закурил, а Леля вспомнила — так же он вздохнул в магазине, когда она спросила, как его фамилия.

— Ну, что же вы? Смелее! — Зоя Георгиевна скрестила руки на груди.

— Уважаемая Зоя Георгиевна,— медленно, со значением начал Антонов,— вы самый близкий Леле человек...

— Хоть и не самый близкий, но достаточно близкий.

— Вы ее родная тетя... Можете вы ответить на волнующий меня вопрос?..

— Это смотря на какой,— неожиданно игриво сказала Зоя Георгиевна и, словно спохватившись, принялась резать батон.

Леля накладывала в вазочку варенье. Казалось, она вообще не принимает участия в этом трудно назревающем объяснении.

— Ответьте мне,— Антонов указал на Лелю,— кто придумал ей такое имя — Клеопатра?

Зоя Георгиевна помедлила с ответом. «Путеукладчик, хитрюга! Ишь, как ловко свернул в сторону. На ходу сообразил, что обратился не по адресу. А может, подумал: рано, к тому же у девушки есть родители и своя голова на плечах».

— Именно это вы так долго не решались у меня спросить?

— Да!

— Ну, знаете ли...

— Известно ли вам, кто была Клеопатра? — строго спросил Антонов, и не сразу можно было понять, шутит он или говорит серьезно.— Скажите, вам это известно?.. Мало того, что она умудрилась прожить до нашей эры, это еще, как говорится, полбеды, но, если вы не в курсе дела, могу сообщить лично вам, как тете, что она была любовницей Юлия Цезаря...

— Да что вы!.. Ведь это надо же!..— Зоя Георгиевна осуждающе покачала головой. «Знаем! Это мы все читали давным-давно, когда Леле годик исполнился, и мы со Степой — ее отцом на дне рождения спорили до хрипоты, и все смеялись, правда, больше надо мной, но сейчас это уже не столь важно».

Леля сидела, закрыв ладонью лицо. Плечи ее дрожали.

Антонов тем временем продолжал:

— Я хотел заглянуть в ее трудовую книжку, но таковой не оказалось. Автобиографии тоже не нашел. Пришлось зайти в библиотеку и на месте заглянуть в энциклопедический словарь. Известно ли вам, что ваша племянница была египетской царицей, что мне, не буду врать, как-то мало понравилось. Но там же я узнал, что Клеопатра была умной и образованной женщиной.

Леля раздвинула пальцы и увидела: говоря свою речь, Антонов заглядывает в шпаргалку.

Зоя Георгиевна оставалась серьезной, что стоило ей немалого труда.

— Но прошу обратить внимание,— Антонов покашлял,— в один прекрасный день Клеопатра встретилась с Антонием...

— С кем? — Зоя Георгиевна сделала вид, что не расслышала.

— С Антонием,— повторил Антонов и покосился на Лелю.— Интересное совпадение. И знаете, что ее оправдывает?

— Что?

— То, что она впоследствии стала его женой. Может быть, я немного спутал последовательность фактов, но это не так важно. На этом я остановился.

— И правильно сделали.— Зоя Георгиевна вспомнила: ее тоже какое-то время тревожила трагическая судьба женщины, имя которой по Степиной прихоти досталось ее племяннице.

Леля вдохновенно готовила бутерброды и при этом весело смотрела на Антонова, который ответил ей улыбкой, и оба они одновременно поняли, что сегодня, вчера, а может быть, днем раньше в их жизни началось то, чему наверняка суждено было счастливо продлиться.

Антонов поднял чашку.

— Клеопатра Степановна, ваше величество, налейте мне, пожалуйста, еще чайку.

— Будет сделано.

И Леля, улыбаясь, потянулась за чайником.

И. О. Горбачев дает интервью в перерыве между заседаниями XXVI съезда КПСС.

Фото Е. Яковлева

ЕЩЕ ОДНО ЗНАКОМСТВО В ЭФИРЕ

Цикл передач «Актер и его роли», организованный литературной редакцией Всесоюзного радио, с каждым разом привлекает все большую аудиторию слушателей. Секрет успеха (судя по редакционной почте) в том, что передачи эти не рассказ об актере, а встреча с актером, его собственный рассказ о себе и своем творчестве. Радиослушатели получают возможность узнать личность любимого актера, понять истоки развития его таланта. Большой интерес вызвали встречи с А. Роговцевой, А. Фрейндлих, И. Смоктуновским, Г. Бортниковым, М. Козаковым... Очередная радиопередача цикла «Актер и его роли» состоится 20 сентября в 20 часов 20 минут по первой программе. Герой ее, народный артист СССР Игорь Олегович Горбачев, из тех счастливцев, о которых говорят: «В одно прекрасное утро он проснулся знаменитым». Его Хлестаков, сыгранный еще в студенческую пору, вмиг завоевал ленинградскую публику, а позже, после выхода кинофильма,— и зрителей всего Союза. Между тем Горбачев в юные годы готовил себя отнюдь не к профессии актера. К какой же — вы узнаете из радиопередачи. Горбачев расскажет в ней о многом. О XXVI съезде КПСС, делегатом которого он был, и о видных представителях Ленинградского театра драмы имени Пушкина, готовящегося сейчас к своему 225-летию. О своих ролях, исполненных на этой прославленной сцене, и о ленинградцах разных профессий, с которыми его сводила судьба... В исполнении Горбачева прозвучат монолог чеховского Иванова и стихи Г. Табидзе, сцены из спектаклей разных лет, в их числе и из новой работы — «Предел возможного» И. Герасимова, где Горбачев и режиссер-постановщик и исполнитель главной роли — Ремеза.

Передачу «Актер и его роли», посвященную И. О. Горбачеву, ведет заслуженный деятель искусств РСФСР, кандидат искусствоведения Ю. А. Зубков. Режиссер — М. Турчинович.

С. ДАВЛЕКАМОВА

В зале Дома дружбы во время советско-французской встречи.

Фото С. ПЕТРУХИНА

В ДОМЕ ДРУЖБЫ

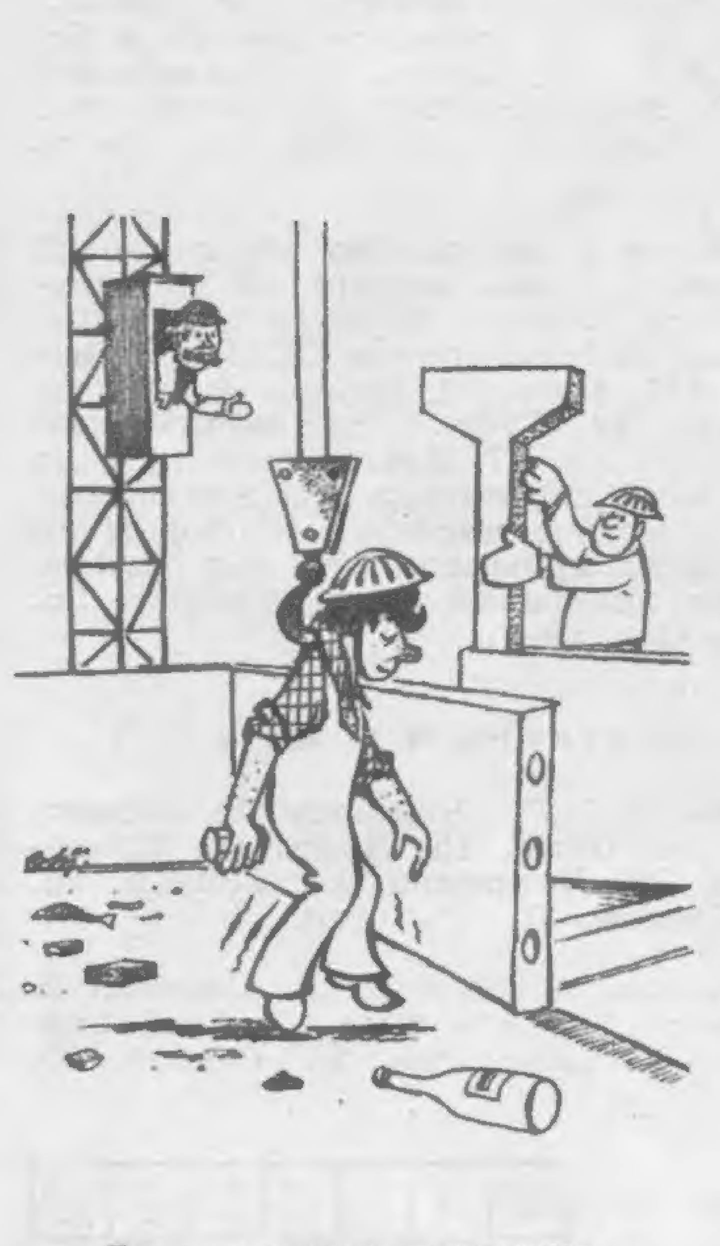
Библиотекарь Анни Мютель из Арраса, художники Мишель и Альбер Коик из Бойе, писательница Моник Легран, гости из Парижа, Марселя, других больших и малых городов Франции в составе большой группы прибыли на советско-французскую встречу «Литература для детей и юношества в нравственном становлении личности», организованную Ассоциацией деятелей литературы и искусства для детей ССОД и обществом «Франция — СССР».

В Доме дружбы на проспекте Калинина в Москве проходила дискуссия о том, как сделать детское чтение не только интересным, захватывающим, но актуальным по содержанию, воспитывающим без назидательности, однако последовательно и целеустремленно. Открывая встречу, президент Ассоциации деятелей литературы и искусства для детей ССОД писатель А. Лиханов рассказал о том внимании, какое уделяет Коммунистическая партия, правительство нашей страны делу воспитания будущих граждан. Он подчеркнул значение писательского слова, к которому доверчиво относятся юные читатели, берущие пример с любимых героев своих книжек. Выступившие на встрече участники дискуссии поделились своими впечатлениями и опытом, проблемами творчества.

Гости из Франции задали много вопросов, оживленными были споры, возникавшие в ходе выступлений делегатов. Сознавая различия во взаимоотношениях книгоиздателей и авторов у нас и в буржуазных странах при всех оттенках восприятия роли литературы в воспитании, все были единодушны в мнении о том, что забота о мире, об укреплении высоких идеалов гуманизма, интернационализма и дружбы должна стать центральной в творчестве писателей и художников, отдающих свой талант детям.

К встрече была приурочена выставка французской детской книги и книжной графики с участием 24 фирм-экспонентов—издательств «Галлимар», «Ашетт», «Фламмарион» и других. Пояснения давали авторы книг и иллюстраций. Кроме Москвы, французские гости показали выставку в Таллине, где встретились с детскими писателями и художниками, критиками и музыковедами Эстонии.

Ю. НОВИКОВ



— Я его на ноги поставил...

— Кто первый предложил качать мастера в связи со сдачей объекта?..

Рис. В. Тамаева.

— Блины заказывали?..

Рис. А. Панасенко.

Рис. Ю. Кособукина.

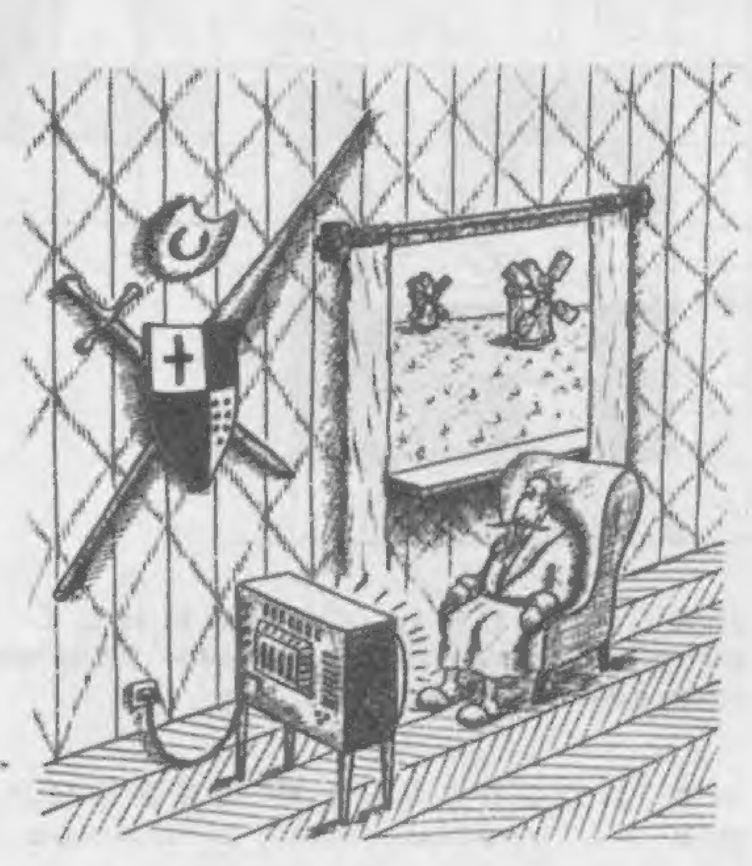


Рис. А. Дмитриева.

Рис. В. Дубова

КРОССВОРД

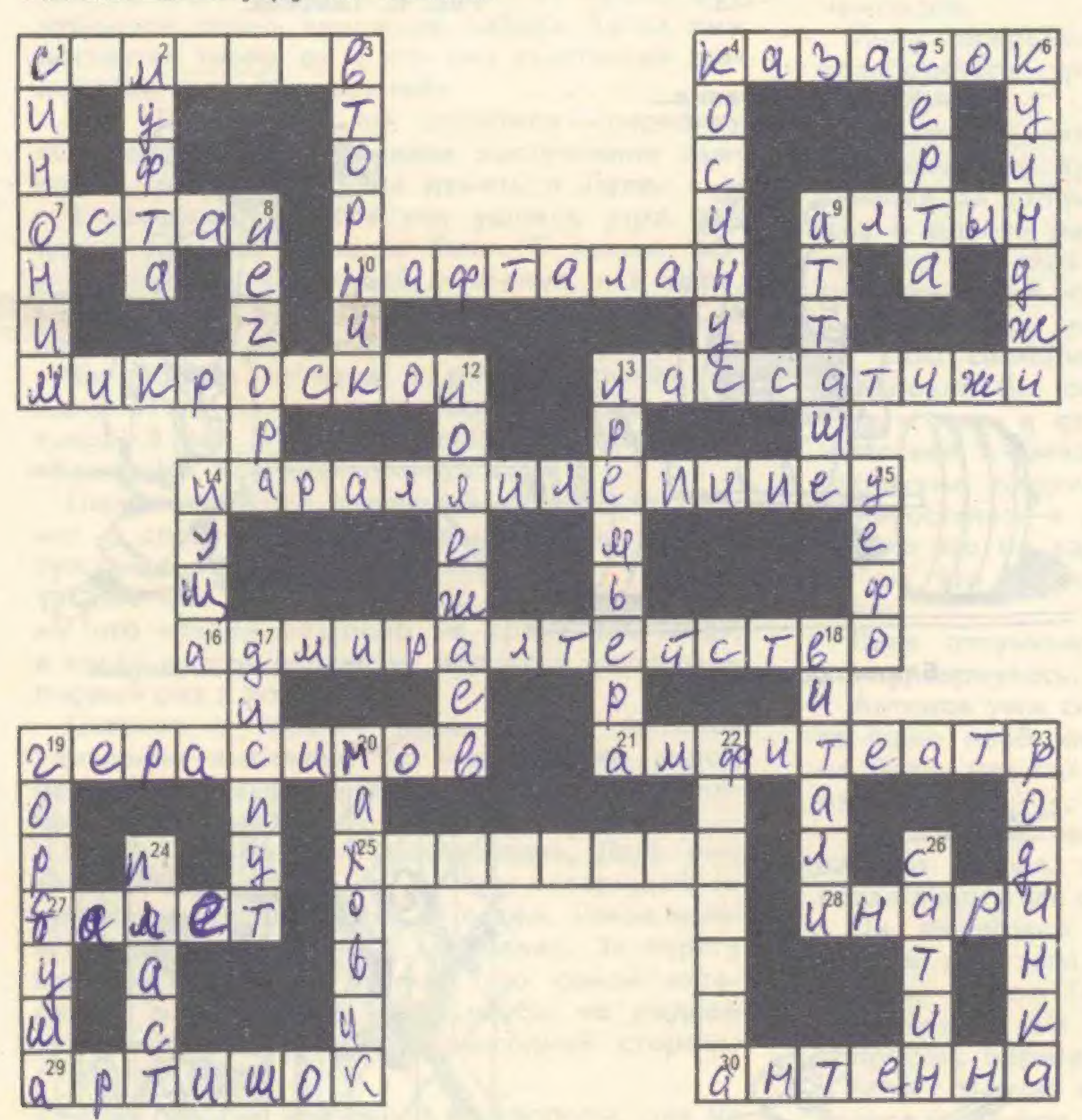
По горизонтали: 1. Один из основоположников химической физики, академик, дважды Герой Социалистического Труда. 4. Народный танец. 7. Персонаж повести Н. В. Гоголя «Тарас Бульба». 9. Старинная русская монета. 10. Курорт в Азербайджане. 11. Оптический прибор. 13. Слесарный инструмент. 14. Призма. 16. Историческое здание в Ленинграде. 19. Народный художник СССР. 21. Места в зрительном зале. 25. Комедия И. С. Тургенева. 27. Вид сценического искусства. 28. Озеро на севере Финляндии. 29. Овощное растение. 30. Часть радиоустановки.

По вертикали: 1. Слово, тождественное с другим по значению. 2. Устройство для соединения валов, труб. 3. День недели. 4. Тригонометрическая функция. 5. Узкая полоса, линия. 6. Художник-передвижник. 8. Река на северо-востоке Европейской части СССР. 9. Дипломатический ранг. 12. Русский поэт XIX века. 13. Первое представление спектакля, цирковой программы. 14. Густой, труднопроходимый лес. 15. Автор романа «Робинзон Крузо». 17. Публичный спор на научные, литературные темы. 18. Русский скульптор, представитель классицизма. 19. Лососевая рыба. 20. Колесо с массивным ободом на валу двигателя. 22. Совокупность средств музыкального изложения. 23. Рассказ М. А. Шолохова. 24. Форма залегания горных пород. 26. Действующее лицо пьесы М. Горького «На дне».

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 37

По горизонтали: 1. Торшер. 4. «Сильва». 7. «Челкаш». 9. Корнет. 10. Гринев. 11. Цвирка. 12. Гуррагча. 14. Очки. 15. Липа. 16. Плавание. 17. Индуктор. 20. Рамо. 21. Диод. 23. Непрядва. 24. Гейзер. 26. Широта. 28. Асбест. 29. Натура. 30. Станок. 31. Рындин.

По вертикали: 1. Тюбинг. 2. Шевченко. 3. Рублев. 4. Свинец. 5. Лестница. 6. Аркада. 8. Шторка. 9. Курган. 12. Гиперион. 13. Алебарда. 18. Дуплет. 19. Теджен. 20. Розмарин. 22. Дерматин. 24. Глобус. 25. Рябчик. 26. Штуцер. 27. Анилин.



НА ПЕРВОЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: Сердечно и торжественно встретили жители древнего города Полоцка участников учения «Запад-81».

Фото А. Награльяна

НА ПОСЛЕДНЕЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: Александр Жиров на трассе. (См. в номере материал «Лето горнолыжное».)

Фото С. Панина

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.

Редакционная коллегия: Д. Н. БАЛЬТЕРМАНЦ, В. В. БЕЛЕЦКАЯ, С. А. ВЫСОЦКИЙ (заместитель главного редактора), И. В. ДОЛГОПОЛОВ (главный художник), Д. К. ИВАНОВ (ответственный секретарь), Н. А. ИВАНОВА, В. Д. НИКОЛАЕВ (заместитель главного редактора), Ю. С. НОВИКОВ, А. Г. ПАНЧЕНКО, Ю. П. ПОПОВ, Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: 101456, Москва, ГСП, Бумажный проезд, 14.

Оформление Е. М. КАЗАКОВА.

Телефоны отделов редакции: Секретариат — 212-23-27; Отделы: Внутренней жизни — 250-56-88; Международный — 212-30-03; Социалистических стран — 250-24-21; Искусств — 250-46-98; Литературы — 212-63-69; Военно-патриотический — 250-15-33; Науки и техники — 212-21-68; Юмора — 212-14-07; Спорта — 212-22-19; Фото — 212-20-19; Оформления — 212-15-77; Писем — 212-22-69; Литературных приложений — 212-22-13.

Сдано в набор 31.08.81. Подписано к печати 15.09.81. А 00428. Формат 70 × 108⅛. Глубокая печать. Усл. печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 11,55. Усл. кр.-отт. 18,20. Тираж 1 810 000 экз. Изд. № 2320. Заказ № 1084.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. 125865, Москва, А-137, ГСП, улица «Правды», 24.

Когда в понедельник утром радио по просьбе любителей хоккея сообщило, что Кубок Канады у наших спортсменов, всех обрадовала эта весть и удивило цифровое выражение победы. Финальный матч с канадской сборной, потерявшей в процессе турнира всего одно очко, закончился ее поражением со счетом 8 : 1.

Этот победный счет, с которым советские хоккеисты завершили турнир, получив Кубок Канады из рук премьер-министра страны Пьера Трюдо, был настолько интригующ, что болельщики забыли о своем неизменном принципе — ничего не знать об исходе уже состоявшейся игры, чтобы усилить момент своего присутствия, когда матч будет передаваться по телевизору. На сей раз они решили махнуть рукой на это присутствие. Главное, наша команда победила, доказала свое превосходство над прославленными профессионалами. И теперь хотелось увидеть, как же был учинен этот разгром. Когда первый период закончился с результатом 0 : 0, когда ценой огромных усилий советская команда после второго периода повела — 3 : 1, еще трудно было поверить, что остальные пять шайб будут забиты всего за двадцать минут. Но факт остался фактом. Да, в третьем периоде советские хоккеисты забили в ворота самой сильной профессиональной сборной Канады пять безответных шайб! И тренер сборной Канады, видимо, правильно прокомментировал этот исход, заявив, что хоккей есть хоккей и сегодня победила команда, которая была сильнейшей. С такой оценкой нельзя не согласиться. Чуда здесь не было, была убедительная победа.

В. ВИКТОРОВ.

Сборная команда СССР.

Телефото В. Зуфарова (ТАСС)

Капитан сборной команды Валерий Васильев с Кубком Канады.

ДА НЕ БЫЛО

ISSN 0131—0097
Цена номера 35 коп.
Индекс 70663